

Сквозь порох и пар

Илья Городчиков

16+

Илья Городчиков

Сквозь порох и пар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68057965

SelfPub; 2022

Аннотация

Гражданская война – страшное дело. Миллионы пуль и снарядов отправляют друг в друга бывшие друзья и родственники. За популистские призывы и идеи, брат готов растерзать брата, а отец сына. Среди разгорающегося ада, свою войну ведёт отставной офицер, пытающийся свершить благую месть. Но может ли он просто сидеть и наблюдать, как его Родина, за которую он воевал, терзает сама себя изнутри?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	60
Глава	88
Глава 5	130
Глава 6	171
Глава 7	185
Глава 8	198
Глава 9	221
ЭПИЛОГ	259

Илья Городчиков

Сквозь порох и пар

Глава 1

Хмурое, будто наполненное несчастьями и страданиями людей, небо изливало тонны холодной воды. Толстые и тяжёлые капли дождя хлестали стражников, простых прохожих и животных, что оказались на улице в столь неприятное время. Разыгравшийся ветер трепал деревья, то и дело угрожая переломить их тёмные стволы. Потоки метали по улице грязные клочки газет и отрывки рваной ткани. Капли тарабанили по шиферу крыш, звонко разбивались о оконные стёкла десятками фрагментов, пока ветер злобно шуршал кронами деревьев. Всё это создавала неповторимую симфонию ранней весны, когда солнце ещё не обогрело землю, а зима всё не отпускала из своего ледяного полона уставшую природу.

Одинокий всадник скакал по дороге. Крепкий конь месил ногами грязь, отзывающуюся влажными звуками. И наездник, и конь уже насквозь промокли, пропитались холодом и грустными мыслями. Всадник поднял голову вверх, разглядывая огни корчмы, теплящиеся среди стены крупных капель дождя. В поле его зрения показалась натянутая между деревянных барачных верёвка, на которой виднелось два по-

трёпаных жизнью полотна, где на красном фоне были изображены чёрные треугольники.

Всадник улыбнулся уголками рта и хотел было пришпорить коня, но заметил, как из раскрашенной в красно-зелёную полоску будки, выходит вооружённый солдат. Матерясь из-за холодного дождя и удерживая ладонью свою кепи от ветра, он подбежал по мокрой земле к всаднику.

– Документики! – гнусавым голосом потребовал боец, на шинели которого чёрной, дрянной краской был намалёван равносторонний треугольник.

Всадник потянулся к набедренному под сумку, но заметив напряжение на лице воина, добродушно улыбнулся, отмыкая карман на пуговице и аккуратно вытащил серую книжечку паспорта. Передав документ дозорному, всадник не переставал улыбаться, сильнее натягивая капюшон на голову, скрывая руку за полами плаща. Промёрзшая ладонь обхватила стальную рукоять револьвера, пока молодой солдат старательно вчитывался в пропечатанные на плотной бумаге буквы.

– С какой целью прибыли в город? – дозорный поднял голову, подставляя лицо бушующему дождю.

– Личное приглашение от комиссара Медняка. В паспорте приложена дорожная бумага.

Солдат повернул страницу и заметил, что на прицепленном скобой листке, ярко сияла красной краской печать в виде шестиконечной звезды. Увидев её, солдат тут же закрыл

паспорт и резво отдав честь, рысью бросился в свою будку, спасаясь от дождя. Всадник пришпорил коня и, насколько это позволяла наступившая распутица, быстро поскакал в сторону харчевни.

Оказавшись у входа, мужчина спрыгнул с уставшего животного, вступая на промокший порог харчевни. Отперев окованную медными полосами дверь, мужчина вошёл в здание таверны. Внутренность заведения была отоплена, раскалёнными докрасна берёзовыми дровами, взметнувшимися плядой серой золы от пришедшего вместе с мужчиной ветра. Всадник глубоко вдохнул, собирая множество ароматов заведения. Пахло копчённой свининой, свежим ржаным хлебом, солёными огурцами, кислым пивом, дешёвым вином и дрянным табаком, дым которого создавал плотную серую завесу в воздухе заведения. Стянув капюшон с головы и сняв с плеч плащ, он встряхнул свою одежду, сбивая с неё всю налетевшую воду. Мужчина, медленно, стуча крепкими каблуками солдатских сапог, прошёл в сторону стойки.

Харчевня, не смотря на бесчинствующую за её стенами непогоду, была заполнена людьми: за столами сидели уставшие рабочие, уплетающие горячую похлёбку и попивающие кислое пиво, торговцы обсуждали какие-то свои дела, сгрудившись в углу и распивая молодое вино. Бедняки отрывисто хлебали свою баланду, стараясь не отвечивать и напрягать других, уже подвыпивших гостей, а за стойкой сидела пара военных, угрюмо закидывающих чарку за чаркой вод-

ку. Среди посетителей выделялись лишь трое, бандитского вида мужиков, шумно играющих в карты за одним столом и постоянно громко выкрикивающих бранные слова. На столе их стоял запотевший графин с мутноватой жидкостью и плохо обожжённая глиняная тарелка, наполненная мясной нарезкой в которой было полно разных колбас и вяленой свинины.

За стойкой стоял добродушного вида мужчина лет пятидесяти, что натирал стеклянные стаканы, видимо пытаясь достичь того же блеска, которую давала его лысина. Крупную фигуру тавернщика, скрывала лишь кожаная жилетка, надетая на голое тело и шаровары, сшитые из красной ткани на южный манер.

Сев на высокий стул за стойку, Валов достал из подвешенного к поясу кошелька, пару серебряных монет с изображением лисы на «решке», – У меня конь на улице. Нужно его напоить, обогреть и задать овса. А мне, пожалуй, кружку горячего мёда.

– Хорошо, господин. – тавернщик сгрёб оба серебряных кругляшка совей крупной ладонью и сунул их куда-то под стойку, собранную из нескольких берёзовых досок и отполированную сотнями кружек, что прошли по ней за годы существования заведения.

– Ты где здесь господ увидел?! – сзади слышался пьяный голос и шуршание грубых ботинок по деревянным половицам корчмы. Это была та пьяная тройца, что встала из-

за стала, бросив на него карты. Они явно искали драки, а сидящим за столом военным это было безразлично, и они просто продолжали поглощать водку.

Напуганный тавернщик быстро отступил в кладовую, а прибывший мужчина потянулся к собственному поясу, молча вытаскивая из кожаной кобуры револьвер. Положив его на столешницу, он сразу почувствовал, что до того агрессивные мужчины отступили, что-то злобно бубня себе под нос. Хозяин заведения выглянул из своей каморки и благодарно кивнув, поставил перед всадником глиняную кружку.

Мужчина глотнул мёд и удивлённо поджал губы. На удивление, этот напиток в столице варили очень даже неплохо. Всё же он, как житель восточных краёв, что полны были пасек, как никто другой знал толк в хорошем мёде. Тепло сразу потекло по пищеводу, из-за чего холод тут-же ушёл из организма всадника, возвращая радость.

– Хороший мёд. Откуда рецепт? – всадник посмотрел на корчмаря, который всё косился на озлобленных и сильно пьяных бандитов, что всё просили и просили нового самогона с закусью.

– Семейный рецепт! – хмыкнул хозяин корчмы, подбочениваясь, – От деда моего достался.

– Молодец твой дед. – отсалютовал всадник кружкой, тоже подсматривая в сторону бандитов.

Общаясь на блатном, тюремном жаргоне, они постоянно подливали в гранёные стаканы своё хлебное вино, пока за-

куски сменялись с мяса на маринованные овощи, только что вытасканные прямиком из рассола, коим были наполнены дубовые бочки в подвале харчевни. Их ничего не напрягало. Они, сопровождая свои действия забористым матом, раскидывали кости от кусков мяса и щупали проходящих мимо официанток. В один момент они было решили закончить своё празднования и своей дружной, шатающейся компанией, направились в сторону выхода из харчевни.

– Уважаемые, а как же оплата? – окликнул их хозяин заведения.

– Жизнь тебе оплатит! – не стесняясь, нахально крикнул один из блатных.

Всадник обернулся через плечо, подбирая со стойки револьвер и разглядывая уходящих пьянчуг. Один из них, самый рослый мужчина носил остроконечную кепку на бритую голову и замшевое пальто. Казалось, что он и не пил, подерживая за плечи своих друзей. Его товарищи были в ватниках, чей цвет был сопоставим с мокрой грязью за стенами заведения и хлопковых штанах, которые, на удивление, практически не имели заплаток.

– Ребят, а вы точно заплатить не хотите? – всадник развернулся на стуле, поигрывая револьвером в руке.

Высокий бандит, приложив своих товарищей к стене, повернулся к всаднику, поправил кепку и сооротив хищное лицо, рыкнул ему, – Ну а чего ты со своей пукалкой, фраерок?! Может раз на раз выскочим?! А?!

– Ну, а почему нет? – всадник встал со стула, возвращая револьвер обратно в кобуру. Тавернщик что-то обеспокоенно промямлил, но бандит остановил его движением ладони.

Бандит, ощерившись, вытянул из кармана своего пальто нож-выкидуху, перебрасывая своё орудие из ладони в ладонь, продолжая сверкать золотым зубом. Всадник, положив руки в широкие карманы своего плаща, вышел в центр помещения, где была удобная, очищенная от столов площадка. Посетители заведения, заслышав о бое, сразу же оживились, устремляя свои взгляды в сторону центра помещения, даже двое солдат, до того не отрывавшиеся от бутылки, заинтересовались. Всадник же, вытащил руки из карманов на которых оказались, отблёскивающие латунным цветом, кастеты.

– Ну что, помахаемся? – хмыкнул всадник.

Бандит дёрнулся, словно сайгак, прыгая на месте и старательно пронзая клинком воздух, видимо пытаясь убить его. Всадник же просто встал в стойку, смотря на этого зайца и качая головой, ожидая нужного момента. Бандит подпрыгнул к мужчине, размашисто ударяя ножом в его голову. Однако он просто качнулся в сторону, слегка ударяя в печень блатному. Златозубый согнулся, роняя кепку с головы, но выплюнув сгусток крови, всё же разогнулся, двигая плечами и вновь бросаясь в бой. Нож просвистел у бока всадника, но тот только двинул ногой, выбивая бандита из равновесия. Тем не менее, стоит отдать ему должное, ведь златозубый устоял на ногах и даже с разворота постарался распороть

живот всадника, который обрушил кастет на хребет бандита, вминая того в половицы харчевни. Зал взревел, взметая свои кружки вверх, пока бандит старался встать и подобрать нож. Ему это удалось сделать всего на секунду и сразу же раздались оглушительный хруст, перебивающий шум таверны. Правый кастет всадника влетел в челюсть бандита, дробя кость на множество кусков. Бандит в отключке вновь упал на землю и всадник, подняв его тело за пальто, вышвырнул того в грязь. Вернувшись, он поднял выпавший у бандита кошель и кинул тот в руки тавернщика, который неловко его поймал.

– Это за тех ребят и за меня. – сказал всадник, возвращаясь на свой стул, слыша, как хлопает за бандитами дверь.

– У меня есть к-к-комната. – промямлил хозяин и подождав официантку, скомандовал, – Проведи господина в свободную.

Миловидная официантка с длинной рыжей косой, прижав к груди поднос, кивнула и быстро передвигая тонкими ногами, побежала на второй этаж. Всадник, допив мёд в собственной кружке, стукнул ею о стойку. Он быстро поднялся за девушкой и поблагодарив её, вошёл в комнату. Та была небольшой, но довольно опрятной и состояла из небольшого шкафа, одноместной кровати и тумбы на шести квадратных метрах.

Всадник сбросил плащ на стул, надеясь на то, что он быстро высохнет. Вынув ноги из сапог, мужчина сел на кровать, слегка скрипнувшую под его весом. Слушая удары капель

дождя, разбивающиеся о черепичную крышу таверны, он лёг на набитый сеном матрас, сложив руки на затылке и стал медленно засыпать.

Следующий день начался не с самого утра. Всадник позволил себе подольше поваляться в кровати, снимая навалившееся за время долго пути напряжение. Оставив в номере плащ, он спустился вниз, где рыжая официантка старательно оттирала следы вчерашней гулянки и кровавые подтёки от боя всадника и бандита.

– Есть перья, бумага и чернила? – всадник облокотился на столешницу, смотря на суетившегося тавернщика.

– Конечно, достопочтимый господин. – владелец развернулся и вытащил из одного из ящичков чёрную склянку полную чернил, несколько желтоватых листов и небольшую связку длинных гусиных перьев.

Всадник кивком поблагодарил его и сев за один из столов, стал писать. Дел в городе было множество, а потому пришлось действовать быстро. Чёрная строка за строкой появлялись на бумаге. Сточенные перья тратились одно за другим и спустя час он имел несколько листов, исписанных аккуратно и забористым почерком. Этому всадник научился ещё, будучи адъютантом при одном из высших офицеров Империи, когда писарем приходилось быть практически постоянно.

Написав всё нужное, он вернулся наверх за плащом и ре-

вольвером, который он на ночь оставил под подушкой. Надев на плечи своё чёрное, просохшее за ночь одеяние, он вышел из таверны.

Дождь, ливший практически два дня, на его удивление закончился, впитываясь в землю столицы. Без сильного ветра и ливня, город казался намного более приятным, но несмотря на это, всадник оставил своего коня и натянув капюшон сильнее, отправился на улицы города. Мужчина когда-то уже был в столице, но тогда ему была от силы дюжина лет и запомнил он лишь храм, который тогда посещал с отцом.

Всадник шёл по улицам, видя, что столица явно переживала свои далеко не лучшие времена. Больше не сияли своими золотыми куполами белокаменные храмы, ослепляя гостей и жителей города. На улицах не было несметных орд мелких торгашей, носивших при себе свой мелкий товар и громкими криками зазывающий себе случайных прохожих. Не было больше сбитнеков, продающих свой пряный напиток, не было. Яркие вывески магазинов потускнели, покрылись грязью и сколами. На улице не показывали носу уличные маги, демонстрирующие своё хитрое и сложное искусство. Не было видно тряпок чистильщиков обуви, что за пару медяков могли начистить ваши ботинки так, что, смотря в них можно было бы бриться. Народ был всё серый, грустный и хмурый. Всё чаще встречались бедняки и старики, что с протянутой рукой сидели у стен домов, тихо читая длинные молитвы. Вся атмосфера холодным прессом вдавливалась

в сознание состояние отчаяния и грусти.

Во всём молчаливом городе, странным и чем-то необычным казались плакаты и вывески на коих были написаны призывы и лозунги, часто исполненные в красном цвете. К одному из таких, прицепленному к заколоченной двери бывшей аптеки и подошёл всадник. "Народ! Равенство! Прогресс!" – эти три слова, напечатанных красным, были расположены по трём углам чёрного треугольника. Прочитав это, Всадник медленно покивал, не видя сейчас в столице двух из трёх этих слов.

От мыслей его отвлёк громкий, молодой голос, что, отражаясь от жестяных стенок рупора, разливался по улицам города. Мужчина покрутил головой и увидел молодого солдата, вставшего на ящик посреди улицы. Даже усиленные мегафоном, слова его были плохо различимы, а потому, почесав шрам на щеке, всадник отправился послушать чего там говорят. Старая рана, полученная при штурме укрепления в битве при Ханчване, плохо заросла, оставив грубый шрам и теперь постоянно давала о себе знать при изменении погоды.

Молодой солдат, а судя по смеси рабочей униформы и военного снаряжения, ополченец, тряс плакатом, выкрикивая лозунги и призывы. Всадник прислушался, вникая в его речь.

– Товарищи! Рабоче-крестьянская революция позволила нам освободиться от оков олигархата и кровавого царского режима, тайно управляемого вырожденками из Блока! Теперь,

когда народ свободен, он имеет право на обучение и развитие! Революция озаботилась этим и создала вечерние школы на деньги, отнятые у буржуев во благо народа! – самозабвенно кричал молодой парень, которому вряд ли можно было дать и двадцать лет.

Всадник хмыкнул. Как бы он не недолюбливал треугольных, но стоило отдать им должное в том, что они не вцеплялись до крови из пальцев в бесполезные традиции, стараясь, даже в это сложное время, улучшить положение простого народа. Правда, особенно много желающих не было, но даже несколько записавшихся на обучение уже были фактом того, что люди тянулись к знаниям.

Нужное всаднику здание было расположено в промышленном районе всего, в нескольких улицах от него, но он не торопился, наслаждаясь пешей прогулкой спустя стольких дней путешествия в седле. Чем ближе он подходил к нужному дому, тем сильнее виднелся дым и тем больше встречалось запряженных лошадьми телег, везущими какие-то ящики из заводского района по грязной дороге. Столица, не смотря на своё положение, была крупным промышленным городом, полным множеством различных предприятий, начиная от стекольных и кожевенных, заканчивая моторными и пушечными. Что-то внутри подсказывало, что кирпичные коробки заводов, работали далеко не по своему профилю.

Заводской район был расположен практически на берегу реки Йон – одной из двух рек на которых и стояла столица.

По берегу стояло множество рыбаков, удочки которых создавали редкий частокол. Всадник шёл мимо них, неодобрительно качая головой. Учтывая, что все заводы сливали туда свои отходы, то не было понятно, каких мутантов оттуда можно было вытянуть.

Нужный ему завод никем не охранялся, а потому всадник вошёл в раскрытые железные ворота предприятия. У стены стоял один из рабочих, хмуро смотрящий на пришельца. Плутать всаднику по заводу и отсвечивать лицом желания ему было мало, а потому он сразу направился работяге, что старательно вытирал грязные ладони о джинсовый комбинезон.

– Здоровья пролетариату! – отсалютовал тому всадник, вытаскивая из нагрудного кармана пачку сигарет, протягивая один из белых столбиков работнику.

– Да и ты не болей. – кивнул работник, принимая сигарету и подпаливая её от вытащенной из коробка короткой спички. Подпалив и сигарету всадника, он спросил с угрюмым лицом, – А тебе чего тут надо?

Всадник глубоко затянулся сигаретой, вдыхая хороший дым от крепкого южного табака, – Знаешь Сёму Глаза? Такой, невысокий мужчина, с короткими светлыми волосами и глаза у него разные – янтарный и зелёный. Он вроде тут должен был работать толи разнорабочим, толи кем-то другим.

– А на кой он тебе? Задолжал чтоль? – рабочий поперхнулся, втянув в себя сигаретный дым, – Крепкий, чёрт тебя

дери!

– Южный всё-таки. – хмыкнул всадник, глубоко затягиваясь, – Глаз мой старый друг. Я у него давно одну вещичку оставил. Хотелось бы забрать обратно.

– Тогда ищи его в подсобке. Дашь ещё одну?

Всадник вытащил ещё одну белую сигарету и передал её рабочему, вошёл внутрь здания. Станки грохотали, звеня и дребезжа своими механизмами. Рабочие, сновали туда-сюда, перетаскивая ящики и переругиваясь между собой. Станочники не сходили с своих мест, обрабатывая какие-то трубы. Присмотревшись, всадник заметил в них знакомые очертания стволов винтовок. Завод явно работал на нужды фронта. Это было немудрено, ведь на юго-западных границах было очень беспокойно. Всадник, пройдя между рядами станков, заглянул в угол и нашёл металлическую дверь с надписью: «Подсобное помещение». Оглянувшись и убедившись в том, что никому нет до него дела, он осторожно потянул за ручку и проскользнул внутрь, прикрыв за собой дверь. За ней оказался небольшой спуск вниз, ступени которого были выложены деревянными досками. Осторожно ступая по ним, всадник вытащил из кобуры револьвер, слушая громкую музыку, изливающуюся из подвала. Спустившись, он оказался в небольшом помещении, пол и стены до самого потолка были уставлены самодельными деревянными ящиками. За верстаком на высоком барном стуле сидел мужчина, постоянно чешущий лысеющую голову. Рядом с ним стоял проигрыва-

тель с медной трубой и широкой чёрной пластинкой. Музыка, что исходила из бронзовой трубы, полностью перекрывало все звуки, а маленький человек сидя пританцовывал. Всадник медленно подошёл к маленькому человеку и подставив дуло револьвера в затылок человека, медленно взвёл курок.

– Ну, здравствуй, Глаз! Давно не виделись.

Маленький человек резко остановился, подняв руки вверх и попытался повернуться лицом к всаднику, но почувствовав, как сталь сильнее вжалась в его череп, остановился, дрожащим голос произнося, – Привет-привет, как у тебя дела? Сколько лет утекло...

– Четыре года, урод. Целых четыре года прошло, как ты кинул меня. Нравится сидеть на моих деньгах?

– Что-ты?! Ты думаешь, я мог украсть твои деньги?! Я ни копейки не потратил твоих денег! Всё лежит в одном надёжном месте, где никто их не сможет найти! – Глаз дёрнулся к лежащему на верстаке ножу, но получил удар рукоятью револьвера в висок и рухнул на деревянный пол, чудом не сбив ни одного ящика. Он, с ужасом в своих разноцветных глазах, быстро попятился назад, глядя на вооружённого мужчину.

– Ну и что это за место? – всадник присел, нацеливая револьвер между ног Глаза, кладя пальцы на спусковой крючок.

Глаз посмотрел на свой пах, кусая себя за нижнюю губу и быстро проямлил, – У Саши Трёхпалого. Он самый надёж-

ный банкир в городе. Клянусь здоровьем своей собаки!

– Где найти этого Сашу? Говори, а иначе жить будешь не долго, да и не сильно-то и счастливо.

– Сердюкская улица. Там есть синий трёхэтажный дом без балконов. У него всего один подъезд со двора – зайди в него ночью и скажи, что ты от меня. Тебе сразу отдадут всё что тебе причитается. – быстро закивал маленький мужчина, осеняя себя кругом.

– Смотри у меня, Глаз. – всадник покачал револьвером в ладони, – Обманешь меня и будешь Безглазым.

Пнув напоследок Глаза по рёбрам, он поднялся на ноги и сбив кулаком с верстака проигрыватель, вышел из подвальчика. Время ещё было дневное, а ему нужно было ещё заняться делами. Потому он быстрым шагом направился по улицам. Вызвав у прохожего место ближайшего отделения, он пошёл к почтотделу. Отделение располагалось в одноэтажном, деревянном строении, зажатом, меж двумя крашенными, каменными домами. Его логотипом являлся золотой голубь, держащий в своём клюве сложенное в треугольник письмо. Всадник поражался тому, как быстро революция придумала логотипы ко всем основным службам. Бегущего снежного барса почты, они заменили на голубя, символом полиции стали скрещённые под треугольником мечи, заменившие разъярённого медведя.

За стойкой сидела черноволосая, слегка полноватая женщина, чья голова была покрыта белой, в красный горошек,

косынкой. Она что-то увлечённо читала в газете, ведь посетитель был только один, да и то это был только что вошедший всадник.

– Здравствуйте, почта работает? – негромко спросил мужчина, подойдя к стойке.

Женщина подпрыгнула в испуге, моментально убирая из рук газету и поднимаясь на ноги, – Да, конечно. Сейчас можно отправить письма не на все территории, но мы стараемся над этим и вскоре всё придёт в норму.

– Мне нужно отправить письмо на восток и на вот этот адрес. – мужчина указал на буквы в углу одного из листков, – До какого места я могу это сделать?

– Секунду... – женщина раскрыла толстый журнал и стала быстро листать страницы, выскивая нужную информацию, – До станицы Борикинской.

– Этого достаточно. – кивнул всадник, протягивая все три письма, – Отправьте их в Воронбург на имя Семёна Творецкого. Сколько с меня?

Женщина покивала, стуча счётами, и, подняв голову, произнесла, – Один серебряный и пятьдесят медяков.

Всадник раскрыл висящий на поясе кошель и отчитав нужные монеты, башенкой положил их на стойку перед женщиной. Та быстро взяла их, разложив в выдвижном ящике стола и взяла письма, наклеив на них марки. Отблагодарив женщину, всадник вышел из здания, поправляя свой кожаный ремень. Почувствовав, как от прогулки на свежем воз-

духе у него заурчал живот, он осмотрелся. Втянув носом воздух, всадник почувствовал запах жаренного мяса и пошёл по его вкусному следу. Вскоре, пройдя несколько поворотов, он оказался у стен какого-то заведения. Солнце уже порядочно припекало, а потому сотрудники вытащили столы на улицу, создав открытую зону. Всадник вошёл в заведение, чьи стены были увешаны красными флагами. Там он оплатил себе порцию бараньего шашлыка вместе с кружкой холодного кваса.

Сел он на улице за один из столов, стаскивая капюшон с головы. Еду принесли довольно быстро, и мужчина принялся за трапезу. Шашлык был великолепно приготовлен, что было неудивительно, ведь за мангалом стоял немолодого вида южанин, что сноровисто вертел шампуры с насаженным на него мясом вперемешку с кроваво-красными помидорами, сочным луком и свежими баклажанами. Запах стоял отличнейший, настолько вкусный, что многие посетители чуть не захлёбывались слюнями, ожидая собственных порций. Видимо, владелец этого заведения имел какие-то связи с деревней, раз он мог продавать мясо, хоть и не за грошовую стоимость.

Мужчина ел сочное мясо, подбирая куски свежим лавашем. Вкусная баранина таяла на языке, пока сам всадник вспоминал будни нахождения его полка на южных границах. Было это несколько лет тому назад, когда ни о каком кризисе никто и не мог помышлять. Тогда он уже был молодым

офицером, который строил себе великолепную карьеру и тогда в его подчинении был новобранец-южанин, что прибыл напрямик из горных аулов. Квартировался полк в степном городе. Те края были полны дичи и рыбы, а потому парочка офицер из его роты сходила на охоту, принеся двух небольших косуль. Именно южному рекруту и доверили не только разделять животных, но и приготовить полученное мясо. При себе он имел мешок каких-то трав, привезённых им с родных земель, которые он и добавил в своё блюдо. На роту мяса оказалось не так уж и много, но, стоит сказать, что было оно наилучшего качества.

Предаваясь воспоминаниям и попивая холодный квас, он сидел на деревянной скамье, подставляя своё лицо солнцу. За это время по улице прошло множество жителей города: кто-то просто слонялся в поисках дела или работа, кто-то уверенно шёл по своим делам, не обращая ни на кого внимания, а кто-то гулял, наслаждаясь выходным днём. Единственное, что произошло из примечательного, так это рота треугольных, марширующих под красными знамёнами под барабанами. Они вооружённой колонной двигались в сторону одного из городских вокзалов. Кто-то из горожан сопровождал их аплодисментами, а иные лишь отрешёнными и хмурыми взглядами.

Колонна прошла уже в сумерках, а потому всадник встал со своего места, идя в сторону нужного дома. Найти его и вправду не составило труда – такой дом был единственным

на улице.

В свете единственного фонаря дом казался светлым пятном на теле города. Окна были целы, побелка на старой лепнине не пострадала, но даже этого дома не обошла судьба других жилищ. Всадник стоял, прислонившись спиной к фонарю, пыхая сигаретой и рассматривал прибежище Семьи Трехпалого. В синих его стенах были видны множество пулевых отверстий, оставленных в городских боях за владение столицей. Причиной выживания лепнины можно было назвать лишь только божье чудо, в которое, впрочем, всадник не верил, хоть жизнь давала задуматься. Его наметанный глаз видел, как по углу здания прошла очередь из пулемета, вырвав кусок здания, а вот там, в дереве оконной рамы тускло поблескивал свинец от пули, выпущенной револьвером, брат которого спокойно сидел в поясной кобуре мужчины. Докурив сигарету, он аккуратно потушил ту о подошву сапога и, щелчком отправив окурки в сторону, направился к входу во двор.

Проход был загорожен аркой из сколоченных деревянных щитов, дверь которой закрывал своим телом двухметровый мужчина. Хотя, слово "рама" к нему подходило больше, но всадник, стиснув левой рукой кастет, а кармане, подошёл к нему.

– Дружище, это тут бордель?

– А тебе чего надо? Развлечься захотел? – пробасил здоровяк, поправляя на голове остроконечную кепку.

– Конечно! Время сам понимаешь какое, а нервишки-то хочется подлечить. – дружелюбно улыбнулся всадник.

Пока охранник сверял пришедшего гостя взглядом глубоко посаженных глаз, сам всадник анализировал вид этого вышибалы. Здоровяк не был похож на обычного головоре-за, коими всегда были полны имперские города, – кожаная куртка, сшитая из коровьей шкуры, льняная, довольно чистая рубаша, аккуратно скроенные штаны и крепко сбитые ботинки на военный манер. Весь его образ дополнялся ещё и отдернутыми полами куртки, за которыми явно скрывался револьвер. Видимо, очень неплохо живёт этот Сёма Трёхпалый, раз влегкую снабжает обычных бойцов огнестрелом.

– Деньги сначала покажи! – пробасил громила.

Всадник стащил с пояса кошель и раскрыв, показал его внутренности, полные серебряных монет. Привратник взглядом быстро прикинул количество монет в его кошелье и отпер ключом калитку, пропуская пришельца внутрь. Во дворе была небольшая летняя кухня, видимо снабжающая едой посетителей дома. Пройдя мимо дымящего мангала, всадник аккуратно раскрыл дверь единственного подъезда этого углового дома, входя внутрь. В фае его встретила привлекательного вида девушка, что приветственно улыбнулась вычищенными до белого блеска зубками, стараясь отвлечь от вызывающего выреза своего платья.

– Девочек ищите? – промурлыкала белозубая.

Мужчина смерил её взглядом, оценивая прелестную фи-

гурку хостес. Из комнат доносились весёлые крики и нежные, томные женские стоны, намекая на веселье, происходящее за дверьми комнат.

– Я к Сёме Трёхпалому от Глаза.

– От Глаза? – удивлённо переспросила девушка, вновь расплываясь в белоснежной улыбке, – Антон, у нас тут гость к главному! Проведи товарища!

Из-за угла вышел ещё один мужчина, как две капли воды похожий на привратного на улице. Единственное, что его отличало от него, так это множество неглубоких шрамов на его лице. У всадника сложилось впечатление, что головорез обучался где-то на западе, часто участвуя в мензурном фехтовании. Здоровяк кивком пригласил следовать за собой, топая ногами по потрёпанному паркету. Всадник послушно пошёл за ним по коридорам. Внезапно открылась дверь, откуда вывалилась полуголая девушка в обнимку с пузатым мужчиной и бутылкой красного вина. Всадник отшатнулся, прижимаясь к стене, тихо ударив револьвером в кобуре по обклеенной тёмно-зелёными обоями стене. Головорез, нахмутив брови, повернулся к гостю, но ничего не сказал.

Они поднялись на третий этаж, где среди нескольких деревянных дверей выделялась обитая металлом дверь. Головорез несколько раз постучал по глухо отозвавшейся двери, где сразу открылось подобие тюремного волчка, в котором показалось лицо, осмотревшее пришедших людей. Понеслось хруст нескольких открываемых замков, после чего

всадника впустили внутрь. Сопровождавший его головорез остался снаружи.

В богато обделанной на манер прошлого комнате было двое человек. За спиной вошедшего всадника стоял жилистый мужчина, чьё смуглое лицо, в зубах которого была не зажжённая сигарета, и открыло дверь. Под закатанными рукавами белой рубашки оказались татуированные витиеватыми рисунками руки. Зелёные, болотного цвета штаны, были закреплены бежевыми подтяжками и на его поясе висели двое ножен в которых лежали два кривых клинка. На ногах же были удобные, кожаные ботинки восточного типа. Выглядел он хищно, что подчёркивалось татуировкой змеи на виске.

Вторым же, за лакированным столом из тёмного дуба, в глубоком кресле сидел мужчина в атласной голубой рубашке с распахнутыми верхними пуговицами, обнажающее заплывшее, но всё ещё крепкое тело. В его лице угадывалось прошлое уличного бойца, прошедшего далеко не один незаконный кулачный бой. Широкий нос был искривлён, а уши неоднократно поломаны. Зелёные глаза источали опасность, позволяя понять, что шутить с ним не стоило.

– Ну и зачем ты пришёл, мил человек? – зеленоглазый взял тяжёлый полуавтоматический пистолет и демонстративно положил его на столешницу своей трёхпалой кистью. Его мизинец и безымянный палец были отрублены и почему-то всаднику казалось, что потерял он их не на честной

работе. Шрамы на ладони показывали, что ему их откусил какой-то крайне агрессивный боец.

Всадник помедлил, ощущая на себе сверлящий взгляд охранника, – За деньгами пришёл.

– А я тебя что-то не помню. Напомни-ка своё имя. – зеленоглазый отхлебнул из стоящего на столе стакана янтарный виски.

– Я Тритон. Ищу Глаза.

– Глаз? Глаза я знаю. – трёхпалый встал на ноги и подошёл к окну, рассматривая пустую улицу, – Что наплёл тебе этот чёрт? Небось, что у меня хранятся твои деньги?

– Значит у тебя моих денег нет? – всадник положил руки в карманы, стискивая рукояти кастетов, думая, как лучше ударить стоящего сзади охранника. До револьвера дотянуться было невозможно, ведь Трёхпалый выстрелил бы быстрее, чем он смог бы одолеть охранника позади него.

– Как бы было не прискорбно, но денег твоих нет. Я честный вор, а ты человек либо рискованный, либо глупый, раз напрямую ко мне заявился. – Трёхпалый протёр ситцевым платком свою лысую голову от проступившей испарины, – Что скажешь, Бо?

Татуированный охранник отлип от стены, – Он ходит словно кошка. Очень мягко идёт, но сильно собран, как пружина. Хороший, крепкий воин! – с сильным восточным акцентом сказал охранник, что выдавало в нём выходца из царства Хус.

– Значит ты мужик серьезный. – Трёхпалый смерил взглядом гостя, а затем потянулся к пустому стакану, – Выпьешь?

– Пью только легкое, либо после боя. – помотал головой всадник, всё ещё продумывая пути к отступлению, – Что там по этому чертовому марикитанту?

– Не знаю, что тебя с ним связало, но он ещё тот крыс и деньги вернуть легко тебе не получится. Видишь ли, столица поделена между очень уважаемыми людьми. Неважно кто у власти, Блок ли это, Царь или совет треугольных – мы всегда будем существовать. Но это всё лирика, а раз ты солдат, то пойду, по существу. – хозяин подошёл к стене комнаты, где висела карта с воткнутыми в неё разноцветными кнопками, – Вот тут, – он указал указательным пальцем на один из заводских цехов, – подпольное казино. Все заводы под лапой Андрея Катапульты. В этом цеху он держит всю кассу, так что если хочешь вернуть деньги, то тебе туда.

– Ты предлагаешь мне ворваться в логово одного из местных авторитетов и штурмом вернуть свои деньги? Ты серьезно?!

– Да. У Катапульты одна шпана в банде. Я бы и сам его навестил бы, да много крови лить не охота, а тебе, залётному, ничего с этого не будет. – Трёхпалый громким глотком отпил виски, – Я тебе пару своих ребят отряжу в подмогу, да и Бо отправлю. Кассу себе заберу, да и тебе процентик лишний накину. Согласен?

Всадник посмотрел на охранника авторитета, – А не

слишком он приметный?

– Он? – авторитет почесал бритый подбородок, – Может немного и приметный, но мясных дел мастер.

– Ладно. Заодно с Глазом поквитаюсь.

Всадник и Трёхпалый ударили по рукам. Бо, надев лёгкую брезентовую куртку, вышел из комнаты. Гость последовал за ним, проверяя револьвер в кобуре. Охранник позвал за собой парочку бойцов Трёхпалого, и все вчетвером сели в запряжённую двумя конями карету. Бо что-то скомандовал вознице и телега быстро стартанула. Один из головорезов наклонился к сидению и вытащил оттуда свёрток. Раскрыв его, он достал оттуда блестящую горизонтальную двустволку вместе с перекидным патронташем, наполненным латунными тельцами дробовых патронов, которое и повесил на плечо. Второй же боец тоже не остался в стороне, проверяя короткий, кавалерийский карабин.

Долго ехать не пришлось и их маленький отряд вскоре показался на территории промышленного района. Как не опасался всадник, но Андрей Катапульта не догадался выставить хотя бы парочку своих бойцов на охрану основных подъездов. Складывалось ощущение, что никто в этом городе не боялся треугольных и их революционную гвардию, хоть и ходили слухи, что они ввели в бой свою новую разработку.

Возничий аккуратно подвёл карету к нужному цеху и Бо вместе с всадником вышли оттуда, оставив головорезов в карете. У стальных ворот цеха стоял всего один охранник –

щупловатого вида парнишка с висящим на поясе грубым тесаком. Он посмотрел на закрытого с ног до головы Бо, и, видимо, не признав в нём личного гридня вражеского авторитета, глянул на всадника, который опередив него, спросил, – Сыграть пропустишь?

– А вы кто такие будете? – гнусавым голосом, вопросом на вопрос, спросил парнишка.

– Обычные работники с Большой Дороги.

– Чего ты вы не похожи на простых работяг... – привратник сощурился, кладя ладонь на обвитую чёрными лентами рукоять тесака.

Всадник рывком оказался рядом с парнишкой, одной рукой поднимая и прижимая того к стене. Второй рукой он ловко вытащил револьвер из кобуры, утыкая ствол револьвера в его живот, агрессивно скаля зубы, – Слышь, блудень, ты решил тут права качать?! Тебе в теле пару дырок не хватает?! Так я быстро это организую!

Парень глотнул крупный сгусток слюны, шаря по сторонам глазами и мелко-мелко кивая. Всадник опустил охранника на землю и погрозив напоследок пальцем, вошёл в приоткрытую дверь цеха.

От некогда бывшего здесь завода остались только голые стены, сложенные из привычного и такого родного красного кирпича. Трёхэтажное здание было полностью вычищено от любых напоминаний о прошлом, включая пропагандистские плакаты на стенах. Вместо стальных монстров промыш-

ленной революции, стояли карточные столы, рулетки и многое другое, выполненное в хорошем качестве. Цех был полон людьми разного возраста и благосостояния: рабочие из соседних цехов, приехавшие в город за новыми ощущениями, немногочисленные, оставшиеся в городе купцы и простые горожане. Для полного комплекта не хватало лишь гарнизонных солдат. На третьем этаже цеха, где раньше располагалась конторка управляющего предприятием, горел свет, да и сидящий на стуле боец, явно намекали на то, что именно там сейчас хранились все деньги, стрясённые с бедных посетителей этого казино.

– Ты где-то сидел? Тюремный жаргон? – Бо подошёл сюда, смотря сквозь узко раскрытые веки на всадника, что стоял посреди цеха, почёсывая шрам на щеке.

– Искупительный легион. Знаешь о таком? Набирается из насильников, воров, убийц и других асоциальных элементов. Искупают свои ошибки перед империей, так сказать. Кстати, нам туда? – всадник указал пальцем на коморку.

Всадник окунулся в эту атмосферу подпольного казино, которого были лишены вычурные центральные игорные дома. Слышались азартные крики, стоны проигравших, зазывающие фразы крупье. Купцы и интеллигентного вида люди играли в модную западную игру, называемую покером, а те, кто были попроще, да победнее резались в простого «дурака», да раскидывали лакированные кости. В противоположной стороне цехового зала, из досок была возведена нема-

ленькая сцена, где сейчас отплясывала свой резвый и крайне откровенный танец, девушки, одетые в яркие костюмы. Смотревшие на это мужчины, возбуждённо кивали и свистели, подбадривая танцовщиц.

Пока всадник вместе с Бо продирались сквозь сигаретный дым, быстрая песня кан-кана закончилась и девушки разбрелись по залу, подсаживаясь к наиболее интересным, пьяным и щедрым мужчинам. На сцену же вышел исполнитель в белом, словно мел, костюме и шляпе, начиная петь мелодичную, созданную союзом духовых, струнных и ударных инструментов.

Всадник, поднимаясь по гроыхающей железной лестнице, заслушался этой необычной его уху песней, не замечая, как на их пару начинают коситься находящиеся в цеху надзиратели-головорезы.

Не обращая внимания на потенциальных противников, Бо крейсером пёр в сторону коморки, как-будто не понимая необычности собственного облачения. Напарники быстро оказались у входа на нависшую над помещением цеха комнату. Дорогу им перегородил долговязый мужчина, который, не стесняясь абсолютно никого, держал в руках обрез стандартной общевойсковой пехотной винтовки имперской армии. Мощности её патрона хватило бы для того, чтобы пробить нескольких человек навывлет. Потому, такое решение было довольно странным, а у парня, видимо, были стальные руки, способные выдержать отдачу без приклада.

– Чего надо?! – борзо спросил охранник, смотря на странный вид Бо, – Чёт кишки у тебя странные...

– Он со мной. – всадник хлопнул напарника по плечу, выдвигаясь вперед.

– А ты ещё кто такой, фраер?! – долговязый сплюнул на дырявый пол, из-за чего слюна чуть не приземлилась на лысину одного из игроков.

Всадник раскрыл свой плащ, вытаскивая из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок, который вчера показывал гарнизонному бойцу на въезде. Бандит скорчил лицо, пытаясь понять написанное. Однако, привратник грамотным точно не был и понял лишь красную печать красных.

– Чё ты меня лечишь?! Не похожи вы на треугольных! – с сомнением заявил бандит, переминаясь с ноги на ногу и постоянно поглядывая на печать.

– Нам поговорить надо с твоим главным. Тут насчёт Трехпалого тема появилась, думаю, Катапульте интересно будет.

– Ща. – быстро сдавшись, бандит раскрыл дверь за своей спиной и что-то пробурчав, пропустил напарников внутрь.

В бывшей конторке за столом сидел молодой рыжий парень. На ржавой его, кудрявой голове, была надета шляпа-котелок. Тело было скрыто белой рубашкой с чёрными подтяжками. В руках он вертел выкидной стилет, ловко исполняя уличные трюки. В углу, максимально вжавшись в стену и притворяясь её куском, трясся Глаз, широко раскрыв свои очи от ужаса.

– Ну здравствуй, скотина! – всадник вытащил из кобуры револьвер, наставляя его на испуганного обманщика. Катапульта хотел было прыгнуть на напарников, но Бо оказался быстрее, приставив лезвие своего странного клинка к его шее, – Да и ты не трепыхайся. Где мои деньги? – всадник подошёл к Глазу, поднимая его маленькое тело вверх.

– Дружище, я... да я никогда... – залепетал Глаз, закрывая лицо маленькими ладонями, – У Катапульти на шее к-к-ключ от сейфа под столом.

Бо, услышав слова обманщика, сдёрнул с шеи бандита подвеску в виде т-образного креста. Всадник для убедительности слегка ударил Глаза кулаком по скуле. Тот по-собачьи заскулил, сильнее сжавшись в углу. Направив оружие на бандита, шрамированный забрал у Бо ключ и нагнулся к стальному сейфу. Вставив ключ в скважину и провернув его, он отпер замок, обнаружив за дверями немалое сокровище. Внутри стальной коробки лежало несколько пеналов, плотно набитых золотыми монетами. Быстро пересчитав кожаные тубусы, он понял, что внутри лежит как минимум пара тысяч золотых. Помимо них, среди полных цилиндров затесался шёлковый Всадник достал ножны из сейфа и раскрыл их, рассматривая искусно исполненный клинок. Редкая, отлично выкованная туренская сталь. Во всю длину клинка тянулись кривые линии, образующие своими блестящими холодом телами рисунок, подобный волне. Оружие тянуло на пять, а то и на все шесть десятков золотых монет, что бы-

ло равно двухгодовой зарплате гарнизонного солдата столицы. Налюбовавшись оружием, всадник кинул его Бо, который без проблем поймал его, не отрывая взгляда от пленённого главаря казино. В мешочке оказалось с десятков разнокалиберных, гранёных бриллиантов, топазов и сапфиров, зачем-то вытасненных из колец.

Всадник распрямылся, шаря взглядом по комнате в поисках какого-нибудь мешка, ведь им нужно было нести порядка двадцати килограмм золота, а тащить всё в наглуую нагребленное в руках было не самым сподручным вариантом. В этот же момент снизу раздались несколько громких выстрелов. Напарники переглянулись, пытаясь сообразить, что происходит. Рыжий Катапульта воспользовался моментом и поднырнул под руку Бо, размашисто ударяя того кулаком в челюсть. Татуированный отшатнулся, моментально приходя в сознание. Однако, бандитскому главарю хватило мгновения, чтобы схватить со стола свой нож и встать в стойку, хищно смотря в лицо охраннику Трехпалого.

– Знаешь почему меня Катапультай прозвали? – главарь пружинисто стоял на ногах, перебрасывая из ладони в ладонь своё оружие, – Я головы у своих врагов отрезал и по городу с помощью катапульты запускал. И ваши бошки так же полетят! – рыжий рванулся вперёд, безумно хихикая.

Катапульта в мгновение ока оказался рядом с татуированным, уже празднуя свою победу над наглыми налетчиками, но Бо кувыркнулся вперёд, смазанным движением двигая

своим ножом, который больше смахивал на топор. Рыжий закричал от боли, стараясь встать на ноги, но лишь беспомощно падая обратно в собственную лужу крови. Вытаскивая пеналы с монетами, всадник пригляделся и понял, что татуированный одним движением перерезал сухожилие на ногах Катапульты, навсегда оставив его калекой. Посмотрев на искорёженное болью и страданием лицо бандита, который раз за разом пытался встать. Сжалившись, шрамированный вытащил из кобуры револьвер и нажал на спуск. Оружие толкнулось в ладонь, громогласно отправив на тот свет бандита. Бо, судя по его лицу, был сильно разочарован в таком исходе. У всадника под плащом пробежала дрожь, когда он почувствовал исходящую от того энергию. Глаза, горящие огнем, волчий оскал острых зубов, напряжённое тело. Всё это возбуждало воспоминание о войне, когда так же выглядел его командир, не первый час мучающий пленённого солдата противника. Стряхнув наваждение, он продолжил выгребать богатства ныне мертвого бандита, но его отвлекла разгорающаяся внизу перестрелка. Бо обтер клинок о одежду Катапульты и сорвал с окна полотно штор, после чего разложил его на полу, складывая золото внутрь.

Всадник подошёл к конторному окошку, глядя вниз. В здании цеха во всю шла перестрелка. Головорезы Катапульты отстреливались от непрошенных гостей, укрываясь за игровыми столами. Непрошенные гости были вооружены на порядок лучше, медленно, но верно тесня бандитов к лест-

нице на второй этаж. По черно-красной униформе, было понятно, что нагрянули треугольные и явно не для того, чтобы угостить бандитов пирожками.

– Треугольные нагрянули! – крикнул всадник, загибая рукав плаща на левой руке, – Твои либо мертвы, либо свалили, если хоть часть мозга у них есть.

– Я думал ты один из них! – взвалив на плечи тяжелый самодельный мешок, удивлённо крикнул Бо, перекрывая пальбу внизу.

– Если бы. – хмыкнул всадник, подходя ближе к напарнику. Короткий, подлый и молниеносный удар проскользнул перед лицом уроженца востока, сверкнув сталью кастетов. Татуированный не ожидал удара из-за чего даже рефлексy не помогли ему уклониться. Кастет врезался в его левый висок, мгновенно отправляя в глубокий нокаут. Вырубленный упал спиной на сгромыхавший золотыми монетами мешок.

Скинув тело с мешка, всадник покопался по карманам Бо и вытянул оттуда ножны со стилетом и подцепил их на свой пояс, а мешочек полный камней, бросил в карман плаща. Взвалив мешок на плечи и ухнув от его тяжести, мужчина пошёл к выходу, стараясь разместить свою поклажу на плече как можно лучше.

– А как же я? – проскулил из угла Глаз, подползая к идущему мужчине на корячках, – Дружище, я тут одну тайну знаю. В городе есть один мясник. Снеговик его зовут. Так у него такой товар есть, который тебе точно понравится. Ну

что? Спасёшь меня? – заискивающе спросил Глаз.

Всадник покачал головой, поднимая руку с зажатым в ней револьвером. Нажав на спуск, мужчина выстрелил. Свинцовое тело тяжёлой револьверной пулей, вонзилось в ногу бывшего маркитанта. Глаз заверещал свиньёй, зажимая простреленное бедро, браня стрелявшего на чём свет лежит. Сам же шрамированный раскрыл дверь толчком ноги и просто вышел, поднимая руку, в которой он держал то самое письмо, что он показал охраннику Катапульта, который сейчас лежал мёртвый с простреленной в нескольких местах грудью.

– Прекратить стрельбу! – крикнул всадник, – Катапульта поделился средствами на благо революции!

Стрельба прекратилась практически в момент, и мужчина почувствовал, как на его фигуре сосредоточились несколько десятков изумлённых глаз. Командир треугольных сопровождал его взглядом, пока всадник тяжёлыми шагами бухал по железной лестнице. Оказавшись внизу, он подошёл к командиру неожиданных налётчиков.

– Кто ты такой? – поправляя затянутой в кожаную перчатку рукой фуражку, спросил офицер, глядя на странный мешок за спиной мужчины, что лениво чесал шрам на щеке.

Всадник передал документ офицеру, снимая с плеч свою ношу и ставя его на бетонный пол. Один из бойцов революционеров развязал его и вытащив один из пеналов, присвистнул.

– Сколько тут? – возвращая бумагу, спросил офицер, рас-

смаатривая находящиеся внутри золотые монеты, на аверсе которых был отчеканен крадущийся барс.

– Две тысячи. Так что можете пока оставить этих досто- почтенных господ. – мужчина похлопал офицера по плечу и вышел из цеха, ощущая холодные драгоценные камни в кармане плаща.

По лицу идущего мужчины гуляла брезгливая улыбка. Он удивлялся тому, как всё пришло в такой упадок всего за несколько жалких лет. Как великолепные города Империи смогли превратиться в сплошные трущобы. Как сильнейшая армия мира скатилась до странного альянса профессиональных остатков старых офицеров и нового, молодого ополчения в ряды которых стремятся не только за свои идеалы и принципы, но и за снятие налогов с своего семейства. В этом он мысленно аплодировал треугольным, ведь много кто был готов отдать свою жизнь за свою семью. Хотя, воюющих за «Народ! Равенство! Прогресс!» – идей, лежащих в основе триединской идеологии революционеров. Это было неувидительно, ведь их идеология и вправду основывалась на согласии простого народа между собой.

Всадник остановился, провожая взглядом проезжающую по дороге богатую карету, обложенную со всех сторон тюками, чемоданами и сундуками. Карета ехала быстро, стараясь как можно быстрее преодолеть улицы города во тьме. Судя по старательно стёртому гербу Империи, едва показавшемуся в свете одинокого уличного фонаря, это был один из быв-

ших, но ещё живых чиновников павшего ныне государства.

Мужчина сжал челюсти, кладя руку на кобуру, желая опустошить барабан револьвера в чиновью карету, но вовремя остановился, увидев в окне лицо маленькой девочки, что смотрела на тёмную фигуру бывшего офицера, стоящего посреди дороги.

Опомнившись, всадник отщёлкнул барабан, сбрасывая на землю пустые латунные гильзы. Заменяя их на новые патроны, мужчина пошёл обратно в харчевню. Усталость за этот, наполненный авантюрами, день резко навалилась на плечи, а потому он постарался как можно быстрее добраться до тёплой койки. Дойдя до харчевни, мужчина поднялся на свой этаж после чего просто рухнул на койку, засовывая мешочек под подушку, моментально отправляясь в сон.

Глава 2

Следующим утром, мужчина рывком проснулся, выхватывая из висящей на спинке кровати свой револьвер. Сделал он это быстрее, чем успел раскрыть глаза, но как только он это сделал, то увидел стоящую перед собой в испуге рыжую помощницу тавернщика. Она хлопала глазами, стараясь закрыть открытый от испуга рот, но не смея это делать, до смерти боясь странного постояльца.

– Что надо? – хмуро спросил мужчина, потирая лицо ладонью и возвращая свою оружие обратно в кобуру.

– Вас внизу какой-то мужчина ищет. – отойдя от испуга, девушка поправила сбившуюся чёлку и распрямила платье.

– Как он выглядит? – всадник сел на кровати, натягивая штаны. Надев их, он накинул на плечи свою рубаху, после чего всунул ноги в сапоги и вернул на пояс кобуру.

– Два с половиной аршина в высоту. Голова лысая, а лицо под бородой курчавой с вот такими усами. – девушка развела руки в стороны, показывая размах усов, – Одет в зелёную шинель и сапоги как у вас.

– Живой, чертяга! – посмотрев в пол, всадник по-доброму улыбнулся, – Спасибо тебе. Ступай!

Девушка ушла, что-то тихо шепча себя про сумасшедшего вояку, пока мужчина быстрым шагом вышел из комнаты и спустился в зал. Внутри было всего несколько человек, сре-

ди которых выделялся один, сидящий в углу мужчина, что, не забывая отпивать из кружки чай, постоянно сканировал взглядом зал. Увидев спускающегося всадника, он встал из-за стола и подойдя к нему, крепко обнял, отрывая от земли при этом.

– Ладно тебе, Пугач! Отпусти, а то ребра поломаешь! – закричал всадник, чувствуя крепкие объятия друга.

Бородатый мужчина опустил всадника на пол и пригласил его за свой стол, – Есть будешь? – получив одобрительный кивок, он вскинул руку, призывая к себе внимание официантки, – Две кружки кваса и чего-то сытного! – мужчина повернулся к всаднику, – Я как узнал, что ты в городе, то подумал, что это шутка. Ты на кой в столицу подался в наше нелёгкое время? Неужели решил меня поведать? А, Тритон?

– Пугач, Пугач... Ты до сих пор сапожником продолжаешь трудиться?

– Да, а как ещё? Хорошие сапоги нужны всегда и всем. Хоть дворянам, хоть рабочим, хоть левым, хоть правым. Ты вот, вижу, до сих пор в моих сапогах ходишь.

– Это да. – Тритон улыбнулся, хлопая ладонью по голенищу сапога, – Давно в столицу переехал?

Официантка принесла деревянный поднос с двумя холодными кружками кваса и пышущими паром тарелками, наполненными отваренным рисом с крупными кусками жирной баранины. Пугач поблагодарил мило улыбнувшуюся рыжую девушку и вновь повернулся в сторону друга, – Год как.

Тут дело идёт намного лучше, а особенно со связями в армии. Домик приобрёл, семью перевёз, но сейчас ты видишь, что происходит. – развёл руками мужчина, обводя взглядом зал, – Но ты не юли. Говори зачем в столицу добрался. Просто так ты бы такой путь с Востока не преодолел.

– Один должок забрать и один вернуть. Думаю, что ты мне поможешь.

– Ты о том чиновнике? – отпив из своей кружки, Пугач почесал свою густую бороду, тяжело смотря на сидящего напротив друга, – Видимо, от меня ты информацию хочешь. Я правильно понимаю?

– Ты как всегда смышлён, Пугач. – Тритон перегнулся через столешницу и похлопал бородача по плечу, – У тебя же наверняка кто-то из нынешней элиты покупает. Может спрашиваешь у них по старой дружбе? Если деньги нужны, то я не обижу.

– Да ну тебя! Денег у меня хватает. Благо, за время службы скопить сумел. А насчёт помощи, то конечно помогу тебе. Мсть – дело святое. Так что, приходи ко мне завтра. Думаю, времени мне хватит, а пока давай просто поедим, и ты мне о жизни своей расскажешь.

Завтрак прошёл отлично. Друзья пообщались по душам, а затем Пугач отправился к себе в контору наводить нужные Тритону справки, пока сам шрамированный, осведомившись о наличии бани, попросил корчмаря растопить её. Одна из девушек отправилась исполнять поручение, а Тритон

вернулся в свою комнату, стараясь пересчитать полученные им вчера драгоценные камни. Ювелиром он не было, но знал один весьма надёжный способ проверки бриллиантов. Положив небольшой гранёный камушек на столешницу тумбы, Тритон взял в руки револьвер и с размаху ударил по бриллианту. Сталь рукояти молотом вдарила по камушку, который молнией отскочил от него. Тритон еле уследил за его полётом и подобрал абсолютно целый бриллиант, улыбнулся. Если все камни внутри его мешочка были настоящими, то он намного отбил долг Глаза с процентами, да и припрятанный пенал с золотыми монетами тоже найдёт своё применение. Аккуратно спрятав мешок в потаённый карман плаща, он принялся за небольшую зарядку. Всё же, забрасывать своё тело не стоит. Хотя Тритон давно покинул ряды армии и не горел желанием возвращаться обратно, но кто знал, когда вновь придётся сражаться за свою жизнь. Тренировку он закончил как раз тогда, когда таверщик позвал его в баню.

Окунувшись в горячую атмосферу, Тритон сразу же расслабился, ощущая спадающую усталость. Давно он не посещал баню и уже практически забыл это истинное наслаждение. Банщик отхлестал его тело дубовыми вениками, превращая кожу на теле в одно сплошное красное пятно. Расслабившись, он вышел из бани, окатив себя ледяной водой из бадьи.

Занятий на день у бывшего офицера не было, а потому он решил сделать то, что не делал уже много лет – взял в ру-

ки книгу. Тавернщик, благодаря купеческому происхождению, был грамотным человеком и даже имел у себя небольшую библиотеку из двух десятков различных книг. Из них он выбрал одну, имя автора которой, казалось, состоит из трёх имён. Книга рассказывала о мальчишках, что подверглись государственной пропаганде и устремились на поля Великой войны за славой. Сама война произошла из-за желания одной из войн переписать карту мира по своему усмотрению, из-за чего два мощных военных блока столкнулись на многокилометровых фронтах. Страны мобилизовали миллионы солдат, оторвав их от родных семей и отправив промокшие до основания окопы. Солдаты шли в самоубийственные атаки на пулемёты, теряя десятки и сотни жизней за один метр пройденного пути. Мальчишки видели не военную романтику, а реки крови, тысячи оторванных конечностей и миллионы потерянных жизней. Они видели монструозные, стальные тела танков, идущих на их окопы, видели облака смертоносного газа и налёты авиации, сбрасывающие смерть на их молодые головы. Они пережили взмахи косы смерти и вернулись в разрушенную войной страну уже не теми людьми.

Тритон не заметил, как отлучился от книги лишь с наступившей ночью. Он сел на кровати, протерев ладонями лицо и задумался о том, возможно ли такая война в их мире. Последний крупный конфликт на континенте был практически сорок лет назад и с того момента военное дело силь-

но шагнуло вперёд: а смену ружьям на чёрном порохе, пришли магазинные винтовки, практически не дающие дыма, вместо стремительных атак лёгких улан, пришли тяжёлые и медлительные, но бронированные и смертоносные паратроны. Даже силы чародейских корпусов сейчас не играли такой огромной роли, которую они занимали всего несколько десятков лет назад. Ныне, навряд-ли кто-то сейчас имел полное представление о том, чтобы случилось, если бы прямо сейчас столкнулись крупнейшие нации.

Долгое чтение весьма утомило Тритона и он, положив книгу обратно на тумбу, проверил кошель, мешок с камнями и револьвер, после чего завернулся в одеяло и мгновенно уснул, не забывая свою голову лишними мыслями.

На следующее утро он вновь позавтракал у трактирщика. Этот дородный мужчина как будто боялся странного постояльца и даже не требовал дополнительных денег за долгое проживание Тритона в его харчевне. Он уже было хотел отправиться к Пугачу, исходя из соображений о том, что этот бородач уже наверняка нашёл всю нужную информацию, а находится в столице дольше ему не хотелось.

Тритон встал из-за стола, оттерев тыльной стороной ладони рот от крошек свежего хлеба и оправив плащ, шагнул в сторону двери. Она распахнулась перед его носом и в заведение вошёл маленький парнишка, лет десяти от роду. Одет он был в большое ему шерстяное пальто, заштопанное в нескольких местах. Чуть не ударившись о Тритон, парень

поднял голову в огромной для него рабочей кепке и на минуту задумался. Как только его лицо вновь обрело осмысленное выражение, то он пошарился грязной ручонкой в карманах пальто и передал запечатанное письмо.

– Это вам от бородатого дяди! – пропищал парнишка, с неподдельным интересом разглядывая лежащий в кобуре револьвер.

– Спасибо малец! – Тритон достал из кошелья мелкую медную монетку и щелчком бросил её в руки мальчику, который спрятал её у себя в кармане и кивнув, быстро удалился.

Как только мальчик ушёл, то шрамированный раскрыл запечатанное сургучом письмо и вчитался в крупный почерк Пугача: «Нужный тебе чиновник сейчас подчиняется некому мяснику по прозвищу Снеговик. Найдёшь в его Трёхречном районе.»

– Снеговик... – прошептал Тритон, сворачивая письмо и силясь вспомнить это прозвище. Через пару секунд его осенило, и он вспомнил, как Глаз, умоляя его спасти, произнёс это прозвище, намекая о чём-то интересном.

Решив выдвигаться сразу же, Тритон вышел из харчевни. Стоя под тёплым солнцем, он увидел, как по улице перед ним марширует несколько сотен человек в направлении южного выезда из города. Это были новобранцы, явно набранные из местных жителей и направляемые на точку сбора, что была расположена на одной из крупных железнодорожных станций. Треугольные явно ускоренно мобилизовывали больше

солдат под свои знамёна и не было похоже, что небольшое восстание на юго-западной границе требовало таких огромных сил. Что-то намечалось, и Тритон хотел бы узнать, что, пока не началась очередная заварушка.

Проводив колону пехотинцев взглядом, Тритон быстрым шагом направился в обозначенный в письме район. Трёхречный был весьма своеобразным районом. В старые времена это было поселением, расположенном на большом острове, отсечённом от большой земли тремя крупными реками, что стекались в Великую Реку, которая лилась до самого Южного Океана. Когда нынешняя столица стала побеждать в средневековой междоусобной войне, то вместо поселения поставили сильную, каменную крепость. Удачное расположение и крепкие стены очень помогли в защите столицы от набегов восточных и южных степных кочевников. Позже он стал лишь специфическом спальным районом, где население занималось в основе своей речным промыслом, а центр города переместился в построенную краснокаменную крепость.

Не смотря на расположение там крепости, в район оказалось пройти легко по крепкому стальному мосту, переброшенному через одну из бурных рек. Долго искать дом Снеговика не пришлось. На одном из домов, грубым гвоздём был прибит небольшой плакат с крупными, напечатанными на станке буквами, – "ЛУЧШИЕ ОРГАНЫ И КОНЕЧНОСТИ ВО ВСЕЙ ИМПЕРИИ! ЭДУАРД СНЕГОВОЙ ГОТОВ ВАМ ПРОДАТЬ ИХ ПО САМОЙ ВЫГОДНОЙ ЦЕНЕ!"

У НАС ЛУЧШИЕ ХИРУРГИ И ЛЕКАРИ! СМОЖЕТЕ ЗАМЕНИТЬ ПРЯМО СЕЙЧАС И НА МЕСТЕ!" Рисунок сопровождался стилизованными рисунками отпиленных рук, вытасненных глаз и извлечённых зубов.

Тритона передёрнуло. Мясники, или как их теперь зовут, хирурги, были всегда и в любом обществе. Их жгла на ярких кострах Инквизиция, прижимала к ногтю Охранка и нещадно бил простой люд, но их дело жило и даже процветало с течением времени. Однако, они никогда так в открытую не рекламировали своё кровавое ремесло. Как-то не укладывалось это в концепцию равенства треугольных, ведь предоставляли они весьма специфические услуги.

В объявлении был указан Смутный переулок, а потому Тритон последовал по побитым жизнью, боями и ржавчиной указателям. Со всех сторон этого небольшого городка тянуло запахами рыбы и тины, въедаясь в кожу, волосы и одежду. Везде были развешаны сети и подвязки, на которых висели десятки различных представителей речной фауны.

Нужная ему контора оказалась посреди переулка. Это был старый, хорошо стоящий на земле, сложенный из тёсанного камня дом. Перед входом на балке висела деревянный щит-вывеска с двумя отсечёнными и перекрещенными руками. Хлипкая деревянная дверь, поеденная короедами и оцарапанная уличными животными. Как-то не сходилась реклама и внешний вид входа.

Тритон толкнул дверь, входя в полутёмный коридор, окан-

чивающийся крутой лестницей, ведущей вниз. Мужчина дал привыкнуть глазам к темноте, после чего медленно пошёл по узкому коридору, спустившись по деревянным ступеням вниз, он оказался в большом полуподвальном помещении, температура в котором была значительно ниже, чем наверху. Людей внутри не было, и Тритон был единственной живой душой. Помимо него, вся комната была уставлена склянками, банками, мензурками, кувшинами и аквариумами. Все они были наполнены светло-жёлтой вязкой жидкостью, что на взгляд напоминала плотный кисель. Тритон подошёл к одной из полок, уставленных однотипными банками с жёлтой жидкостью и протёр рукавом плаща её стенки. Узрев содержимое, он поморщился, ощущая на себе неприятный взгляд одиноко плавающего в жидкости глаза. Зрачок был покрыт странной белёсой паутиной, из-за чего казался чем-то иномродным.

– Понравился? – послышался грудной голос сзади, и Тритон развернулся к нему, вскидывая револьвер к голове подошедшего, – Постойте, господин! Я ничего против вас не имею! – человек вскинул руки вверх.

Тритон присмотрелся к человеку в полутьме помещения. Это был невысокий, дородный мужчина, заплывший жиром. Одет он был в снежно-белый костюм, состоящий из кожаных туфель, белых штанов и рубашки, что обтягивала его жирную грудь. Рукава рубашки были закатаны по локоть, но даже так Тритон заметил небольшие красные пятнышки на его

одежде, после чего опустил своё оружие вниз.

– Снеговик?

– Да, уважаемый, в этом городе я известен под таким именем. – Снеговик зачесал назад свои светлые, редкие волосы толстой пятернёй и подошёл к своей стойке, где щёлкнул небольшим тумблером. Несколько лампочек мгновенно загорелись, освещая помещение.

Тритон ещё раз повертел головой, рассматривая содержимое стоящих на полках тар. Внутри банок плавали отсечённые руки, ноги и пальцы, разных размеров и цветов. Где-то в жидкости находились целые полотна человеческой кожи, аккуратно срезанные с человеческих тел. Плавали глаза, мозги, сердца и другие органы, включая и мужские половые.

– На любой вкус и цвет... – протянул Тритон, окидывая взглядом тары.

– Да. Мой перечень товаров самой большой в столице и окружающий её городах. – мясник слегка кивнул головой, раскрывая толстенную книгу продаж, – Что вас интересует? Вы человек военный. – заметив сгущённые брови гостя, Снеговик дополнил, – По вам видна армейская выучка. Может вам нужны глаза с острым зрением? Улучшенное сердце? Может крепкие лёгкие? У меня есть крепкие позвоночники. Думаю, вам это может пригодиться.

– Меня интересует правый глаз. С рефлексами и внутренкой у меня всё в порядке.

Снеговик помычал, качая головой и в перевалочку дви-

нулся к одной из полок. Короткими и толстыми руками он потянулся к той самой банке, где хранился глаз с паутиной на зрачке. Он лучше отёр банку и продемонстрировал его Тритону.

– Вынули из одного военного чародея. Глаз показывает теплоту живых тел. С ним можно идти хоть в полной темноте и не чувствовать себя слепым. – Снеговик улыбнулся, демонстрируя начисто выбеленные зубы, – Всего двести золотых и этот прекрасный глаз будет вашим.

– А лекарь сейчас на месте?

– Конечно. Можем сразу его установить.

– Согласен. В чём вы принимаете? – Тритон снял с пояса мешочек и подбросил его в ладони. Камни внутри громыхнули и в свете ламп в зрачках мясника ясно отразился блеск золотых монет.

– Хоть в золоте, хоть в серебре, хоть в кроликах. – Снеговик широко улыбнулся, возвращаясь за свою стойку, – Стоимость установки три золотых. Согласны?

Тритон кивнул, вытаскивая четыре огранённых бриллианта и кладя их на стойку. Снеговик недоверчиво натягивает на ладони перчатки и поднимает огранённые кристаллы вверх, просвечивая их через лучи лампочки. Один за одним камни прошли через руки толстяка, после чего он аккуратно сложил их обтянутую бархатом коробочку.

– Пройдёмте!

Снеговик записал что-то в своей книге и вышел из-за

стойки, подходя к скрытой в стене двери. От ткнул на какую-то замаскированную под камень кнопку. Стальная, обклеенная пиленными камнями дверь распахнулась, и парочка вошла внутрь. Комната тоже была освещенная прикрепленной к потолку газовой лампой. Удивительно, но в комнате не ощущалось затхлости, не смотря на закрытость помещения. На стуле в углу комнаты, занятый чтением книги сидел худощавый мужчина, одетый в белый медицинский халат. Он, не отрывая глаз от чтива, дежурно приказал снять одежду. Однако, Тритон остался стоять на ногах, сверля взглядом скрытое за книгой лицо человека. Дождавшись пока дверь закроется за его спиной, он резко развернулся к Снеговикау, вытаскивая из ножен трофейный клинок. Глаза Снеговика раскрылись, подобно золотым монетам и тут же он заверещал, ощущая, как клинок пробивает его ладонь, пригвоздив её к деревянной балке стены. Только тогда человек в испуге откинул свою книгу, рывком поднимаясь со своего стула. Тритон моментально подскочил к нему, вынимая из кобуры револьвер и прижимая его дуло к лицу мужчины. Теперь бывший офицер рассмотрел человека. Это был немолодой, лет пятидесяти мужчина с худощавым треугольным лицом. Острый, костлявый подбородок, обтянутый кожей, его трясся в страхе. Ухоженная кожа и умные, карие глаза показывали далеко не крестьянское происхождение мужчины. Побитые сединой, редкие волосы мужчины были зачесаны назад.

– Вспомнил меня?! – ощерившись, спросил Тритон, сильнее вжимая револьвер в голову мужчины под аккомпанемент визжащего от боли Снеговика.

Мужчина в страхе смотрел на Тритона и в один момент его глаза раскрылись ещё больше, настолько, что казалось сейчас порвутся края век. Он закусил губу и мелко закивал, смотря на Снеговика, который заткнулся, старательно пытаюсь вытащить из ладони нож.

– Стоять! – рявкнул Крот, развернувшись и стреляя над головой мясника. Тот вжался в стену и улыбнувшись, бывший офицер развернулся к своей цели, – Узнал ты меня, мразь! Точно узнал! Понял почему я пришёл?

– Да... – протянул хриплым, пропитым голосом мужчина.

– Ты же, скотина, мог её вылечить... Тебе же ничего этого не стоило. Там было работы на пол часа, и она была бы жива! – крикнул Тритон, таща человека к стоящей посреди комнаты операционный стол. Тритон убрал револьвер обратно в кобуру и вдел пальцы в прорези кастета. Прижав ладонь застывшего чародея к столешнице и замахнувшись, с размаху ударил по ним. Послышался множественный хруст ломаемых пальцев, и комната вновь наполнилась визгом. Кровь брызнула на стальную поверхность стола, и Тритон коротким махом ударил его в живот, отправляя того на землю. Упавший мужчина начал хватать ртом воздух и Тритон развернулся к Снеговика. Тот вновь пытался вытащить нож за залитую кровью рукоять, пачкая свой белый костюм. Револь-

вер вновь оказался в ладони офицера, и он выстрелил над ухом толстяка, после чего пинком ноги вновь вогнал нож в балку.

– Я не мог! Я не имел права! Каждый приём строго зафиксирован! – закричал снизу чародей, прижимая перебинтованную ладонь к груди и стараясь перекрыть крик Снеговика.

– Мог, падла такая! Мог! – Тритон направил револьвер в его грудь, но тут же почувствовал острую боль в плече.

Выстрел ушёл мимо, свистнув рикошетом о камень пол, и офицер развернулся. Позади него стоял напуганный Снеговик, который не понимал, что дальше делать и просто испугано смотрел на своего противника. Тритон ударил его кастетом в толстый лоб, отправляя в глубочайший нокаут. Снеговик больше не представлял опасности, и Тритон хотел было выстрелить в чародея, но того уже и след простыл в комнате. Офицер осмотрел комнату, но не найдя и следа другого прохода, он оторвал рукав с рубашки снеговика. Выдернув клинок, он снял плащ, оттянул телогрейку и как мог перебинтовал раненное плечо и ударил лежащего Снеговика по щеке.

– Что... – с трудом раскрыв глаза, он мутным взглядом посмотрел на стоящего над ним Тритона.

– Куда эта мразь смылась?! – офицер взвёл курок, утыкая револьвер в посиневший от удара лоб Снеговика.

– Не знаю... – мотнул головой Снеговик, утирая проступившую на голове кровь тыльной стороной ладони.

– Врёшь!

– Нет! – Снеговик поднял ладони вверх, складывая их в молебном жесте, не обращая внимания на стекающую на глаза кровь.

– Выводи меня отсюда!

– Только не стреляй! – Снеговик с трудом поднялся, шатаясь от нанесённого ему в голову удара. Он подошёл и нажал на какую-то кнопку. Дверь раскрылась, и Снеговик вывалился из помещения в комнату. Мясник отполз от вооружённого Тритона, утыкаясь спиной в стену и продолжая механически двигать руками, пытаясь стать единым со стеной, – У меня на складе есть нечто дороже! Ты сможешь это выгодно продать!

– Ну, давай, показывай!

Снеговик с радостью прошёл к двери за своей стойкой. В комнате и вправду оказался склад, до потолка набитый другими банками. Где-то в углу помещения бывший офицер услышал негромкий всхлип и пинками погнул туда беспомощного Снеговика. Глаза быстро адаптировались к темноте, и он увидел сидящее в углу тело, накрытое тёмной, холщовой тканью. Продолжая держать на прицеле трясущегося в панике Снеговика, Тритон встал на колени и стянул с фигуры скрывающую её ткань.

– Мать моя женщина... – выдохнул Тритон, отшатнувшись. Он завернул тело в ткань и поднял его на плечо, направляя здоровой рукой револьвер в сторону Снеговика. Даже в темноте он видел, как он раскрыл глаза в панике, стараясь закрыться от Тритона руками. Бывший офицер не ше-

лохнувшись нажал на спуск, и тяжёлая револьверная пуля прошибла толстую голову Снеговика, заливая деревянный пол алой кровью.

Тритон, не смотря на ранение в плече, бегом выметнулся из здания, даже не забрав потраченные камни. Раскрыв дверь, он оказался в переулке и сильнее замотав лежащее на плече тело, выбежал на основную улицу. Он стал искать взглядом возницу, но его внимание привлёк крик, раздавшийся на другом конце улицы. Там, качаясь из стороны в сторону и крича что-нечленораздельное шёл человек в какой-то грязной рванине. Он орал, пугая проходящих людей и разрывал руками своё лицо. Лоскуты кожи с налипшими на него кусками мяса и мышц валялись на землю, окропляя выложенный брусчаткой пол каплями крови. Тритон остановился, смотря на безумца. В один момент он бросился на вжавшуюся в стену женщину, в чём-то её обвиняя и стараясь разорвать её тело окровавленными руками. Женщина закричала и в её крике слышался древний, первобытный ужас. На помощь женщине подбежал прохожий мужчина, стараясь оттянуть напавшего за плечи. Безумец развернулся и напрыгнул на защитника, пытаясь выдавить его глаза. Мужчина оказался не робкого десятка и оттолкнул нападавшего, роняя его на пол, стараясь размозжить его голову ударами тяжёлого ботинка. Спустя несколько секунд ударов, безумец затих и капюшон слетел с его, превратившейся в кашу, головы. Свет попал на остатки его лица. Всё лицо было покры-

то мелкой, шелушащейся коркой, что практически закрывала глаза и опадала от малейшего дуновения ветра. Мужчина ошарашено отшатнулся, сбегая от женщины, края раны которой тоже стали покрываться такой же коркой.

Тритон решил последовать примеру мужчины и аккуратно придерживая лежащее на его плече тело, быстро побежал в сторону ворот, стоящих перед входом в район. Там, спокойно дымя скрученной «козьей ногой» и не обращая внимание на происходящее в районе. Его гнедая кобыла стояла на месте, переминаясь с ноги на ногу. Тритон аккуратно положил тело на скамью в телеге и сам запрыгнул туда.

– Плачу любые деньги! Кожевная дом 5! – рявкнул Тритон.

Возница, пыхнув плотным облаком дыма, дёрнул вожжами, и кобыла резво поскакала. Бывший офицер то и дело оглядывался, сжимая рукоять револьвера. Холодная сталь прибавляла уверенности, но странный безумец возвращал старый страх, что должен был исчезнуть несколько лет тому назад.

Возница агрессивно вёл свою телегу, лишь чудом не сбивая немногочисленных пешеходов. Вскорости телега оказалась перед двухэтажным, не так давно сложенным из отлично обработанных досок домом. Крот сунул седому вознице золотую монету и на удивлённый взгляд лишь похлопал того по плечу. Мужчина что-то благодарно промямлил, наблюдая за тем, как Тритон аккуратно снимает тело с телеги. Поло-

жив его на плечо, он забарабанил рукоятью револьвера по резным воротам дома.

– Пугач, ёп твою душу бога мать! – закричал, Тритон, пинная дверь крепким сапогом.

– Да и иду я! – прозвучал за воротами басовитый голос бородача.

Дверь открылась, и Тритон вбежал в дом, минуя довольно большой двор. Взбежав по высоким ступеням в дом, шраммированный оказался в большой, обустроенный под уютную гостиную, комнате. Тритон аккуратно опустил завёрнутое в ткань и его плащ, тело на стоящий перед камином диван и услышал очередь из матов за спиной, которая осеклась в один момент.

– Ну здравствуй... – с придыхом прошептал бородач, подходя к лежащему телу.

Глава 3

– Пугач, я не ботинок! Можешь быть и аккуратнее! – прошипел Тритон, скаля зубы от боли.

– Тритон, ты же боевой офицер! Ты меня под обстрелом из окопа вытащил, травя при этом анекдоты, а теперь тебе больно, когда плечо зашивают? Побойся бога! – воскликнул бородач, филигранно работая закруглённой иглой, зашивая глубокую рану в плече друга.

В момент, когда Пугач обрезал нити и завязал узел, с дивана послышалось мышинное шебуршание. Тритон перевёл взгляд с густой бороды друга на человека. Очнувшись телом оказалась молодая девушка лет двадцати. Белая, бархатная кожа выдавала в ней представителя тех самых голубых кровей, кто правил Империей всего несколько месяцев назад. Она, вжавшись в угол дивана, сильно натянула одеяло, оставляя открытыми лишь нежные, гибкие плечи и прекрасное, в чём-то ещё по-детски наивное лицо. Тонкие, мягкие черты лица, бархатная кожа и едва видимые веснушки на щеках. Она смотрела на мужчин глубокими изумрудно-зелёными глазами со страхом и мало заметным интересом.

– Кто вы? – девушка посмотрела под прикрывающее её одеяло, – И почему я нагая?! – тревожным, но всё же твёрдым, привыкшим к приказам голосом, спросила девушка, нахмуривая светлые бровки.

– Раньше я был известен, как капитан Вратов Андрей Васильевич. – Тритон приложил правую руку к груди и немного склонил голову в приветствии, а затем указал на Пугача, который убирал медицинские принадлежности в стоящий на столе чемоданчик, – А этот здоровяк бывший подпоручик Пугачёв Борис Дмитриевич. – Пугач снял с носа очки и поклонился в пояс, – Что же касается вашей наготы, то вскорости вам принесут одежду. Пока что мне было бы интересно, как вы оказались в плену у некого Снеговика?

Тритон накинул рубаху обратно на плечи и вытащил револьвер из кобуры, положив его на стол рукоятью к девушке. В этот момент в комнату вошла молодая женщина, держащая в руках стопку вещей. Войдя в комнату, она обомлела, чуть не выронив свою ношу. Очнувшись, женщина подбежала к дивану и рухнула на колени перед девушкой.

– Княгиня, голубушка, как вы здесь? Вашу же семью... Как вы тут очутились?!

– Успокойся, Мария. Это я её привёз и как ты понимаешь – говорить о этом не стоит ради нашей безопасности. Хорошо?

– Да-да! – жена Пугача быстро закивала, – Вот вам одежда. Переоденьтесь, ваше превосходительство!

Передав одежду, женщина, осеняя свою грудь кругом с помощью трёх сложенных пальцев, быстро выбежала из комнаты. Бывшие военные отвернулись, позволяя девушке переодеться и, как только шелестение одежды завершилось, то

они повернулись обратно. Перед ними, с идеально прямой спиной, сидела светловолосая девушка, чьи волосы были заплетены в косу до лопаток. Одета она была в простое, но красивое платье в малиново-зелёную полоску, укрывавшее её тело прямиком до щиколоток.

– Вы из Блока или сторонники треугольных? – как будто не слыша вопроса Тритон, спросила девушка.

– Я исключительно за себя и за своих друзей. Единственное, что мне интересно каким образом вы живы? Треугольные заявляли о том, что вся императорская семья погибла в ходе подстроенного анархистами теракта. Вы же, слишком похожи на княгиню Анастасию. Пугач, помнишь, как она получила этот шрам?

– После подписания Сератского мира. Тогда император с детьми приехали на парад, а её конь Хвост загорцевал и она упала, поранившись о камень на земле. – огладив свою бороду, ответил Пугач, пристально смотря в глаза девушки.

Девушка аккуратно потрогала свою шею с тонким шрамом в её основании, – Не конь, а кобыла, и не Хвост, а Грива. – поправила девушка.

– Это она. – ухмыльнувшись, кивнул Тритон, – Об этом знают только пару полков. Ладно, – мужчина потёр лицо ладонью, тяжело вздыхая, – Как вы там оказались?

– В нашу резиденцию ворвались треугольные. Я не знаю кто их впустил, но возможно, что нас предал кто-то из прислуги. Гвардейцы смогли дать отпор, пока мы пытались эва-

куироваться через катакомбы. Мы запрыгнули на коней и поскакали оттуда, но нас ждала засада... – девушка всхлипнула, утирая рукавом проступившую слезу, – Я увидела, как папеньку и братьев расстреляли на ходу. Я видела, как они совсем мёртвые падали с лошадей на землю, сражённые подлыми пулями... – девушка тяжело глотнула, – Мою лошадь подстрелили, и я улетела куда-то в лес. Очнулась уже, когда ехала куда-то в телеге с накинутым на голову мешком. Потом меня передали этому жирдяю и я несколько дней сидела в его затхлом подвале... – Анна замолчала, унимая свои слёзы внутри.

– Дальше можно не говорить. – махнул ладонью Тритон, останавливая поток речи девушки и посмотрел на помрачневшего друга, что стоял за его спиной, – И что нам с ней делать? Опасно держать её здесь, а то вдруг нагрянут треугольные, а у меня патронов маловато будет. Да и дела мне надо свои закончить.

– Вы же присягали на служение Короне! – неуверенно воскликнула девушка, смотря на друзей, – Вы должны спасти меня! Я же последняя из Марионов...

– Милочка, – Тритон поднялся на ноги, возвращая оружие обратно в кобуру, – я забрал свою клятву назад в тот момент, когда ваши придворные врачи отказали в лечении родного мне человека. Именно тогда я потерял страну, родину и флаг. Уяснила?!

Девушка вновь прижалась к спинке дивана, а сам Тритон

пошёл в сторону выхода, где сел на скамью у подъезда дома, вытаскивая из пачки сигарету, зажигая её с помощью вытаскиваемой из коробка спички. Серный огонёк засветился в наступившей темноте, и мужчина сильнее завернулся в свой плащ, стараясь спастись от опустившейся температуры. Сигаретный дым не давал отдыха мозгу, который был занят думами. Зацепок о местонахождении того лекаря теперь не было от слова «совсем», да и новости о смерти Снеговика явно быстро разойдутся, после чего все мясники уйдут в подполье и искать их будет бесполезно. Теперь ещё и эта девчонка добавила проблем. Княжна без страны и трона, которая сейчас мало кому нужна. Хотя, почему никому? Треугольные явно бы выдали круглую сумму за её душу, ну или из-под земли достали бы ему нужного человека...

– Даже и не думай. – хлопнув дверью, во двор за ним вышел Пугач, на ходу натягивающий на свои широкие плечи ватник.

– Ты о чём? – подняв бровь, посмотрел на друга Тритон.

– Андрюха, я тебя под полтора десятка лет знаю, так что даже не пытайся скрыть свои раздумья. Я прекрасно понимаю, что ты хочешь сбагрить княгиню треугольным. Но, а ей это за что? Она не отдавала приказов, не возглавляла никаких отделений. Её даже не готовили к тому, чтобы она управляла государством. Её участь и так не особо легка, а ты хочешь девушку на плаху отправить. – Пугач на момент замолк, но увидев, как Тритон открывает рот, продолжил, –

Знаю я, что есть у тебя причины на то, но не опускайся во тьму.

Тритон отвернулся от друга, утыкая взгляд в землю и глубоко затянулся сигаретой, доводя тлеющий огонёк практически до пальцев. Затушив окурок о подошву сапога, он щелчком отправил его в жестяную банку из-под тушёнки, после чего поднялся на ноги и вышел за ворота. До полуночи было всего пару часов, но коня оставлять не хотелось, из-за чего он, сунув руки в широкие карманы, зашагал в сторону харчевни.

Одинокая прогулка по ночной столице была несколько более приятной, нежели он ожидал, да и патрули треугольных, тут и там ходящие по улицам, не обращали внимания на одинокого проходимца. Через пару часов бодрой прогулки сквозь дворы, он оказался перед харчевней, которая, не смотря на позднее время, горела газовыми лампами. Тритон аккуратно раскрыл дверь, не снимая руки с кобуры и вошёл внутрь.

В зале за парочкой столов сидели несколько мужчин, что, не стесняясь хлебали пиво из высоких стеклянных кружек. Всё их внимание сосредоточилось на вошедшем Тритоне, который неспешно закрыл за собой дверь, скрипнувшую несмазанными петлями. Бывший офицер осмотрел зал и перевёл своё внимание на тавернщика, который нервно протирает стойку, кося глазами на одного из мужчин, сидящего за столом спиной к вошедшему.

Тритон посмотрел на человека и заметил лоскуты белого бинта, что едва показывались из-под капюшона, натянутого по самые глаза. Воспоминание вспыхнуло в голове, и Тритон прыгнул в бок, уходя в кувырок, шипя от боли в свежераненном плече. В то место, где он только что стоял, врезался сноп дрови, выбивая из двери облако щепок. Тритон вытянул из кобуры револьвер и направив тот в сторону стрелка, два раза нажал на спуск. Револьвер гроыхнул, отправляя смертоносные свинцовые тела в стрелявшего. Голова засадника взорвалась кровавым фонтаном, обрызгивая сидящих рядом месивом из крови, мозгов и осколков черепа.

Забинтованный встал и повернулся к Тритона, вытаскивая из-под стола обрез винтовки и направляя его в сторону перекатившегося офицера. Лицо его было знакомым, и шрамированный вспомнил, как его кастет врезался в челюсть бандита. Ещё один выстрел оказался удачным, врезаясь в живот ещё одного бандита, перемешивая его внутренности. Никто из бандитов не успел вынуть оружия, и Тритон прыжком поднялся на ноги. Врезавшись плечом в перебинтованного, он сбил того с ног и присел, пропуская тесак одного из бандитов над своей головой. Клинок со свистом пролетел сверху, едва не задев коротких волос Тритона и тот вдавил ствол револьвера в глубокий глаз бандита с усилием нажимая на спуск. Пуля вырвала кусок черепа вместе с мозгом, загрязняя пол таверны кровавыми ошметками. В этот момент, один из дружков поверженного бандита стал вытя-

гивать какой-то самопал из-под полов куртки и Тритон, предупреждая его действия, схватил со стола недопитую кружку пива и с коротким размахом отправил ее в голову противника. Она разлетелась десятками осколков, столкнувшись с головой бандита, который остался стоять на ногах, лишь трянув ею. Бандит выстрелил, но спас его барахтающийся внизу человек, схвативший Тритона за ногу и уронивший его на пол. Дробь пролетела сверху, продырявив плащ в паре мест свинцовыми шарами, оставив небольшие отверстия.

Револьвер вылетел из рук Тритона и перебинтованный запрыгнул на него, стараясь сомкнуть свои длинные, жилистые пальцы на его шее. Тритон постарался дотянуться до револьвера, но туша навалившегося не позволяя заполучить оружие. Пальцы сомкнулись на шее бывшего офицера, и Тритон вытянул из ножен свой клинок. Дружки бандита, видимо не замечая оружия в руке бойца, пока Тритон с усилием дотянулся до шеи напавшего. Резким движением он взрезал шею бинтованного. Кровь, плотной струёй потекла на лицо Тритона, заливая глаза. Бинтованный широко раскрыл глаза, затыкая ладонями дыру в шее. Схватив его за куртку, Тритон не отпускал его, прикрываясь им, как щитом. Вытащив нож из горла бандита и практически не глядя, метнул его в сторону подходящих засадников. Нож пролетел ниже, чем Андрей рассчитывал. Сказалась левая рука и закрытое кровью лицо, а потому нож, вместо того чтобы влететь в живот бандита, влетел в пах. Бандит завизжал, падая на спину, а вто-

рой, вскинув обрез, постарался застрелить всадника, но всю дробь принял в себя всё ещё живой бинтованный. Следующий выстрел отозвался лишь щелчком и Тритон, с трудом спихнув с себя труп, напрыгнул на вооружённого бандита, обрушивая на него град ударов стальными кастетами. Остановился он лишь тогда, когда под кулаками зачавкало.

Тритон встал на ноги, возвращая оружие в карманы. Неожиданно он услышал сзади щелчок курка и время для него замедлилось. Андрей почувствовал, как от плеча по венам пошло жжение, которое, сконцентрировавшись в кончиках пальцев, вылилось в плотный сгусток энергии, что светло-голубым молотом врезалась в сидящего бандита. Кинетический удар заставил нож пройти сквозь тело мужчины и войти в деревянную балку перекрытия по самую рукоять. Бандит, прохрипев что-то нечленораздельное, испустил дух, опуская руку с зажатым в ней револьвером. Тритон же, зарывшись от боли, посмотрел на собственное предплечье под плащом, вены в котором стали чёрными, как сама ночь. Нагнувшись за револьвером, он направил его на тавернщика, который вылез из-за стойки. Почти нажав на спуск, мужчина всё же опустил оружие, тяжело выдыхая.

– Что с моим конём? – спросил Тритон, пытаясь вытащить нож из трупа.

– Всё нормально! Напоен и накормлен... – осеняя себя кругом и осматривая погром в собственном заведении, выдыхает мужчина, уже считая материальные потери.

Тритон удовлетворённо кивает, бросая свою затею. Проверив запасы патронов, мужчина дозаряжает револьвер, – Лучше тебе молчать о мне. Тогда останешься жить.

Тритон затребовал у тавернщика, глядя на выползших из своих номеров постояльцев. Пока владелец наливал воду из кувшина в литровую кружку, они, кто с отвращением, а кто с интересом, рассматривали устроенную в столовом помещении бойню. Тавернщик, совладав с волнением, наконец смог наполнить кружку, которую тут же схватил Тритон, наполовину осушая её двумя крупными глотками. Сухость во рту, наступившая после боя, ушла и потому мужчина вылил остальную половину кружки себе на лицо, смывая начавшую запекаться кровь. Оттирать одежду было бессмысленно, а потому он просто пошёл в сторону двери. Как только мужчина подошёл к ней, то он резко открылась и внутрь вбежали три человека. Их форма и шевроны с треугольниками явно намекали на их принадлежность к революционным силам.

– Что происходит?! – крикнул один из бойцов, что имел на голове фуражку, а не привычную треугольным высоко-нечную шапку.

Тритон поднял левую руку вверх, вторую просовывая в один из карманов плаща. Нашулав документ, он протянул его офицеру, понимая своё нынешнее положение. Несколько трупов с разными причинами смертности и степени кровавости. Помимо мёртвых тел, в помещении был лишь безобидный толстяк-тавернщик и странный человек с ног до го-

ловы покрытый кровью, который не был похож на обычного человека, хотя бы своей стойкой.

– Коммисар Медняк? – офицер прищурился, смотря на Тритона, что сел на чистую скамью, смотря на пришедших, – Он лично передал вам приглашение? – получив утвердительный кивок, треугольный сложил заляпанное кровью письмо, убирая его в набедренную сумку, – И когда он это сделал?

Офицер двинул ладонью, и солдаты вскинули свои винтовки, направляя их в сторону Тритона. Бойцы дёрнули затворы, и мужчина практически почувствовал, как солдаты нажимают на спусковые крючки. Тритон опередил их, стреляя три раза, не вытаскивая оружия из-под плаща. Пули врезались в солдат, сшибая их с ног. Два рядовых рухнули на пол с пронзёнными животами, а офицер в последний момент, дёрнулся, видимо предчувствуя выстрел. Пуля попала ему в бок, сбивая треугольного с ног. Тритон мигом оказался рядом, выбивая оружие из рук офицера. Револьвер треугольного прошелестал по половицам харчевни, а сам шрамированный запрыгнул на грудь офицера прижимая ствол револьвера к его груди. Тритон взгляделся в лицо офицера и грустно улыбнулся. Лежащий мужчина был молод и с вызовом глядел своими умными карими глазами, полными страха в лицо Тритона, зажимая кровоточащий бок второй ладонью. Тёмные кудри выбивались из-под фуражки офицера, закрывая широкий шрам на лбу, появившийся после удара чем-то тяжёлым.

– Жить бы тебе, да жить... – грустно ухмыльнувшись, покачал головой Тритон, взводя курок, – Не надо было тебе меня видеть. Был бы тогда жив. – Тритон нажимает на спуск. Офицер жмуриться, отворачивая лицо и жмуря глаза. Вместо выстрела револьвер лишь щёлкнул, – Повезло.

Тритон быстро ударил револьвером в висок офицера. Он дёрнулся и затих. Сорвав рукав его шинели, Тритон оголил торс мужчины и быстро затянул его бок, перекрывая кровотечение. Заменяв не сработавший патрон в барабане, Тритон пошарился по карманам шинели офицера. Помимо кошелька с несколькими серебряными монетами, пачки папирос и карманными часами, внутри карманов оказался документ, одетый в красную корочку с изображением двух мечей.

Фотографии внутри не оказалось, и Тритон забрал её себе, убрав в передний карман штанов. В голове тут же возник план, после чего он вышел сквозь открытую дверь. Оказавшись в конюшне, он забирает собственного коня. Оседлав коня, всадник гонит в сторону центра города. Там, на побережье одной из столичных рек, стояло построенное ещё в прошлом веке здание, выделяющееся белой маковкой.

Доскакав по пустым улицам города в центр, Тритон по гранитным ступеням спустился к воде. Река была спокойной, и вода мерно ползла по своему руслу, стекая в Южный Залив. Тритон склонился к ней, вглядываясь в её мутное нутро и отражаясь от поверхности в свете луны. Из реки на него глядел молодой мужчина с пустыми серыми глазами, лицо

которого опутали нити черных вен. Он, глазами полными тумана, глядел внутрь Тритона, стараясь выискать что-то внутри. Уши бывшего офицера как будто заложило плотной ватой, заглушая все посторонние, немногочисленные и от того громкие ночные звуки. Рука, как будто живя своей жизнью, потянулась к щеке ощупывая гладкую кожу, чистую от следов жутких войн. Глаза стали медленно закрываться, успокаивая воспалённое сознание. Всадник стал медленно заваливаться вперёд, уходя внутрь себя. Руки коснулись холодной воды и наваждение мгновенно пропало. Зрачки вернулись в глаза, темнота ушла из вен, а шрам вернулся на щёку.

Умывшись, холодной, речной водой, Тритон стал старательно стирать со своей одежды следы недавней битвы. Холодная вода смывала плохо, но выбирать не приходилось, а потому наскоро отмыв своё одеяние, он быстро взбежал по ступеням, вновь оказавшись наверху. Взобравшись на коня и посмотрев пустые улицы столицы, Тритон поскакал к зданию с маковкой.

Добрался он довольно быстро, наслаждаясь стуком подкованных ног коня о выложенную брусчаткой дорогу центра. Перед тяжёлыми, резными воротами здания стояла пара военных, яростно придерживающихся принципа «Солдат спит – служба идёт». Их не разбудил ни стук копыт, ни приземление далеко не лёгкого Тритона на каменную брусчатку.

– Смирно! – вспомнив старые дни, зычно крикнул Тритон, улыбаясь себе в душе.

Оба молодца резко вытянулись в струнку, шаря глазами в поисках источника звука, которого было довольно сложно в ночной тьме. Один из солдат, устав шюриться, зажѐг лампу над своей головой, освещая несколько метров спереди себя.

– Кто такой? – буркнул солдат, двигая усами и снимая с плеча карабин. Подойдя к солдату вплотную, Тритон передал книжку человека. Он обшлюнявил палец, листая страницы и довольно быстро читая её содержимое, – Старший лейтенант значит? Какой-то ты мокрый...

– Служба нервная. Сам же знаешь. – хмыкнул Тритон, – Вот и решил ополоснуться. Коня моего отведёте?

Усач кивнул второму солдату, который нехотя отлип от стены и взяв коня за вожжи, повёл его за угол здания, – А чего в администрации забыли, товарищ-лейтенант? Час то уже поздний.

– Спать неохота. Вот и решил дела разгрести, а то много их набралось. – Тритон выбил из пачки сигарету и предложил её солдату.

– Нет, спасибо. С лёгкими плохо стало.

Солдат мотнул головой, вытаскивая из-за пазухи связку с длинными ключами. Подобрал нужный, он в несколько движений отпер дверь за своей спиной, открывая проход Тритону. Забрав документ, бывший офицер вошёл в здание. Администрация столицы была одним из тех зданий в городе, которых, казалось, вообще не коснулась революция. Внутренность помещения осталась исконно белой, не запачканной

ни единым следом перемен. Белые, тщательно вычищенные стены коридоров, украшенные лепниной под потолком, тяжёлой резной мебелью, освещаемые дорогими канделябрами. Полы были устланы отполированным паркетом, смотря в который можно было бриться.

Прямо перед выходом, за стойкой из дуба сидела молодая женщина, облокотившаяся на столешницу и мерно сопящая в глубоком сне. Тритон медленно прошагал по полу, стараясь не разбудить вахтёршу. За её спиной висела карта здания на которой шрамированный высмотрел комнату архива и перегнувшись через стойку, медленно взял связку ключей со щитка за спиной девушки и медленно зашагал в сторону нужной ему комнаты.

В здании его никто не остановил, а потому он быстро забежал на второй этаж, где начал в полутьме выискивать нужные ему двери. Видно было плохо, но шаря руками по объёмным табличкам, Тритон всё же смог отыскать помещение. Звеня ключами, он отпер лакированные, плохо смазанные двери, после чего вошёл туда.

Внутри было несколько десятков огромных, высотой в пару человеческих ростов, стеллажи. Одни снизу и доверху были наполнены узкими книгами с номерами улиц и домов, а другие напоминали мозаику из ящиков картотек. Его интересовали именно они, а потому, найдя на столе карбидный фонарь, он подкрутил вентиль и в свете вспыхнувшего огонька отправился на поиски. Он шёл между стеллажа-

ми, выискивая необходимую ему ячейку. Тихо шелестя губами буквы и адреса, Тритон шёл сквозь стеллажи. В один момент он обнаружил нужную букву с которой начиналась буква фамилии нужного человека. Поставив фонарь, Тритон притаскивает прикладную лестницу, после чего взбирается практически на самый верх стеллажа, отпирая нужную ячейку. Вытащив маленький документ, что был не сильно больше обычной тетради. Она была с ещё имперским гербом, но поверх него стояла печать с треугольником, показывая то, что всё подтверждено республиканской канцелярией.

«Крестов Степан Викторович. 1836 год рождения Вартиборг, Уравская губерния.

Семейное положение: женат, двое детей.

Обладает магическими способностями: да, лекарские способности.

Род занятий до революции: Лекарь 4-го ранга "Лично Его Императорского Двора"

Отношения к революции: нейтральное.

Место проживания: Чернопольский бульвар 4."

– Мария, милочка, я уже старый человек и сон идёт плохо, а потому единственное полезное времяпровождение ночью – работать. – послышался старческий голос, идущий из коридора, приглушённый закрытыми дверьми.

Тритон захлопнул документ и бросил его обратно в ячейку, быстро перебирая конечностями, спуская на пол. Дернувшись, он быстро перекрыл пламя, стараясь вести себя как

можно тише.

– Может вы забыли ключи где-то здесь и из-за усталости подумали, что закрыли дверь? – спросил приятный мужской голос, принадлежавший какому-то весьма интеллектному мужчине весьма пожилых лет, который, впрочем, был скрыт ночной тьмой, – Где же фонарь... – мужчина замолчал и Тритон готов был отдать всё, ставя на то, что услышал, как глубоко вдохнул мужчина, – Анна, зовите солдат. Здесь кто-то был совсем недавно.

Женщина ахнула и убежала из комнаты, топя каблуками по мягкому ковру. Не успели её шаги стихнуть, как раздался характерный щелчок, возвещающий о том, что пожилой мужчина вооружён. Тритон вытянул из кобуры и вытянул револьвер, сжимая его рукоять и прикрывая глаза. Всё его существо превратилось в тонкий слух, практически сканируя комнату словно летучая мышь, но не смог уловить ни единого звука: ни шуршание веток за окном, ни шагов мужчины, ни собственного дыхания. Раскрыв глаза, Тритон шагнул в глубь комнаты, рыская взглядом по комнате. В один момент, в тусклом свете идущим из окон, показалась тёмная фигура, просто стоящая на ногах и смотрящая в окно. Тритон вскинул револьвер и сразу же выстрелил. Стекло окна рассыпалось мириадами осколков, но фигура осталась стоять на своём месте, лишь слегка шелохнувшись от пронзившей её пули. В этот момент Тритон понял, что он ошибся.

– Вы слишком расторопны, молодой человек. – слы-

шался сзади всё тот же мягкий и спокойный старческий голос.

В затылок шрамированного уткнулся холодный ствол револьвера и ему пришлось опустить своё оружие, – Как же я не догадался... – ухмыльнулся Тритон, – Откуда Тень в этих местах?

– Вы знаете о нас, а значит человек не гражданский, что видно и по вашей походке. Треугольный? Сторонник генерала Виваевского или, может, агент островитян?

– Пятая дивизия третьей армии. Четвёртый штурмовой полк. Капитан Вратов Андрей Васильевич.

Холод отхлынул от затылка, и Тритон повернулся к владельцу мягкого голоса. Это был долговязый и поджарый мужчина с тонкими чертами лица. Даже в тусклом лунном свете, идущем из окна, можно было разглядеть холодные и спокойные глаза, пронизывающие Тритона насквозь. Ничего, кроме слегка одрябшей кожи и голоса не выдавало в этом мужчине его возраста, который явно перевалил за шестой десяток. Тритон подобрал своё револьвер и тоже, следуя примеру своего пленителя, вернул его в кобуру.

В коридоре затопали тяжёлыми сапогами караульные солдаты, которые влетели в комнату под светом фонаря, что один из них держал в руке. Оказавшись внутри, они опустили оружие, особо не понимая происходящее. Было видно, что они знают пожилого мужчину, но наличие удостоверения в кармане Тритона сбивало их с толку.

– А что случилось?! Кто проник в помещение?! – крикнул усатый солдат, судорожно переводя взгляд с Тритона на пожилого мужчину.

– Всё в порядке, товарищи. – успокоил их Тритон, – Я заработался и не услышал, как меня ищут. Простите за беспокойство.

– Хорошо, товарищ лейтенант! – солдат отдал честь и с напарником развернулся, возвращаясь на свой пост.

Анночка хлопала глазами, силясь разобраться в ситуации, но мужчина поднял ладонь в успокаивающем жесте. Женщина, что-то шепча себе под нос, приняла протянутую от Тритона связку ключей, после чего, продолжая причитать, пошла вниз.

– Я рекомендую вам проследовать за мной. – Мужчина поправил шляпу на своей голове и вышел через вторую дверь в помещении, проходя внутрь небольшого кабинета, три стены которого были уставлены стеллажами полными книг. Мужчина сел в мягкое кресло за своим столом и вперил взгляд в вошедшего за ним Тритона, – Третий Штурмовой говоришь? Вы, ребята, героями себя в Горной войне проявили. Многих парней спасли, когда Ширанские высоты взяли.

– Это мясорубка была, а не операция. Голой пехотой, в горы, без плана и подготовки. Нам не то, что артиллерией не помогли, нам ни одного сраного "Сверчка" или "Косаря" не выделили! У меня из роты пятнадцать человек выжило! – Тритон стиснул зубы и сжал до крови кулакам, стараясь успо-

коиться и выгнать из головы образы растерзанных сослуживцев, что отдали свои жизни на жёлтых горах далёкой страны, – Столько сплавных парней полегло там...

– На то вы и штурмовики, чтобы пробиваться там, где остальные не смогут. – спокойно сказал мужчина, вытаскивая из кармана трубку и набивая её табаком из кисета, – Я слышал о тебе. Золотой Крест третьей степени, серебряная лента за бой в Ширанских горах, Чёрный круг. Знатно твою роту помотало – несколько раз практически с нуля создавали, но стоит отдать должное, что вы всегда выполняли задачу. – мужчина поджёг табак и несколько раз пыхнул трубкой, распаяя её, – А что ты тут делаешь, капитан? Сомневаюсь, что в одиночку ты хочешь сбить режим, да и знаю, что у тебя какой-то разлад с императорской семьёй, тем более, что здесь лишь информация о гражданах.

– Личные причины. – отмахнулся Тритон, вернув себе самообладание, – Мне больше интересно, как бывшая тень стал статским работником. Не нашлось места для навыков? Ни за что не поверю в это. – Тритон помотал головой.

– Неужели я стал настолько стар, что обычный офицер распознаёт во мне тень? – мужчина пыхнул трубкой и потёр усталое, заспанное лицо сухими ладонями с длинными пальцами.

– Ваш корпус расформировали пятнадцать лет назад, а тогда я уже был в рядах войск, хоть и в звании рядового. Я очень сильно удивился, когда в наш полк пришло известие

о том, что весь штаб вражеской армии, а затем был бой с диорганизованным противником, который не смог дать хоть какого-то мало-мальски достойного сопротивления. Мы паровым катком прошли по их позициям, и если бы каждый бой был таким, то наше государство распростерлось бы от Белых островов, до Империи Аюнов. Потом я успел заметить ещё одну тень уже в другой войне. Воин в чёрной броне. Быстрый. Лёгкий. Смертоносный. Он словно молния пронёсся по окопам противника, разя их двумя кривыми клинками. Я тогда было думал, что мне сорок в голову ударил от палящего солнца, но когда мы в окопы спустились, то понял, что глаза меня ещё не подводят. Все болотные лежали с глубокими разрезами вот здесь, – Тритон ткнул себя пальцем в основание шеи, – все как один, как будто не люди, а ветки. – он быстро порубил раскрытую ладонь ребром второй.

Сидящий за столом мужчина улыбнулся, обнажая белые зубы, – Узнаю Грифа. Хороший воин, но без царя в голове был. Жаль, что погиб.

– Во времена Чистки?

– Да. Чёртов наследник объявил нас убийцами своего отца и решил избавиться от всего отряда теней. Не удивлюсь, если это отродье сам и придушил Императора. – мужчина потушил сигару, говоря без эмоций.

– С чего-бы вам так мне открываться? Тени были известны, как осторожные диверсанты, а вы чуть ли не выкладываете свою подноготную.

– За несколько последних дней в Столице погиб хоть и молодой, но главарь местной шушеры Катапульта, а на месте его убийства нашли правую руку Сёмы Трехпалого по кличке Бо и мелкий контрабандиста Глаза. Из мёртвых только один Катапульта, а его казна теперь отправлена на благо революции. Сегодня кто-то совершил налёт на прибежище хирурга Снеговика. Его помощник успел смыться оттуда и залёг куда-то на дно, а тело самого Снеговика обнаружено в его же складе с простреленной башкой. Предполагается, что со склада стащили какой-то важный товар. – мужчина встал из-за стола и подошёл к одной из стен своей невеликой комнаты и взял со стеллажа книгу. Раскрыв её, он вытащил чёрно-белую фотографию, которую бросил на стол. Это была фотография императорской семьи в полном составе: сам император, его жена, три дочери и три сына. Тритон посмотрел на неё, но ничего не понимая, лишь вопросительно взглянул на тень, – С востока поползли слухи, что он жив. – палец мужчины уткнулся в тело самого младшего из императорской семьи – царевича Петра.

В реальности это был шестилетний ребёнок, пошедший своими огненно-рыжими волосами в мать, хоть лицом и походил на своего отца. На фотографии он был одет в маленький мундир, присущий офицерам кавалерии и длинные сапоги. Он улыбался беззаботной улыбкой, смотря на фотографа и не знал того, что постигнет его в дальнейшем.

– Врёшь ведь. – хмыкнул Тритон, сжимая челюсти и ста-

раясь придать лицу такое выражение, что должно было быть подобно каменным изваяниям.

– Вполне возможно. – тень дёрнул плечами, возвращая фотографию и книгу на место, – Однако, в следствии моих выводов, что я обозначил раньше можно было понять, что выжил не только один маленький принц Алексей, но и кто-то старше него.

– И откуда же такая информация?

– Молодой человек. Не смотря на общую опалу выживших из моего отряда, я всё же сохранил часть старых связей, из тех, кто до сей поры относится к нам вполне себе лояльно. Из этих важных источник, мне удалось достать информацию о том, что треугольным не удалось найти ещё одно тело – принцессы Анны. – мужчина надел на голову шляпу и натянул пальто на плечи, – Я более, чем уверен, что вы прекрасно осведомлены о её местоположении.

– И почему же?

– Не прикидывайтесь глупцом. В городе внезапно появляется какой-то военный по личному приглашению к тому времени уже мёртвого комиссара Медяка. Проходит не так много времени и происходит налёт на казино Катапульты, где позже обнаруживается мёртвый авторитет, правая рука Трёхпалого по имени Бо, который оказывается без сознания, а также раненный Глаз, что раньше был маркитантом, нынче известный, как опытный контрабандист. Позже, совершён налёт на дом Снеговика, подельником которого являлся

некий лекарь, с которым у вас есть неразрешённые вопросы. Он сбежал из дома, миновав свою смерть, после чего у Снеговика что-то украли, а как известно, княжна обладает прекрасной красотой, и она скрывается у вас.

Тритон оцепенел, впериw взгляд в лицо тени. Старательно вертя шестернями в собственной голове, он пытался сообразить, что делать. Если этот мужчина не врал Тритону, что он точно такой же, то бывший офицер не мог и предположить его дальнейших действий. Выхватить револьвер он не успел бы, ведь этот уже не самый молодой мужчина, точно более сноровист в этом деле. Но подставлять Пугача ему не хотелось, ведь на кону не только его жизнь, но и души всей семьи нынешнего сапожника.

– Я понимаю, что вы сомневаетесь в доверии ко мне. – мужчина вытащил из кобуры свой короткоствольный револьвер, и крутанув его на указательном пальце, передал оружие Тритону рукоятку вперёд, – Можете звать меня Борис Викторович. Пожалуй, я дожил до того возраста, когда меня нужно звать по имени и отчеству. – с этими словами мужчина надел на голову чёрную шляпу.

Тритон заткнул полученное оружие за пояс штанов и мотнул головой в сторону выхода из кабинета. Борис Викторович кивнул в знак благодарности и вышел из комнаты, на ходу натягивая пальто на свои плечи. Внизу на них обеспокоенно посмотрела Мария, провожая взглядом пару мужчин. Они вскочили в сёдла своих коней и сразу двинулись

в сторону Ремесленного района, который местными жителями по-старинке называлось Слободой. Дорога была длинной, и Тритон не выпускал из поля зрения следующего за ним мужчину, постоянно оборачиваясь назад и смотря в оваянное тьмой, но всё ещё спокойное лицо Бориса Викторовича. Добраться они успели довольно быстро, оказавшись прямоком перед воротами дома Пугача.

Тритон слез с коня и постучал кулаком по воротам. Несколько секунд ничего не происходило, но потом послышалось недовольно бурчание здоровяка, который быстро сбежал по лестнице дома и раскрыв железный щиток, посмотрел в неосвещённое лицо Тритон, а затем перевёл взгляд на вставшего рядом с ним Бориса Викторовича.

– Это бывший боец отряда теней. – опередил Тритон своего друга, – Он всё знает.

Даже в темноте Тритон заметил, как в удивлении распахнулись глаза Пугача. Рыжий бородач провернул ключ в замке и распахнул бесшумно раскрывшиеся ворота, пропуская обоих всадников внутрь своего домового участка. Борис Викторович спокойно осмотрел освещённый масляной лампой дворик и поздоровавшись за руку, вошёл в дом. Тритон передал свой второй револьвер Пугачу и зашёл в дом за хозяином.

– Анастасия, вы можете выходить. – крикнул Тритон, наставляя свой револьвер в затылок бывшей Тени.

Из другой комнаты осторожно выглянула княжна, кото-

рая несколько секунд рассматривала гостя, а затем вышагнула из-за угла, заметив два ствола, направленных в голову мужчине. Она осторожно прошла внутрь и прижалась к стене, недоверчиво смотря на пожилого мужчину.

– Значит это правда и Империя ещё не мертва. – улыбнулся Борис Викторович и вытащил из нагрудного кармана своей рубашки сложенное пополам треугольное письмо., – Тритон, я позволил себе перехватить отосланное вам письмо. Надеюсь, вы не против. – Развернув треугольник, он положил на стол письмо, буквы в котором были написаны корявым, неровным почерком, гулящими строками по бумаге.

Тритон перегнулся через плечо пожилого мужчины и посмотрел на лист из белой бумаги: «Привет, моя дорогая сестрёнка! Я сейчас где-то далеко на востоке Империи, созданной нашим папенькой. Здесь очень много дяденек в военной форме. У них много оружия, пушек, лошадок и больших пароботов! Они говорят, что охраняют меня от злых людей, которые сейчас где-то в столице нашей страны. Ещё они говорят, что я стану будущим императором, но я совсем не понимаю, как так случилось, ведь папенька наш ещё жив? Эти дяденьки-военные обещают, что мы скоро увидимся с тобой. Они же правы? Тогда приезжай скорее! Желаю тебе быстрее добраться! Твой братик Алёша!»

Увидев изменившееся лицо Тритона, девушка забеспокоилась и быстро схватила письмо, вжавшись в него своими тонкими пальцами, чуть не разрывая тонкую бумагу свои-

ми подпиленными коготками. Быстро читая покосившиеся строки, он закрыла рот ладонью и пустила слезу из глаз. Утерев её рукавом, девушка прижала письмо к груди и глубоко вдохнула, сдерживая вырывающийся поток эмоций.

– А не врѣшь? Больно быстро и гладко у тебя всё получилось. – Пугач хрустнул шей и быстрым нажатием щёлкнул курком полученного револьвера.

– Н-н-не врѣт! – всплакнула девушка и вновь утёрлась рукавом просто крестьянского платья, полученного у жены Пугача, – Это братика моего почерк. Я сама его учила писать, да не успела до конца. Значит выжил он, выжил! Родненький!

– Ну и какие у тебя намерения? – Тритон слегка нажал на спусковой крючок, посматривая на ревущую принцессу.

– Это вы узнаете потом, а сейчас я предлагаю вам быстрее собираться. У нас осталось не так уж и много времени, до того треугольные перекроют город. – Мужчина вновь сунул руку во внутренний карман своего пальто и вытянул оттуда несколько надвое сложенных бумажных треугольника с красным оттиском профиля паровоза.

– А что происходит? – из-за угла высунулась жена рыжебородого, оттирающая руки о висящее на плече вафельное полотенце.

– Ржавая чума. – процедил сквозь зубы Тритон, убирая револьвер обратно в кобуру.

– Жена, собирай маленьких и вещи! – рявкнул здоровяк, перекидывая оружие Тритону и подбегая к стоящему в го-

стиной платяному шкафу.

Поняв происходящее, женщина быстро кивнула и побежала на второй этаж. Пугач вытащил из шкафа увесистый пистолет и пару магазинов. Распихав их по карманам, он сунул пистолет за пояс кафтана и накинул поверх него ватную куртку.

– Я смотрю, ты кое-что с фронта, да утащил. – хмыкнул Тритон, – А патронов на мой револьвер не найдётся? У меня этот барабан и больше ни единого патрончика нет.

– Конечно есть. – собрано ответил бородатый, вытаскивая картонную пачку с патронами.

Тритон распотрошил коробку и ссыпал все имеющиеся патроны в карман своего плаща. Княжна, справившись с следами, побежала за хозяйкой дома. Пугач за пистолетом вытащил ещё и обрез двуствольного ружья, которое сунул в солдатский вещмешок, который тоже достал из шкафа. Спихнув туда оружие, патроны и какие-то старые солдатские вещи, он накинул мешок к себе на плечи. Меньше чем через час, вся его семья, включая двух маленьких девочек близнецов и скрытую княгиню, уже была наготове.

Глава

4

Столичные дороги были совершенно пусты. Их телега, запряжённая двумя лошадьми быстро, ехала по улицам, минуя один поворот за другим. Все, кроме Бориса Викторовича были на взводе, а Тритон не мог перестать тискать рукоять находящегося в кобуре револьвера, сверля затылок сидящего спереди пожилого мужчины.

Спустя несколько часов быстро езды по дорогам, они подъехали к небольшой площади перед зданием вокзала, где помимо них стояло всего несколько телег в которых устало, храпели несколько возничих, укрывшихся от осеннего ветра своими тёплыми куртками.

Как только Пугач остановил телегу, вся их группа быстро прыгнула с борта и поспешила в сторону искусно отделанного, двухэтажного здания вокзала, которая светилась сотнями газовых ламп, создающих своим сиянием ощущение того, что на улице не глубокая ночь, а яркий и солнечный день.

Спрыгнув на выложенную брусчаткой землю и поправив ремень с кобурой, Тритон посмотрел на большие часы, которые возвышались на небольшой башне, что была пристройкой к основному вокзалу. Заметив, что малая стрелка часов медленно, но неотвратно ползла в сторону двух часов.

– Давайте быстрее! Осталось меньше четверти часа до нашего поезда! – Тритон махнул рукой, закидывая на плечо один из баулов, что тащил за собой Пугач.

Их компания быстрым шагом двинулась к вокзалу, на котором были слышны гудки отправляющихся паровозов. Группа прошла сквозь бронзовые ворота вокзала, оказавшись в большом помещении, на котором, не смотря на свою значимость, как самого главного вокзала, был практически пуст и даже очередей не наблюдалось.

Встав во главе их импровизированной колонны, Тритон подбежал к стоящему на выходе одного из пиронов билетёру, который был одет в лёгкий фрак, не смотря на раннюю весну, которая не давала поводов надевать лёгкую одежду. За спиной билетёра пыхтел паром из трубы паровоз к которому было прицеплено несколько вагонов типа «купе».

– Вы все вместе? – пересчитывая билеты и сверяя их номера с написанными в журнале, что он держал подмышкой, спросил билетёр.

– Ага. Мы большая и очень дружная семья. – кивнул Тритон, озираясь на нескольких скучающих бойцов «Треугольника», которые перебрасывались фразами, лишь изредка и лениво посматривая на пустующий зал.

– Вы сразу две комнаты заняли? – Билетёр вальяжно писал внутри своего журнала, иногда дыша на авторучку, которая, видимо, была заправлена далеко не самыми качественными чернилами.

– Да. Можно как-то побыстрее? На улице, знаете-ли прохладно. – Тритон почесал щёку, то и дело оглядываясь на местных представителей правопорядка.

– Да-да, сейчас. – пробормотал молодой билетёр, надрывая билеты и возвращая их обратно в руки Тритону.

Он кивнул в благодарность и раскрыл дверь самого заднего вагона, пропуская всю группу вперёд. Последним прошёл Борис Викторович, и Тритон оглянулся в зал, за воротами которого послушался гул и удары металла по каменной брусчатке площади перед вокзалом.

Билетёр отвернулся и полностью потерял интерес к их группе. Пугач с остальными пошёл в сторону нужного купе, а шрамированный присмотрел к распахивающимся воротам. Положив ладонь на кобуру с револьвером, он наблюдал за тем, как в здание, скрепя сочленениями и заполняя воздух паром, вошло нечто. Тритон не видел такого вживую, лишь единожды заметив что-то подобное в ставке командования несколько лет назад. Казалось, что это был огромный, метра три ростом, стальной человек, закованный в доспех из толстых пластин. Он двигался неспешно, медленно вращая металлическим куполом головы и вода из стороны в сторону станковым паровым пулемётом, что обычный человек не смог бы поднять ни в коем случае. За небольшой щелью, скрывающим лицо ничего не было видно и казалось, что это тьма, затянутая в бронь. Он, громыхая бронированными ботинками и поводил широким раструбом ствола пулемёта

по залу, явно кого-то выискивая. Все конечности этого существа были покрыты сегментированной бронёй без единой щели. За его спиной было видно два широких, гофрированных шланга, ведущих в стальной короб за спиной, который иногда выплёвывал густые облака пара.

Это существо шло в окружении пяти обычных пехотинцев в черно-красной униформе с стальными кирасами на груди. Они вошли в зал, ветром разворошив мелкий мусор на плиточном полу и подошли к одной из застеклённых билетных касс, что шла трещинами, из-за чего была больше на паутину какого-то странного паука. Тритон обратил внимание, что их лица закрыты красными платками, а на рукаве одного из отряда был виден красный крест на белой повязке на плече.

– Пугач! – позвал друга Тритон, разминая раненное плечо.

– Чего? – бородач распределил всех по комнатам и трусцой подбежал к Тритона, после чего посмотрел на странного солдата, – Это что за консервная банка?

– Чёрт его знает, но мне это не нравится. Видишь, что у них на лицах?

– Платки. Значит, времени у нас ещё меньше, раз они эту гору металла с собой притаранили. – почесал бороду Пугач и проверил заткнутый за пояс пистолет.

– Верни нашему другу револьвер. Если начнётся заварушка, то он нам сильно понадобится. Сам пока дуй к машинисту и очень убедительно попроси его быстрее двигаться.

– Есть, командир! – шутливо отдал честь рыжий и удалился исполнять приказ.

Тритон прикрыл дверцу, но продолжил наблюдать через вставленное в неё стекло. Бронированное создание, громыхая сталью прошло куда-то вглубь павильона, выйдя из поля зрения, пока один из чёрных бойцов подозвал находящихся в здании треугольных и разделив их, направил в сторону разных составов.

Тритон выматерился внутри, но остался стоять на месте, лишь положив руку на кобуру. Он видел, как четыре человека трусцой бегут к заднему вагону состава, где он и находился. Билетер напугано посмотрел на солдат и что-то зплепетал, тыча пальцем на дверь вагона. Солдаты побежали к нему на ходу срывая с плеч оружие и что-то крича. Из-за двери и работающего двигателя поезда Тритон не мог разобрать. Единственное, что она понял, так это то, что указывают на него. Вскинув пистолет, он несколько раз выстрелил сквозь дверь, особо не целясь и желая лишь отогнать треугольных. Заглушая выстрелы, зазвучал гудок и паровоз дёрнулся, отправляясь в путь. Тритон не ожидал этого и чуть не рухнул на пол, лишь чудом вцепившись в деревянный поручень в коридоре вагона.

Где-то в вагонах завизжали девушки, а затем послышались хлопки револьвера. Тритон подбежал к купе, где были расположена семья Пугача и увидел, как Борисович отстреливался от напиряющий к вагону треугольных.

Над ухом тритона провизжала пуля, чуть не отстрелив его и Тритон камнем рухнул вниз, накрывая голову руками. Подпрыгнув на ноги, он выглянул из разбитого окна вагона и направив револьвер в сторону странного существа, выстрелил. Тяжёлая револьверная пуля ударила шлем бронированного солдата и взвизгнув отлетела в сторону так, будто она была не из свинца с стальным сердечником, а их сухого гороха. Существо подняло руку с пулемётом и рой стальных, разъярённых пчёл устремился к вагону. Они врезались в его деревянные стенки, превращая весь верх вагона в пыль. Пули визжали над головой, а Тритон лежала на спине, перезаряжая револьвер. Из купе к нему выполз Виктор Борисович, сжимающий в ладони револьвер.

– Не уйдём! Паравоз слишком долго разгоняется!

– Знаю! – перекрикивая рёв пулемёта, ответил Тритон, – Я хрен знает, кто ты на самом деле такой и какие у тебя цели, но учти, что даже на том свете я тебя там достану!

С этими словами всадник открыл дверь и рывком выпрыгнул наружу, перелетев через железные перила вагона. Приземлившись на рельсы, Мужчина больно кувыркнулся, отбивая спину о шпалы. Пули зазвенели о сталь рельс, сопровождая его искрами от удара свинец о сталь. Поднявшись на ноги, Тритон вскинул револьвер. Рукоять ударила в ладонь, а пуля вышибла мозг одного из треугольный, что судорожно старался затолкнуть патроны в винтовку. Тритон запрыгнул обратно на пирон и сломя голову побежал к брониро-

ванному солдату, который пытался развернуться в сторону шрамированного. Очередь ударила под ноги бегущего мужчины, чуть не оторвав ему стопу. Тритон прыгнул вверх и поднял руку в сторону стреляющего бойца. Сгусток энергии ударил в тело бронированного человека, роняя его на плитку, которая растрескалась под его много центнеровой фигурой. Существо не отпустило гашетку пулемёта, из-за чего дорожка пуль сначала ударила по вагону, а затем выбила длинную линию попаданий по кирпичной стене, осыпавшейся красной крошкой. Стрельба ушла дальше и попала в стеклянную крышу, что взорвалась миллионами осколков. Тритон рухнул спиной на пол, чувствуя адскую боль в руке, что вновь покрылась паутиной чёрных вен. Не смотря на сильнейшую боль, он перевернулся на спину, закрываясь плащом. Осколки стекла осыпались на него, и Андрей сразу же вскочил на ноги, запрыгивая сверху на броню существа и просовывая ствол револьвера в прямоугольную щель шлема. Выстрел прозвучал оглушительно, и выпущенная пуля засвистела внутри шлема, отражаясь внутри от его стенок. От головы бойца ничего не осталась лишь каша и Тритон отпрыгнул в сторону, уходя с линии выстрелов.

Тритон успел скинуть револьвер и сразить ещё одного чёрно-красного бойца выстрелом в шею. В следующий раз выстрелить он не успел, ведь револьвер выбило попавшей в него пулей, с хрустом сломав указательный палец. Мужчина, преодолевая боль вновь сконцентрировал энергию в своей

левой руке, но выплеснуть её не успел, ведь мир пред его глазами померк.

Очнулся он уже в какой-то комнате два на два метра. Серые стены были вылиты из бетона и единственное, что могло выделяться, так это металлическая дверь прямо перед его лицом. Тритон пошевелил пальцами и понял, что указательный уже восстановился, а это значит, что в отключке он был уже несколько часов. Осмотревшись, он понял, что сидит на деревянном стуле, прикованный к нему наручниками. В рту было сухо, словно он побывал в пылевых бурях восточных степей в которых он немало успел повоевать с конными налётчиками, любимым делом которого являлись налёты на пастбища подчинённых Империи народов. К удивлению пленного, голова не болела и была довольно ясной, а потому приходилось думать над тем, как быстрее выбраться из ситуации.

Стальные наручники были не такой большой проблемой. Тритон как можно сильнее и дёрнул левой рукой. Наручники стесали кожу с руки мужчины, и он еле сдержал стон боли, чувствуя, как вылетает большой палец. Двинув плечами, шрамированный посмотрел на наручники, что до сих пор держали в заключении его правую руку. Одно из звеньев цепи уже затронула ржа, а потому мужчина усмехнулся. Мужчина дёрнул руками в стороны и проржавевшее звено разлетелось, оставляя на правом запястье одинокий браслет. Ноги получилось развязать быстро, и Тритон немного прошёлся

по этой небольшой комнатке, разминая затёкшие ноги. Тем не менее, он вернулся обратно на стул и принял положение в котором находился до этого. Это было единственным решением ситуации, ведь выход был только один – через стальную дверь и единственное, на что мог понадеяться бывший штурмовик, так это на то, что его пленители будут глупыми остолопами.

Просидел он так недолго. Вскоро дверь со скрипом открылась и в её проёме показался человек. Это был мужчина сорока лет с темными, цвета пороха волосами, которые были зачесаны гребнем назад.

– Ты уже выбрался? – хмыкнул мужчина, оправляя полы своей стеганой куртки, – Я же говорил им, что, либо надо наручники нормальные использовать, либо вообще тебя не сковывать, но они же умные! – посетитель сокрушённо покачал головой, оправляя полы зелёной стёганой куртки, – Пошли, объясню тебе ситуацию! – мужчина махнул рукой и блеснув пряжкой, пошёл вглубь коридора.

Тритон встал на ноги, хрустнув бетонной крошкой под подошвами и отправился за пришельцем, который медленно шёл по бетонной кишке. В стенах, справа и слева, торчали точно такие же глухие железные двери. Было холодно и Тритон почувствовал, как по его голой коже пробежала дрожь. Тем не менее, шли они недолго и вскоре поднялись по винтовой лестнице вверх. Пройдя ещё один коридорчик, они свернули направо и раскрыв деревянную дверь, оказались в до-

вольно приличной комнате. Посреди комнаты стоял спаянный из стальных листов стол, несколько шкафов, крашенных в цвет хаки, пары военных ящиков и большой карты.

– Садись. – мужчина указал на стул, а сам полез в шкаф и вытащил оттуда стопку вещей, которую и положил перед Тритоном, – Думаю, ты абсолютно не понимаешь, что происходит? Чтож, это весьма закономерно. По-хорошему тебя надо повесить за то, что ты препятствуешь прогрессу и за потерю уже целого отделения солдат, но мне удалось этому воспрепятствовать. – мужчина встал, сбросил стеганую куртку с плеч и засучив рукава подошёл к карте за своей спиной. На ней четко угадывались контуры Империи, – Понимаете, о чем я?

Прежде чем ответить, Тритон присмотрелся к слегка пожелтевшему полотну карты. На юго-западе угадывалось мятежное княжество Латрон, губернатор которого, почувствовав слабость своего властелина, поднял восстание и уже несколько месяцев успешно держал оборону от сил армии Треугольных. Это было неудивительно, ведь границы Латрона и Империи были усеяны горными пиками, что не дают развернуть множество паротронов на линии соприкосновения. К тому же, многие прославленные офицеры, после смерти Императора и его главных наследников, покинули свои посты, а без них боевой дух солдат значительно упал. Помимо очерченной красным карандашом границы, карта во многих местах была истыкана разноцветными флажками,

которые, видимо, означали расположения войск.

– Абсолютно не понимаю, о чем ты. – применив всю свою артистичность, покачал головой Тритон, всё ещё не отрывая глаз от карты.

– Ваши друзья и княжна отправились сюда. – палец военного указал на восток страны, что был усеян множеством синих флажков, – Здесь генерал Виваевский собирает лояльные Короне силы. К тому же, как вам уже должно быть известно, при нём малолетний сын погибшего императора Пётр, который до этого момента считался безвременно почившим. И ты, бывший солдат своей страны, помог второму наследнику сбежать из столицы. Молодец, дерзко поступили с Тенью. Мы уже отправили за ними бронепоезд, но я не уверен, что они успеют. Всё же, прошло уже несколько часов.

– Слушай, тругольник, ты не похож на глашатая, так что давай уже короче. Что ты хочешь и почему ты решил, что я тебе помогу? Да и кто ты такой?

– Как минимум ты не в том положении, чтобы мне отказывать, да и я уже знаю зачем ты прибыл в столицу. Месть дело важное? Правильно? – мужчина взял тетрадь со стола и что-то там записав, представился, – Полковник Курпатов. 105-ый инженерный полк.

– Ты хочешь мне предложить обмен? Моя помощь в обмен на убийцу моей матери? Ты уже второй человек, который за последнюю неделю предлагает мне это.

– Это было ожидаемо. – Курпатов кивнул и достал из кар-

мана свёрнутый в восемь раз лист. На нём оказалось знакомое лицо, от которого боль в незажившем плече вновь усилилась, – Кому будет проще найти обычного гражданского: государству или одной Тени? Одно твоё согласие и в течении пары суток он будет у нас в застенках. От тебя нам нужны только княгиня Анастасия и наследник Пётр, желательно в хорошем состоянии. К тому же... – Курпатов сощурил глаза и бросив на стол листок с фотороботом, шагнул к порогу, – а, впрочем, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Тритон заинтересовался и поднявшись, проследовал за полковником. В званиях они были не так далеки, но бывший штурмовик явственно чувствовал в Курпатове какую-то природную способность командовать, кою не смог ощутить в себе за всё то время, сколько командовал своим полком. В голове сразу вспыхнуло воспоминание о последнем его бое, который кровавой засечкой осталось в голове.

Курпатов шёл быстро, и Тритон двинулся за ним, быстро передвигаясь на своих длинных ногах. Они немного поплутали по бетонным коридорам и спустя несколько минут вышли в большой полуцилиндрический ангар, по которому тут и там сновали люди, одетые в однотипные коричневые комбинезоны, перетаскивая различные ящики, инструменты и бочки. Ангар был похож на нестандартный муравейник, среди которого не было того порядка, которым так славились эти маленькие работяги. Курпатов и Тритон поднялись по сваренной из арматуры лестницы, оказавшись на высоте

второго этажа. Бывший штурмовик окинул взглядом внутренности ангара и его брови стремительно поползли вверх. Ангар был наполнен десятками, если не сотнями коробчатых машин, блестящих своими отшлифованными бортами. Их тела чем-то напоминали большие бочки, обвитые змеями труб, с небольшими полусферами кабин, выглядывающих сверху корпуса. Покатые корпуса стояли на большой, чёрных, рифлёных колёсах, диаметр которых был лишь немногим меньше роста самого Тритона. Глаз, оточенный во множестве боёв сразу стал искать хоть одно орудие, но таковых не оказалось и стало понятно, что эти устройства были не военного происхождения.

– Это не паатроны. – помотал головой Тритон, пытаясь подсчитать тела странных устройств, возле которых копошились коричневые механики.

– Это паратроны, но не такие, какие ты привык видеть. Это называется трактор. Эти устройства не для войны, а для земли, ну а если быть точнее, то для её возделывания. Странно, что на нашем вооружении не одна сотня стальных махин для войны, но как-то не догадались переделать их для крестьян.

Тритон кивнул сам себе. И вправду, на полях войн он видел мощь паратронов, что сносили своими телами дома, переворачивали вагоны паравозов и мощью орудий превращали в пыль целые города, оставляя после себе лишь тяжёлый дух смерти и разрушений, который глубоко въедался в зем-

лю. Вот эту мощь, да обратить в правильное русло...

– Вижу, что огонь в глазах загорелся. Ты же сам из крестьян, так что знаешь, как долго и тяжело пахать землю на лошади. Теперь ты должен понимать, что далеко не все из треугольных грезят о мировой революции во славу великого прогресса. Нам бы сначала свою страну поднять. Мы не за революцию. Мы за народ! – Курпатов закатал рукав рубахи и взметнул сжатый кулак вверх, – Сила революции не в новых технологиях и точной винтовке, но в народе, который сыт, одет и обут! Именно на силе труда рабочих и крестьян мы возвысим этот мир на пьедестал величия.

Тритон всмотрелся в худощавое лицо полковника. Он знал его меньше часа, но почему-то верил этому человеку, прожившему уже более полувека. Глаза Курпатова горели огнём, и бывший штурмовик понял за кем поднялись многие рабочие, крестьяне и военные. Они поднимались за такими людьми, которые истово верили в свою идею, которые полыхали ею и готовы были положить всё для её достижения. Поняв это, Тритон опёрся на железные перила, вновь окинул взглядом сотни тракторов и едва уловимо улыбнулся уголками губ.

Паровоз мерно стучал о стыки рельс, неся состав на восток страны. Мужчина сидел, смотря в окно и осторожно отпивал из гранёного стакана крепкий чай, который янтарной амброзией проникал в пищевод. За окном проносился тёмно-зелёный, древний, еловый лес. Неожиданно из леса

показалась косуля, заинтересовано провожающая взглядом окутанную паром машину. Мужчина двинул плечом и отставил стакан, после чего поднял лежащую на столешнице газету, которую он купил на прошлом полустанке. Развернув её, мужчина сразу зацепился взглядом за заголовок «Трудовая Сансара». Мужчина, поведя плечом, вчитался в хорошо отпечатанные на желтоватой бумаге строки «Неужели новое правительство прогрессивистов не может решить старые проблемы? Правительство «треугольников» не смогло быстро решить проблемы трудящихся, из-за чего работники столичного Артиллерийского, Краснокирпичного, Кожевенного, Прядильного и Трубного заводов объявили стачку и забаррикадировались на своих предприятиях, требуя выплаты за их труд от правительства. Количество присоединившихся к стачке заводчан исчисляется несколькими тысячами. По сообщениям местных жителей, среди заводских рабочих были замечены вооружённые люди. Администрация столицы сообщила о том, что к заводам выдвигается отряд революционной гвардии для оцепления территории.»

Прочитав эту статью, Тритон покивал, ощущая, что ситуация у треугольных может выйти из-под контроля и очень быстро. Раздумывая, Тритон перевернул страницу и наткнулся на ещё одну статью под слоганом «На столицу идёт голод»: «Крестьянские хозяйства не желают продавать свою продукцию по предложенным ценам. Это может привести к подорожанию цен на продовольствие в городах, а в худшем

случае к голоду. Правительству нужно срочно предпринять какие-то меры, чтобы сохранить свою власть.»

За прочтением, Тритон и не заметил, как в купе к нему вошёл какой-то мужчина. Бывший штурмовик убрал газету и посмотрел на попутчика. Это был невысокий мужичок, покрасневшийся не то от наступившей теплоты, не то от напряжения. Он снял полный вещмешок с плеч и расстегнул ворот красной в белый горошек рубашки. Обмахнув себя восьмиклинкой от жары, он утёр полное лицо с двухдневной щетиной, после чего развязал свой вещмешок и вытащил из него полулитровую стеклянную бутылку, наполненную какой-то мутной жидкостью, а затем и завернутую в обёрточную бумагу палку копчённой колбасы.

– Что в газетах пишут, барин? – спросил мужчина, шурша упаковкой и ловко нарезая колбасу засапожным ножом.

– Пишут, что наступают не самые лёгкие времена для нашей страны. – Тритон отложил газету в сторону и вновь отпил чай, наблюдая за собеседником.

– А что же случилось?

– Держите газету. Я человек военный и не смогу передать во всех красках все новости.

– Нет, барин, я читать не умею. – покачал головой мужчина, как бы виновато улыбаясь при этом.

– Заводчане бунтуют и крестьяне не согласны с ценами. От чего читать не умеешь, дружище? Три класса образования оплачивались государством.

– Куда мне? Времени учиться вообще нет – нужно землю возделывать. – мужчина вытащил из кармана своего шерстяного жилета пару складных стаканчиков и протянул один из них Тритону, но получив отказ, согласно кивнул, – Понимаю. За здоровую жизнь?

– Пьяным стрелять сложно, и реакция притупляется. – помотал головой, откидываясь к стенке.

Собеседник что-то говорил, а Тритон медленно засыпал под монолог постепенно пьянеющего мужика, который, меньше чем за пол часа, успел рассказать о своей позиции по происходящему в стране, собственной работе в гончарной мастерской и успел затронуть своих ближайших родственников, на чём свет стоит, ругая свою тещу, которой всегда и всё не нравится. Мужика не смущало, что его собеседник лишь иногда отвечает односложными репликами, и он продолжал рассказывать, смачивая горло самогоном и несколько не стесняясь в выражениях. Это действовало на сердце Тритона, как бальзам. Он любил простоту характера жителей провинции, которые были всегда открыты для людей и всегда готовы были помочь нуждающимся. Слушая речь мужичка, Тритон улыбался сквозь дрему, как резко состав начал тормозить. Тормоза истерически завизжали, недопитая бутылка самогона с треском рухнула на пол, разливая остатки питья на пол купе, где-то в вагонах послышался испуганный крик, дополняя какофонию звуков. Тритон вцепился обеими руками в столешницу, стараясь не свалиться с сиде-

ния и смотрел на изумлённого попутчика, что не отпускал из руки бутерброд и держал за лямку свой вещмешок. Наконец, состав остановился, и Тритон посмотрел в окно, пытаясь высмотреть причину остановки, но ничего там не обнаружил из-за того, что их вагон был посередине состава.

– Сиди тут. – отдав приказ, Тритон вышел в коридор.

Туда уже потихоньку стали выходить и другие пассажиры. Они переговаривались, пытаясь выяснить причину остановки, а бывший штурмовик направился к переходу. Тритон быстрым шагом проходил вагон за вагоном. В каждом из них ситуация была примерно одинаковой: люди с негодованием переговаривались, вызывая проводниц, которые сами не осознавали происходящего. Распихивая пассажиров под их неодобрительные возгласы, он быстро добрался до головного вагона и затарабанил кулаком по железной двери. Никто не собирался открывать дверь, а потому, выругавшись, он вернулся в тамбур и открыв дверь, соскочил на усыпанную щебнем железную дорогу. Обойдя паровоз, он увидел несколько лежащих на путях берёзовых стволов. Они явно оказались там не просто так, ведь дорога шла по насыпи, да и стволы были явно срублены топором.

Не успел Тритон подумать над происходящим, как из леса снизу насыпи выбежали несколько вооружённых разномастным оружием мужчин, которые что-то друг другу кричали. Тритон не успел выхватить оружие, как особо меткий налётчик выстрелил, и пуля взвизгнула о рельсу рядом с ногой

бывшего штурмовика. Он остался стоять на месте, не убирая рук из карманов.

– Попал... – прошептал одними губами Тритон, считая количество выбежавших по обоим сторонам насыпи налётчиков.

Один... Три... Семь... Пятнадцать... Два десятка бандита взбежали на насыпь и ворвались в вагоны поезда. Двое из них подошли к стоящему перед локомотиву Тритону, держа его на прицеле. Сам он лучше рассмотрел налётчиков и понял, что это далеко не регулярные части войск, что остановили поезд с какой-то политической целью. Сваленная борода, побитый жизнью ватник, рабочие штаны и поцарапанная винтовка делали его похожим на повстанца. Второй налётчик был одет в зелёный солдатский мундир, заштопанный в нескольких местах грубым мужским швом и шерстяные шаровары и в руках он держал обрез двуствольного охотничьего ружья, но бороды не имел, наличествуя лишь пшеничного цвета усами.

– Вот нам везёт! Да, Вано?! – хмыкнул усатый мужчина, тыча обрезом в живот молчаливого Тритона, – Второй паровоз меньше чем за неделю!

Тритон нахмурился и отпустил рукоять лежащего в кармане выкидного стилета. Именно по этой же дороге должен был двигаться состав с семьёй Пугача, Тенью и княгиней Анной. Могли ли оборванцы с оружием захватить и тот паровоз? Вполне могли, если успели взять врасплох находящихся

внутри бойцов. Всё же, два десятка мало-мальски обученных бойцов под руководством грамотного офицера могли стать немалой силой, способной взять даже пару обученных бойцов.

– Ага, хорошо барыша мы подняли. – хмыкнул бородач, смотря глубоко утопленными глазами в лицо Тритона, – Ты кто такой будешь?

– Рабочий я. Слесарь. – ответил бывший штурмовик, не вынимая рук из карманов.

Бородач прищурился и толчком приклада винтовки погнал Тритона к головному вагону, подле которого собрались уже множество пассажиров поезда, стоящие под прицелами налётчиков. Тритона толкнули в толпу, и он смиренно встал между людьми, рассматривая странных бандитов. Тритон давно знал о том, что в лесах Востока разбойничают железнодорожные бандиты, перед одной из которых он и стоял.

Один из бандитов снял с плеча вещмешок и раскрыв его, стал ходить около толпы людей, требуя снимать все украшения, часы и кошельки, которые вскоре оказывались внутри быстро полнеющего мешка. Тритону тоже пришлось отдать свой кошелёк, наполненный несколькими золотыми червонцами. Бандит, ощерившись гнилыми зубами, отошёл и Тритон прислушался к разговору двух стоящих в стороне налётчиков, куривших отнятые у одного из пассажиров сигареты. Одним из них был уже знакомый бородачатый бандит в ватнике.

– Чё с Лёхой делать будем? Его эта стерва ранила, и он лёжнем лежит. Ему если рану нормально не зашить, то недолго ему осталось. Может его пристрелить, чтобы не мучился? – пыхнув облаком дыма, спросил один из бандитов.

– У тебя совсем крышу снесло, когда тот рыжий тебе в челюсть двинул? – бородач нахмурился, сжимая зубами сигарету, – Он мне брат двоюродный, а ты его застрелить предлагаешь, как кобылу хромоногую?! Может мне лучше тебя застрелить?! – он потянулся к висящей на плече винтовке.

– Ты чего, Кислый?! Я же в интересах ватаги!

Тритон задумался. Если предыдущий состав, который ограбили эти налётчики был тем, на котором двигались его знакомые, то обязательно нужно было проверить их убежище, но если он ошибался, то отстанет от них на несколько дней, что может стать фатальной ошибкой. Тем не менее, беспокойство о жизни друга вынудило рискнуть бывшего штурмовика.

– Я на войне был санитаром. Могу помочь вашему другу! – выкрикнул Тритон, привлекая внимание налётчиков.

Бородач повернулся и медленно подошёл к Тритону, – Уверен?

Тритон кивнул, – Да, в составе в комнатах проводниц должны быть аптечки. Там должно быть всё для того, чтобы вылечить вашего друга.

Подумав пару секунд, Кислый крикнул одному из налётчиков, копошащихся в вагоне, – Принесите мне все долбан-

ные аптечки! У нас тут коновал заявился.

Примерно через час, налётчики очистили состав от всего, что могло оказаться им полезным, после чего, нагрузив свои рюкзаки, быстро ретировались, не забыв забрать и Тритона, который решил дождаться прибытия в лагерь и не выдавать наличие полуавтоматического пистолета в натальной кобуре. Поставили его практически в конце растянувшейся колонны, где всего один налётчик, который внаглую всучил Тритону свой забитый до отказа рюкзак. Весь отряд налётчиков двигался по густому восточному лесу, плутая по каким-то одним известным единственному проводнику тропам. Шли они несколько часов по не самым приветливым землям, отчего некоторые из бандитов уже начали выдыхаться, сыпля прокуренными лёгкими. Тем не менее, спустя несколько часов, весь отряд добрался до лагеря налётчиков. Их лагерь, вопреки представлениям Тритона, оказался намного более основательным. Вместо жалких шатров и палаток, оказалась основательная лесная база. Большая поляна была огорожена частоколом, сложенным из заострённых жердей. Такая преграда навряд ли могла служить хоть какой-то вменяемой преградой для людей, но вполне могла защитить от большинства опасных животных восточных лесов. Войдя внутрь лагеря, бывший штурмовик обнаружил внутри несколько землянок, крытую мастерскую и даже летнюю кухню за которой стоял худой словно жердь налётчик, что-то нарезающий за столом. Ухо услышало тарахтение парогенератора, который

снабжал энергией станки в мастерской.

– Жердяй, там мой брательник ещё не откинулся? – только войдя в лагерь, бородатый главарь отряда окликнул готовящего парня.

– Нет. – воткнув нож в доску, ответил тот, – Лежит и стонет, как баба на сенокосе. Пару дней и он от раны точно померёт.

– Хрен там. Я тут доктора нашёл. – главарь толкнул Тритон в спину, – Проведи его в землянку. Если брату лучше завтра не станет, то пристрели его и за стену.

Жердяй кивнул и огладив козлиную бороду, махнул рукой бывшему штурмовику. Его, под прицелом револьвера, провели внутрь одной из землянки, где лежал брат главаря. Распахнув дверь, Тритон оказался внутри небольшой комнаты четыре на три метра, освещаемой единственной висящей на потолке газовой лампой. В углу на топчане, скрюченный в три погибели, лежал молодой парень, который лишь недавно переступил порог взросления. Он не раскрывал глаз, корчась от боли в простреленной ноге. Бинт, намотанный чуть ниже левого колена, уже побурел от запёкшейся крови.

– Вот этого доходягу и нужно спасти. – ткнул в сторону лежащего парня стволом револьвера, – Вот твоя аптечка. – налётчик кинул деревянный ящичек прямо в руки Тритона.

– Алкоголь нужен. Водка, шнапс, самогон – всё что из крепкого есть. – раскрыв ящичек, приказал Тритон, размазывая бинт раненного парня.

– На кой? – ковыряя в зубах ногтем, спросил Жердьяй.

– Приборы прочистить, да и ему в глотку залить, что бы от боли не окочурился.

– Жди. – налётчик, пригибаясь под низким потолком, вышел за дверь.

Тритон быстро размотал запёкшийся бинт и вытащив стilet из кармана, легко надавил лезвием клинка на рану. Раненный налётчик тут же взвыл от боли, но Тритон заткнул ему рот ладонью.

– Если жить хочешь, то отвечай быстро и чётко. – бывший штурмовик сильнее надавил ножом в ране, – Если «да», то моргни один раз, если «нет», то два раза. Понял? – увидев, как веки парня закрылись один раз, продолжил, – Вы взяли шестерых? – парень два раза моргнул, – Пятерых? – моргнул один раз, – Один мужчина и четыре девушки? – парень моргнул один раз, – Где старик?

Добыть всю нужную ему информацию Тритон не смог. Позади послышались шаги по лёгким ступеням, после чего внутрь землянки вошёл Жердьяй, держащий бутылку, похожую на ту, что распивал попутчик в вагоне поезда.

– Держи. – худой налётчик протянул бутылку.

Тритон забрал её и принялся за работу. Он понимал, что сейчас ему придётся помочь налётчик, ведь навряд-ли успеет убить второго налётчика, прежде чем получит пулю прямоком в его короткостриженный затылок. Именно поэтому он облил самогоном сначала инструменты, а затем и края ра-

ны налётчика. Тот взвыл от боли, но Тритон рукой прижал его обратно к топчану. Затем он достал узкий нож из аптечки и раскроил штанину выше рана, после чего заставил раненного налётчика, не отрываясь от горла высушить бутылку. Налётчик просто выключился от лошадиной доли алкоголя. Тритон разрезал рану, сделав её чуть длиннее, после чего двумя пальцами залез в рану. Раненный что-то ворчал, дёргая головой, но Тритон продолжал искать застрявшую в ноге пулю, чувствуя горячую кровь. Неожиданно он почувствовал слегка сплюснутый шарик и медленно вытащил его из раны. Отбросив кусочек свинца, Тритон взял иглу с нитью из жил какого-то животного. Десятки, сотни, тысячи лет прошли с появления человечества, но прогресс так и не смог даровать хоть чего-то более приемлемого и эффективного, чем такие нити. Закончив зашивать рану, Тритон обтёр руки о кусок ткани, стараясь стереть кровь налётчика.

– Пулю я вытащил. Теперь помереть не должен. – сказал Тритон, отбрасывая окровавленную тряпку.

– Тогда пошли. – Жердьяй мотнул револьвером, указывая стволом на выход.

Тритону пришлось подчиниться. Он прекрасно осознавал риск и приходилось на ходу выдумывать план по освобождению. Свой пистолет пришлось скинуть в лесу, когда его единственный надзиратель отвернулся по нужде. Однако прошедшие бои научили бывшего штурмовика держать один пистолет про запас. В рукаве он держал так называ-

емый «дамский пистолет» – двуствольный пистолет, имеющий довольно малый калибр, способный поразить противника с расстояния лишь в пару метров. Именно на это слабое оружие он и делал ставку. Кто бы не оказались пленниками, но выбираться придётся в любом случае, а потому Тритон рассчитывал, как можно быстрее заполучить оружие, а затем прорываться изнутри лагеря.

Под прицелом револьвера бывшего штурмовика провели в другую землянку, стоящую метрах в пяти от той, где лежал раненный налётчик. Внутри оказалось темно, и Тритон практически на ощупь спустился вниз. Дверь сверху захлопнулась, и бывший штурмовик раскрыл левый глаз, который держал до того закрытым, что позволило ему видеть в темноте землянки.

– Пугач, ты тут? – тихо позвал Тритон, вынимая из рукава миниатюрный пистолет.

– Тритон, это ты?! – из тьмы послышался удивлённый басистый голос.

– Вы все тут? – Тритон осмотрел землянку и увидел пять сидящих у стены человек.

– Нет. Старик сбежать успел. – даже в темноте было видно, как Пугач замотал головой, и его рыжая борода заколыхалась.

– Этот не пропадёт. С княгиней что?

– Я тут. – послышался дрожащий голос княгини из угла помещения.

Тритон покивал сам себе в темноте и вытряхнул из рукава свой пистолет. Всего два выстрела мог сделать он, чтобы достать более вменяемое оружие. Но как выбиваться изнутри этого лагеря? В лагере как минимум два десятка бойцов, а из умеющих обращаться с оружием у Тритона был только он сам и Пугач.

– У вас все идти могут? Желательно даже бежать. – Тритон встал у двери и приготовился действовать, – Через десять минут будем пробиваться как в старые добрые. Да, Пугач?

– Мы все готовы. – кивнул в темноте Пугач, поднимаясь во весь свой великий рост.

Тритон выждал несколько минут, пока женщины придут в себя и будут готовы выступить. Сжав ладонь в кулак, он забарабанил рукоятью стилета по двери. Несколько минут ничего не происходило, но затем, матерясь, кто-то стал спускаться вниз. Тритон перехватил нож удобнее и в этот же момент дверь распахнулась. Внутрь заглянуло тощее лицо Жердяя, а затем ввалился и он сам, пьяно переставляя ноги. Налётчик хотел было что-то сказать и даже успел набрать в лёгкие воздух, но на улице раздался громкий хлопок и долговязый повернулся к лестнице наверх, но тут же ощутил в себе лишний кусок закалённой стали, оказавшейся между его рёбер, а затем и в самом сердце. Тритон выдернул нож, на пол хлынула кровь, разливаясь там багровой лужей, а затем в неё упал Жердяй, успевший испустить дух.

– Лови! – Тритон кинул Пугачу отнятый у налетчика револьвер и первым ринулся по лестнице вверх.

На улице ночную тьму раздвигала горящая крыша мастерской. Вокруг неё суетились пьяные налётчики, пытаясь ведрами потушить свою мастерскую. В свете огня было видно, что не вся банда озаботилась тушением своей базы. Над ухом Тритона просвистел рой дроби, вгрызшейся в бревно позади него. Пьяный бандит пытался переломить своё однозарядное ружьё трясущимися от волнения и алкоголя руками. До него было метра три и Тритон метнул в него стилет. Бандит успел защёлкнуть своё оружие, но выстрела не последовало, ведь брошенный стилет врезался в его ключицу. Бывший штурмовик, под разъярённые крики налётчиков, в пару прыжков настиг стрелявшего и впечатав в его подбородок свой пистолет, нажал на спуск. Маленькая пуля мгновенно выскочила с другой стороны черепа бандита, после чего тот осел на землю, выронив своё ружьё. Тритон вырвал оружие из рук мёртвого налётчика и услышал, как за его спиной захлопал револьвер Пугача. Столпившиеся у мастерской бандиты стали что-то понимать и развернулись в сторону стрельбы и Тритон вскинул ружьё, целясь в толпу. До неё было метров пятнадцать – левая дистанция для дроби и бывший штурмовик выстрелил. Облако свинцовых шариков осыпало удивлённых налётчиков, сразив двоих наповал.

– Надо валить! – крикнул Пугач, навскидку стреляя по отлично видимым на фоне огня целям, – Нас тут прижмут,

как мух!

Тритон рухнул на землю и почувствовал, как рвануло бок. Боли не было, но он ясно понимал – ранен. Его спасла тьма, но от следующего выстрела смог сберечь бы только случай и лежащее перед ним мёртвое тело. Мужчина аккуратно вытянул странный пистолет из кобуры мёртвого стрелка. Осмотрев его в полумраке ночи, Тритон оттянул назад цилиндрический затвор, досылая патрон в патронник. Бывший штурмовик коснулся своего бока и ощутил, как пальцы покрывала горячая и липкая кровь. Сжав зубы от наступающей боли, Тритон вскочил на ноги и рванул в сторону землянки. Пули задолбили под ногами бегущего человека, выбивая чёрные в ночи земляные фонтанчики. Тритон с разбегу прыгнул под покрытие землянки и почувствовал, как в глазах потемнело от остро ударившей в бок боли. Упав на траву, Тритон прокусил губу и почувствовал вкус железа во рту, моментально пришёл в себя. Встав на ноги, он пошёл вдоль стены лагеря, прикрываясь тенью от забора. Уже во всю горела перестрелка, пока Тритон обходил налётчиков со стороны. Оббежав половину лагеря, Тритон залёг за одной из землянок и прицелился в налётчика. Прежде чем он успел нажать на спуск, из леса раздался громкий щелчок. По звуку он понял, что это винтовка отечественного образца, вот только по поведению стало понятно, что стреляет далеко не налётчики. Бандиты залегли, вращая головами, пытаясь обнаружить стрелка.

Тритон понял, что ситуация резко изменилась. Не смот-

ря на численное превосходство, налётчики сами оказались в окружении. Неизвестный стрелок прижал налётчиков к горячей мастерской. Один из особо решительных попытался рвануться в сторону выхода, но вновь щёлкнула винтовка и он, подкошенный тяжёлой винтовочной пулей, рухнул на землю.

– Сдавайтесь, черти! – крикнул Тритон, выцеливая голову одного из налётчиков, который укрылся за бочкой, наполненной водой.

– Ты чё, облаву на нас собрал, мразь?! – басовито крикнул бородач, навскидку стреляя в сторону Тритона.

– Вас уродов мочить надо! – пригнувшись от проскочившей левее пули, бывший штурмовик выстрелил по силуэту одного из налётчиков и набрав воздух в лёгкие, крикнул, – Стреляй, старик!

Тень принял команду и сразу же защёлкала винтовка, лишая жизни налётчиков. Тритон поддержал стрелка огнём. Налётчики пытались дёрнуться хоть в какую-то сторону, но Пугач, Тритон и скрытый лесом старик, стрельбой не позволяли им двинуться с места. В один момент перед лесом поднялся кусок какой-то ткани, навязанный на ложе винтовки.

– Сложите оружие и по одному с поднятыми руками!

Налётчики понесли потери и из своих укрытий вышло всего несколько налётчиков. В темноте Тритон начитал семь человек, которых на колени поставил вышедший из своего укрытия пугач. Среди них был бородатый главарь, держа-

щийся за простреленную руку. Всего через несколько минут из леса вышел старик, держащий в руках винтовку.

– Ты как нас нашёл? – подойдя к стоящим на коленях налётчиках, спросил он у бывшего штурмовика, протягивая ему ладонь.

– Было бы счастье, да несчастье помогло. – затыкая рану найденным отрезком марли, Тритон пожал руку в ответ.

Пугач вывел свою семью из землянки и подошёл к товарищу, на ходу разматывая ещё один бинт. Наклонившись, он сообщил, что пуля пошла по касательной, на задев органов. Тритон облегчённо выдохнул, понимая, что миновал ещё одну лишнюю дырку в своём теле. Пугач сноровисто перевязал торс друга и подошёл к лежащей куче оружия, которую сбросили налётчики.

– Кто из вас знает дорогу до Ж/Д? – поднявшись на ноги и держась за бок, громко спросил Тритон, обращаясь к стоящим на коленях налётчикам.

– Я знаю! – попытался подняться на ноги один из молодых налётчиков, но тут же получил в пузо прикладом от старика.

– Андрей, у них даже гранаты были! – рыжий отошёл от кучи оружия, уже полностью снаряжённый. В руках у него было ружьё, которое он тут же передал Тритону вместе с патронташем, петли которого были забиты латунным гильзами. На плече же у него был карабин, а на поясе виднелась рукоять револьвера.

Взяв из рук друга обе гранаты, что в народе были прозва-

ны «колотушками», он прошептал другу на ухо, – Пугач, бери своих, принцессу и этого мальчика. У тебя есть двадцать минут – пошеруди по остальным землянкам. Может получится, что съестного найти, а потом идите. Мы вас догоним. Понял? – дождавшись кивка, Тритон перехватил поудобнее ружьё и крикнул, – Всем встать! Малец пойдёт с нами, а остальные гуськом и в присядку в землянку! Быстро!

Налётчики дословно приняли приказ и гуськом, не опуская рук, зашагали в сторону землянки. Старик открыл дверь, и налётчики зашагали вниз. Последним шёл раненный главарь, единственный из них, кто не опустил руки. Тритон не отказал себе в удовольствии пнуть его под зад, из-за чего налётчик кубарем покатился по лестнице.

– И что мы с ними будем делать? – старик повесил винтовку на плечо и снял порванный в нескольких местах пиджак.

– Всё просто. Их нельзя оставлять в живых. – бывший штурмовик выдернул чеки сразу из обоих гранат и легко их метнул их внутрь землянки. Он успел сделать пару шагов, как слитно грохнуло. Дверь сорвало с петель и отнесло волной на пару метров внутрь периметра лагеря.

Тень согласно кивнул, и они пошли за Пугачом и его семейством. Жена и дочери бородача шли спокойно, как будто ничего не произошло. В этом не было ничего странного, ведь они были в семье военного, которого десятки раз за жизнь могли перетаскивать из части в часть в разных уголках Империи. Тем более, что Пугач ещё пару лет оставался в ря-

дах штурмовиков и они явно натерпелись многого. Княгиня шла, постоянно оборачиваясь на угрюмо идущих рядом старика и Тритона. Идти было далеко, да и ранение, пусть и лёгкое, давало о себе знать, а потому вскоре был скомандован привал. Хозяйственный Пугач за то небольшое выделенное время успел набрать два полных вещмешка продуктов и теперь все спокойно ели, расположившись на небольшой поляне. Тритон жевал простые солдатские сухари, спокойно откинувшись головой на ствол берёзы. Ружьё покоилось у него на коленях, направленное в сторону сидящего на корточках налётчика. Он был молот, всего лет семнадцати отроду и явно сильно паниковал. Всего за несколько минут ситуация кардинально переменялась. Лишь недавно он был королём мира, а сейчас пленником у странных людей, которые в скоротечном бою смогли перебить его товарищей. Что с ним будет? Это известно только тому странному человеку с шрамом на щеке.

– Андрей... – к сидящему Тритону подошла княгиня Анастасия. По выражению её лица было понятно, что она сильно устала от перехода, но не показывала этого. Княгиня села рядом и, собравшись с духом, посмотрела прямо в глаза мужчине, – Зачем вы всех там убили?

Вопрос был задан настолько спокойно и уверенно, что Тритон поперхнулся, а затем, глубоко вдохнув, громко рассмеялся в голос. Пугач в непонимающе посмотрел на друга, а пленённый налётчик испуганно вжался в дерево, испуганно

вытаращившись на бывшего штурмовика. Тритон смеялся долго, хлопая себя по коленке ладонью и не стараясь успокоиться. Прошло несколько минут и раненный наконец замолчал и улыбнулся девушке.

– Дорогая моя княгиня, вы, видимо, совсем ничего о жизни простой не знали. – Тритон положил руку на плечо княгини, – Жизнь за пределами императорского несколько сложнее, чем вы думаете. Сейчас, страна практически в войне. Нет крепкой власти, но обычные люди о этом не догадываются. Они думают, что жизнь должна быть спокойной и размеренной, а вот такие люди, как он, – бывший штурмовик указал стволом ружья на испуганного пленника, – паразиты, а не люди. Посмотри на него. Он похож на калеку? – бывший штурмовик поднимается на ноги и вытаскивает из кармана стилет, подходя к сжавшемуся в страхе пленнику, – Вроде бы не похож. Руки на месте. – надавливает лезвием ножа в руку пленнику, который сжимает зубы, пытаясь скрыть страх, – Ноги тоже есть. Дышать же может? – подставляет стилет к горлу бандита, который замер в испуге, стараясь вовсе не дышать, – Почему же он тогда не мог работать, а не грабить простой люд? – делает на горле небольшой разрез из которого сразу алой каплей потекла кровь.

– Прекратите! Я всё поняла... – крикнула княгиня, закрывая лицо ладонями.

Тритон посмотрел на девушку и убрал клинок от ножа молодого бандита. Девушка отбежала к Пугачу, который

неодобрительно смотрел на друга, качая своей рыжебородой головой. Тритон хмыкнул и приказал подниматься. До ближайшего поселения, судя по словам до смерти напуганного проводника, было несколько километров, которые нужно было преодолеть до заката.

Всё ещё было живо в голове одно из самых ярких воспоминаний детства. На востоке мужчин воспитывали воинами с молоком матери и уже в пять лет многие отцы брали своих сыновей на первую охоту. Это не было чем-то выдающимся или страшным, ведь охотились на птицу или мелкого пушного зверька, коими были полны дремучие леса востока. Так было и с самим Тритоном, который в ту пору был просто Андрюшкой. Они с отцом отправились на охоту, надеюсь собрать богатую добычу, из которой мать обещала либо приготовить вкуснящий обед, либо сшить шубку в зависимости от типа добычи. Они с отцом шли по охотничьим тропам, обсуждая военное прошлое отца и деда, подставляя лица весеннему солнышку, которые находило дыры в плотном лесном потолке из зелёных ветвей. На плече маленького Тритона висело детское ружьишко, заряженное мелким патроном. Они шли и шли, но в один момент Тритон услышал какое-то шуршание и в следующий миг уже летел в кусты. Сначала он ничего не понял, но затем, выбравшись из кустов, увидел, как отец лежит на земле, а на нём, тяжело дыша, лежал кабан, который тогда ему казался скалой. Он тогда со страху стянул с плеча болтающиеся ружьишко и выпалил оба патрона

в бок кабана, которые не нанесли ему ощутимого урона, но тогда Тритон этого не понимал. Затем, бросив своё пустое оружие, подбежал к отцу, ужаснувшись бороздами, которые остались от копыт зверя. Оббежав тушу, он увидел отца, которые тоже тяжело дышал, но увидев зарёванное лицо сына, сразу заулыбался и прошептал: "Вот какого зверя ты завалил. Всё мальчишки обзавидуются..." После этих слов он потерял сознание, и Тритон побежал в деревню за помощью, надеясь на то, что отец выживет.

– Ты чего задумался? – прущего вперёд Тритона нагнал Пугач, вынувший его из воспоминаний хлопком по плечу, – Нам пару километров пройти до деревни осталось. А дальше, что делать будем? Какие приказы будут, командир?

– Пугач, мы не на войне, по крайней мере пока что. Так что успокойся и двигай ногами. – Тритон мотнул головой и ускорил шаг.

– Во всяком случае, золотишко я у них забрал, а точнее вернул! – хохотнул бородач, тряся полным кошелём монет и вернулся обратно в конец колонны, приободряя бредущих женщин.

Через несколько часов ухо Тритона уловило знакомый металлический скрежет и через несколько минут отряд вышел из-за лесной стены. Выйдя из-за стволов деревьев, Тритон хотел было облегчённо выдохнуть, но практически копчиком и с закрытыми глазами почувствовал, как в него целятся. Раскрыв глаза, он обнаружил, что в его сторону направлен-

но два десятка винтовок и даже крупнокалиберный пулемет, установленный на спине "Скарабея" – быстрого и небольшого, высотой в человека, паратрона, передвигающегося на шести лапах. По правде говоря, одного пулемёта хватило бы, чтобы одной короткой очередью превратить Тритона и идущего за ним отряда в кашу.

– Капитан штурмового полка Андрей Вратов! – крикнул Тритон, предупреждая малейшее движения хоть одного пальца в сторону спускового крючка.

Выстрела не произошло и наконец Тритон смог осмотреться. Деревня, а точнее разросшаяся железнодорожная станция, ускоренными темпами укреплялась и на взгляд бывшего штурмовика попадались множество чёрно-зеленых мундиров, что сновали по территории с оружием за плечами. Встретившие его стрелки тоже были в подобной форме, которая принадлежала егерским частям, которыми был полон восток. Вот только был вопрос в том, зачем было превращать мирную деревню в лесах в укреплённый пункт.

– А какого черта ты вооружён? А, капитан?! – крикнул какой-то боец, поднимаясь из-за мешков с песком, за которыми он скрывался. Это был довольно стройный и высокий мужчина с молодым лицом и залихвацкими гусарскими усами свинцового цвета.

– Работу вашу делаю, пока вы тут штаны пропёрдываете! – крикнул в ответ Тритон, пихая идущего впереди бандита прикладом между лопаток, – Лагерь рельсовых налёт-

чиков разгромили. Если не верите, то этот молодой вас проведёт. – бывший штурмовик пнул носком сапога упавшего бандита в рёбра, – У них главаря Кислым звали.

– Вы всей семьёй лагерь громили? – молодой егерь сдвинул свою фуражку в бок и почесал затылок, – Ладно, как говоришь зовут тебя?

– Капитан Андрей Вратов. Четвёртый штурмовой полк пятой дивизии третьей армии. Ещё вопросы есть? Мне бы расквартироваться где на денёк.

– Четвёртый штурмовой полк? – егерь нахмурился и через несколько секунд кивнул, – Давайте вы за мной, а женщин сейчас определим.

Женщины собрались в кучку, и Тритон мысленно поблагодарил жену Пугача, которая догадалась повязать платок на голову княгини. Они пошли куда-то за ещё одним молодым егерем, пока Тритон с Пугачом лёгким шагом двинулись за своим новым проводником. Краем глаза бывший штурмовик заметил, как налётчика подняли с земли и под аккомпанементом отборного мата, стали о чём-то расспрашивать. Егерь провёл друзей в довольно большую избу из окна которой шёл слабый свет. Молодой егерь встал у крыльца и жестом пригласил штурмовиков внутрь. Тритон поднялся по деревянным ступеням на крыльцо и вошёл в раскрытую дверь. Пройдя через сени, они оказались в комнате, где за столом под светом газовой лампы сидел немолодой мужчина лет пятидесяти. Росту он был не самого великого, но,

не смотря на возраст, не растерял формы. На его плечах были погоны майора, а на поясе висели ножны с офицерской шашкой. Услышав шаги, мужчина оторвал взгляд от большой тетради, раскрытой на столе и посмотрел на пришельцев. Тритон посмотрел в его квадратное лицо, обезображенное несколькими глубокими шрамами на щеке и подбородке, и тепло улыбнулся, поправив механический монокль на правом глазе.

– Тритон, Пугач, сколько лет, сколько зим! – военный поднялся из-за стола и подошёл к вошедшим, широко расставив.

– И ты не болей, дружище! – пробасил пугач, обнимая старого товарища.

– Вы какими судьбами в этой глуши? – офицер указал ладонью на скамью, – Вам может стол накрыть?

– Не суетись, Лом. – Тритон сел на предложенную скамью и отставил ружьё в сторону, – Мы тут случайно оказались. Наш поезд рельсовые налётчики остановили. Но можешь нам «спасибо» сказать – их лагеря больше нет.

– Узнаю штурмовиков. – Лом хохотнул, – За это вам и вправду спасибо. – офицер коротко поклонился, – А на Восток вам зачем? От центра подальше решили уехать?

– Да, многовато там проблем. Ты мне лучше скажи, на кой ляд вы деревню в чёртов форпост? Да и «Скоробея» пригнали зачем-то.

Офицер прищурился и снял с пояса плоскую, серебряную фляжку. Отвинтив крышку, мужчина приложился к горлыш-

ку и сделал несколько быстрых глотков, поглощая её содержимое. Оторвавшись от напитка, Лом вытянулся и глубоко вдохнув, вновь посмотрел на товарищей.

– Блокпост готовим. Если из центра ржавая чума пойдёт, то нам... Впрочем, вы сами лучше меня знать должны что будет, если так произойдёт, так что пришлось устроить здесь точку.

– Лом, ты хоть не из штурмовиков, но мозги мне делать не пытайся. Врать ты не умел и начинать не стоит. С чумой да, согласен – проблема громадная, но у центра должно хватить сил купировать проблему в границах столицы, если главы не будут сидеть сложа руки. Так что лучше ответь мне на вопрос: зачем здесь «Скоробей» и почему егерскими частями командует офицер от инженерных войск? – Тритон посмотрел в лицо офицера и прищурился, ожидая от него ответа.

Офицер несколько секунд стоял, смиряя взглядом бывшего штурмовика, но кивнув, ответил, – Страна скоро погрузиться в огонь. Прогрессевисты у власти уже год, но так не решили все проблемы. У крестьян как было, так и осталось мало земли, а положение рабочих так и не улучшилось. На столицу идёт голод. Виваевский объявил зов лояльных сил и многие на него откликнулись. В том числе и я. – до того доброе лицо офицера посерьезнело, – Пора вернуть монарха на его законный престол. Мы пытались договориться с центром, но они не стали и слушать. Мы готовимся к войне, Андрей.

Тритон дослушал и хмыкнул. Война. Война на родных землях, между родными друг другу людьми. Это сложно было представить человеку, который всю жизнь воевал с противниками своей Родины. Конечно, где-то на затворках сознания, он понимал, что столкновение неминуемо. Треугольные не смогли удержать коалицию левых сил в своих руках и теперь различные силы готовы были растерзать страну на кусочки. Никто не сидел на месте, просто смотря на ситуацию, а потому слишком много различных сил заимело вооружение, и только самый глупый человек мог подумать, что оно не использует его. И в этом Тритон не мог сидеть сложа руки. Ему нужно было действовать. Бывший капитан посмотрел на сидящего рядом друга и медленно покивал ему.

– Принимай ещё пару бойцов, но для начала нам нужно в ставку. Она где сейчас?

Квадратное лицо Лома вновь расслабилось, и он вновь приложился к своей фляжке в облегчённой улыбке. Утерев губы от капель рубинового алкоголя и довольно икнув, ответил, – Желтоозёрск. Ради таких ветеранов я малый цеппелин из ставки вызову. И спасибо вам за лагерь.

Офицер отсалютовал фляжкой, и штурмовики вышли из избы. Снаружи их уже ждал старик, где-то успевший раздобыть табак и ныне довольно дымящий своей трубкой. Услышав краткий пересказ разговора и дальнейший планов, он удовлетворённо кивнул. Троица в молчании проследовала в дом, давший им приют на этот день. Глава семьи, как ока-

зывалось, раньше долго служил в армии и много наслышан о штурмовиках Тритона, из-за чего посчитал за честь приютить прославленных воинов.

Тритон, под сонное сопенье из стоящий в конюшне лошадей, сел на скамью во дворе и выщелкнул из пачки сигарету. Подпалив её от газовой зажигалки, он глубоко затянул горький дым и посмотрел в небо. Выдохнув, он мысленно попросил прощения у тех треугольных, кого успел убить в столице, понимая, что сам стал одной из первых частей той братоубийственной войны, которая может начаться со дня на день. Но сколько семей лишиться своих детей, братьев и отцов?

Глава 5

Лом не обманул. Уже через несколько часов на фоне серого неба показалась колбаска малого цеппелина. Он не был таким огромным и грузоподъёмным, как его собратья, но был гораздо более манёвренным и быстрым. Такой цеппелин не мог перевозить тонны взрывчатки и сбрасывать её на врагов, превращая километры земли в бесплодные пустоши, но вполне годился для довольно быстрой переброски пехоты с последующим десантом или доставки срочных грузов. Тритон сидел на поваленном бревне на плато, недалеко от деревни, куда планировалось посадить цеппелин. В руках Тритон держал винтовку, подаренную Ломом из запасов его егерской роты, в десятый раз перепроверяя все её механизмы. Хоть она и была, простой словно весло, но какой-то не хотелось получить залипший боёк или слабую пружину магазина. Вернув все детали на свои места, бывший штурмовик посмотрел на своих попутчиков. Старик как всегда был спокоен и сейчас о чём-то думал, смотря на плоскую землю плато. Пугач ворковал с своей женой, которая постаралась замаскировать княгиню, хоть и не совсем понимала смысл этого действия. Длинные волосы княгини были острижены до плеч и вымазаны в саже, по-модному длинные ногти тоже укоротили, а на её худое тело натянули несколько юбок, скрывая фигуру.

– Андрюха, а сколько нам лететь до ставки? – бородач отвлекся от жены и посмотрел на сидящего друга.

– Часов десять. – Тритон посмотрел на наручные часы, что тоже были подарком Лома, – Если всё будет хорошо, то ещё до вечера там будем. Твои перелёт выдержат?

Вместо ответа бородач кивнул и вновь повернулся к своей жене, продолжая говорить с ней. Меньше чем через две минуты дирижабль опустился на землю и выкинул трап. Первым туда вошёл Тритон, проверяя глазами внутренности воздушного судна. Гондола была не очень большой и состояла из трёх секций: рубки капитана, зала на двадцать человек и багажного отделения, где располагался паровой мотор. Из сопровождения были капитан, его помощник и молодой боец с кустистыми бровями и винтовкой за плечом. Капитаном был старый мужчина, который, казалось, был ровесником Тени. Густая седая борода обрамляла его круглое лицо, хорошо сочетаясь с белоснежным кителем воздушных войск.

Тритон вошёл внутрь гондолы и сел на сиденье, поставив винтовку между колен, затем последовал старик, а затем княгиня с Пугачёвым и его семейством. Попутчики расселись, закинув немногочисленные пожитки в багажник. Через несколько минут капитан скомандовал отправляться и цеппелин поднялся в воздух. Воздушное судно сманеврировало и мотор затарахтел, направляя дирижабль в сторону генеральской ставки.

Тритон уже несколько раз летал на подобных судах и вновь почувствовал непреодолимое желание уснуть. Расположившись удобнее и поправив кобуру с револьвером, Тритон прикрыл глаза, медленно отправляясь в сонное царство.

Бывший штурмовик не знал сколько времени провёл во сне, но разбудил его странный стук, вмешавшийся в спокойную работу парового генератора, крутящего винты цеппелина. Тритон осмотрелся и понял, что никто, кроме старика, не проявлял ни малейшего беспокойства. Переглянувшись с Тенью, Тритон встал и пошёл в сторону багажного отделения. Войдя внутрь, он открыл люк и высунул голову наружу. Уши сразу же заложило от громохания ревущего ветра и бывший штурмовик, щуря глаза, осмотрелся. Светлое небо было пустым и только позади цеппелина показалась маленькая серая точка, постепенно приближающаяся к их воздушному судну.

– Нас должен сопровождать самолёт? – высунув голову в пассажирское отделение, обратился бывший штурмовик к сидящему солдату, но получив отрицательный ответ, побежал в рубку к капитану, – Капитан, за нами летит самолёт. Так и должно быть?

– Какой самолёт?! – изумился седовласый капитан, отвлекаясь от штурвала, – Тут ближайший аэродром в паре часов лёту от нас! – капитан сорвал с приборной панели маленькую коробочку и нажав на кнопку, крикнул в неё, – Самолёт, приближающийся к борту 0103, назовись! Повторяю, са-

молёт, приближающийся к борту 0103, назовись! – выждав несколько секунд и услышал в ответ лишь шипение, – Чёрт! Семён, расчехляй...

Крик капитана утонул в грохоте пулемёта и свисте пробивающих деревянные борта гондолы пуль. Пуля провизжала над головой Тритона и тот тут же присел, выпрыгивая в пассажирский отсек. Там все уже лежали на полу, закрывая головы ладонями. Один лишь стрелок сидел на скамье, потеряв всё содержимое черепной коробки от пробившей его навывлет пули. Пули вновь ударили по борту гондолы наискось – самолёт пикировал на них. Тритон рванул к ящику, который стоял возле ног убитого солдата. Вытянув его из-под скамьи, он открыл крышку и вытащил оттуда пулемёт с дисковым магазином, закреплённым сверху. Открыв люк в правом борту гондолы, он увидел самолёт, разворачивающийся для очередного нападения. Дёрнув затвор, Тритон взял упреждение и нажал на спуск. Пулемёт забился в руках, и бывший штурмовик сильнее вжал приклад оружия в плечо. Строчка трассеров летела возле самолёта, так и не настигая его бортов.

– Вёрткий, скотина! – зарычал Тритон, останавливая огонь, видя, как самолёт вновь нацелился на их борт.

Самолёт вновь задолбил из пулемётов, но Тритон, чувствуя дуновения смерти, стоял, стараясь прицелиться как можно точнее. Сотни стальных пуль летели в их тела, желая отнять жизни. Тритон как можно сильнее напряг глаза и свёл

мушку и целик с головой пилота, чувствуя, как бешено бьётся сердце в его груди. Выдохнув весь воздух, бывший штурмовик мягко нажал на спуск, чувствуя, как рядом рассыпается в пыль гондола. Длинная, в оставшуюся половину магазина, очередь влетела в кабину самолёта, шпигуя лётчика свинцом. Оглушительный грохот пулемёта заглушился визгом женщин, а Тритон посмотрел на падающий вниз самолёт, источающий облако пара, тянущееся за бортом самолёта.

– Всё. – вынув пулемёт из люка, Тритон отложил оружие в сторону и оглядел кабину.

Пугач поднялся и проверил родных – все были в порядке. Старик же сразу подбежал и перевернул лежащую на животе княгиню. Её глаза были закрыты и губы не шевелились. Старик, явно напуганный ситуацией, приложил два пальца к её шее и облегчённо выдохнул, поднимая большой палец на правой руке.

Убедившись в состоянии попутчиков, Тритон ворвался в кабину пилотов. Седовласый капитан лежал на полу с простреленной в множестве мест грудью. Его белый китель был залит кровью, напоминая тонкое красное одеяло. Левую его руку просто оторвало очередью из крупнокалиберного пулемёта, и она сейчас лежала в углу кабины. Стекло окно осыпалось тысячами осколков и сейчас лежало на полу, а помощник капитана забился в другой угол, раскачиваясь из стороны в сторону и закрывая голову ладонями. Бывший штурмовик посмотрел через разбитое лобовое стекло вниз

и через несколько секунд осознал, что земля медленно, но верно приближается к ним, показывая острые пики елей.

– Эй, ты там живой? – Тритон подошёл к парню и потряс его за плечо.

Не видя вообще никакой реакции, бывший штурмовик метнулся к приборной доске, полной различных рычажков, тумблеров и различных шкал. Пытаясь хоть что-то понять, Тритон силился отыскать счётчик газа в мешке, притороченному сверху гондолы, но глаза разбегались, и бывший штурмовик бросил сию затею. Подойдя к что-то шепчущему помощнику, Тритон с размаху влепил тому пощёчину.

– Ч-что?! – парень вскочил на ноги, возвращаясь в сознание и усиленно вертя головой, но получив ещё один несильный удар по щеке, сфокусировал свой взгляд на Тритоне.

– Ты этой хернёй управлять умеешь? – бывший штурмовик ткнул пальцем в сторону приборной доски.

– Я всего лишь ученик! – дал петуха помощник, всплещивая руками.

– Значит подними эту хрень выше и долети до ближайшей базы, а иначе нам тут всем кирдык!

– Д-д-да, постараюсь... – помощник подбежал к приборной панели, пытаясь разобраться с происходящим.

Тритон не открывался от парня, который шаманил у приборной доски, крутя вентиля и щёлкая тумблерами. Дирижабль стал падать быстрее, и Тритон вжался в стену, схватившись за какую-то трубку. В разбитое окно он прекрасно

видел зелёные шипы елей, которые росли прямо на глазах. Восемьсот метров, семьсот, пятьсот, триста. В один момент бывший штурмовик уже попрощался с жизнью, извиняясь перед Пугачом и его семейством, которое он втянул в эту странную авантюру, лишая их жизней. С закрытыми глазами он почувствовал, как гондола ударилась о верхушки деревьев, но не через одну секунду, не через половину минуты он не почувствовал никакой боли. Тритон уже было подумал, что всю жизнь ошибался и жизнь после смерти всё же существует. Боясь увидеть вокруг себя пустоту, он открыл глаз и понял, что тело его цело, а вокруг ничто иное, как побитая стрельбой кабина дирижабля.

– Впредь только землёй буду двигаться... – Тритон отпустил трубку, за которую держался и посмотрел на свою ладонь, понимая, что схватился за раскалённый металл, даже не чувствуя боли в руке.

Открыв висящий на стенке ящик с аптечкой, бывший штурмовик вытащил оттуда марлю и намотав её на кисть, облил руку прохладной водой из фляги, пол аккомпанемент молитвы, идущей из уст молодого помощника, рулящего медленно поднимающимся в воздух дирижаблем.

– Вы все там живые? – Тритон заглянул в пассажирский отсек, поправляя съехавшую на поясе кобуру, но посмотрев на сидящую без движения и смотрящую стеклянными глазами на убитого солдата, – Пугач, ты отвлеки княгиню. Старик, нам обратиться бы здесь надо.

Тень поднялся и отдав молодую наследницу в руки жены рыжебородого, раскрыл дверь в багажное отделение. Сначала туда затащили труп безымянного солдата, уложив тело у стенки. Затем они отошли в кабину и подняли тело старого капитана, уложив его рядом с солдатом. Тритон присел рядом с ним и ладонью прикрыл голубые глаза капитана. Бывший штурмовик всегда поражался тем людям, которые могли подниматься в небеса и управлять там огромными судами. Тритон прекрасно понимал, что он навсегда останется лишь одним из ползающих по земле людей, но не мог не испытывать уважение перед такими людьми. Пройдясь взглядом по груди капитана, он зацепился за уцелевшие планки. Тритон плохо разбирался в наградах авиаторов, но узнал награду «50 боевых вылетов» и «Подрыв колонны паратронников». Брови непроизвольно поползли вверх. Такие награды выдавали далеко не всем пилотам и это многое говорило о его мастерстве. Капитаны дирижаблей далеко не всегда возвращались со своего вылета. Всё же, цеппелины далеко не маленькие и не такие быстрые, как самолёты, а при наличии у противника ПВО могли стать гарантированным гробом для всего своего персонала. В памяти Тритона ярко отпечаталось одно такое падение вражеского цеппелина. Бои шли уже не одну неделю, и вся местность вокруг превратилась в безжизненную пустыню, перепаханную артиллерийскими снарядами и выжженную огнёмётами и бесконечными потоками газов. Его полк только прибыл на позиции и гото-

вился к штурму позиций врага, которые не смогли взять не роты паратронов, тела которых усеивали поле перед ними, не взводы магов, что могли просто испепелить всех в окопах, подойдя они ближе. С неба падали мелкие капли дождя, превращая землю в грязь, а Тритон сидел в окопе, надевая шлем и вдыхая запах пороха, которым пропиталась эта земля. Капли били по металлу шлема, отбивая похоронный марш. Взяв свою винтовку, он посмотрел на сидящего рядом Пугача, который беззаботно курил сигарету, как будто не понимая, что они сейчас должны будут преодолеть практически четыре сотни метров под огнём противника. Тритон поднялся на ноги и оглядел сидящих в окопе бойцов. Он вытащил из ножен штык-нож и посмотрелся в его отполированную сталь, не понимая, что хочет там увидеть. С щелчком нож закрепился на нужном месте, и Тритон глянул на свои часы. Меньше минуты и должна будет заработать артиллерия, а затем пойдёт на приступ его полк, смотря в стволы вражеских пулемётов. Секундная стрелка медленно двигалась, оглушительно щёлкая, перекрывая собой шум нарастающего дождя. И вот стрелка пересекла свой рубеж, но артиллерия не заговорила, а вместо этого кто-то в окопе заорал: "Цеппелин!".

Величественная фигура аэростата показалась из-за спустившихся туч, предвещая тонны слёз, которые прольют родные воинов. Время замедлилось, и Тритон вспомнил, что на этом участке нет ПВО и на момент его ухватил ужас. Ан-

дрей понимал, что полк будет вдавлен тысячами бомб, которые упадут на его позиции. Секунды тянулись медленно, как будто растягивая секунды до смерти, но ни один штурмовик не посмел сдвинуться со своей позиции, ожидая приказа. Тритон не знал, что делать и хотел было скомандовать отступление, как заметил что-то странное на носу судна. Он сорвал с шеи бинокль и присмотрелся через окуляры. На белом дирижабле была нарисована красной краской голова медведя.

– Он же неделю назад пропал! – воскликнул Тритон, передавая бинокль стоящему рядом рыжему.

Прежде чем он оказался в руках здоровяка, Тритон увидел, как в дирижабль летит вражеский снаряд. Водород взорвался мгновенно, расцветая огненной розой в небе и дирижабль устремился вниз. Тритон успел сглотнуть слюну, как прогремел второй взрыв. Тонны взрывчатки рухнули на позиции врага, низводя их до атомов. Бомбы внутри цеппелина рванули в один момент, высвобождая свою смертоносную силу. Казалось, что мир утонул в грохоте. Ударная волна достигла позиций его полка за считанные секунды, снося с ног зазевавшихся бойцов. Тритон рухнул на землю, слыша, как свистят сверху мириады осколков, косящих воинов. Через несколько минут, как улеглось облако пыли, Тритон поднялся на ноги и посмотрел на окопы, которые они должны были взять. Там не было ничего. Ни одного окопа, пулемёта или простого солдата там не было. Вместо окопов зияла огром-

ная воронка, где ничего не было видно, кроме обгоревшей земли. Потом, после того, как полк Тритона совершил глубокий прорыв, уйдя за линии противника на многие верста, он вернулся к воронке, зная, что экипаж дирижабля "Красный медведь" совершил самопожертвование, понимая, что им не хватит водорода вернуться из глубокого рейда и своим подвигом намного приблизив окончание войны и пожертвовав свои жизни ради сотен тысяч соотечественников.

– Ты там живой? – в багажное отделение вошёл Тритон, вытянувший друга из пучины воспоминаний, – Ты уже пару часов тут сидишь. Мы на подлёте.

Тритон поднялся с затёкших коленей и проковылял в пассажирский отсек. Княгиня до сих пор была в странном ступоре, но хотя бы перестала смотреть в одну стену, а дочери Пугача уже вернулись в норму, лишь утирая изредка проступающие слёзы. Это было неудивительно, ведь одно дело слушать рассказы отца о ратных подвигах, а другое чуть не потерять голову от шальной пули.

Выглянув в иллюминатор, бывший штурмовик заметил, как вдали стала показываться громадина генеральской ставки. Желтоозёрск был огромным городом, в котором проживала далеко не одна сотня тысяч жителей. «Восточная столица», «Город торговли», «Ворота в срединное царство» и ещё много имён имел этот город, ставший столицей контрреволюции. Город был основан несколько веков назад переселенцами из империи в качестве крепости с Срединным Цар-

ством и уже с тех времён жил торговлей, пропуская караваны по обе стороны от великой реки Каркан. Желтоозёрск богател, строился и ширился, но не терял своей обороноспособности. Помимо пёстрых торговых кварталов и серых заводов, город был оснащён далеко не одной крепостью, доверху заполненных солдатами и ангарами, что полны паратрониками, а потому всегда был готов отбить любое наступление из погибающего в пламени восстаний Срединного Царства.

Дирижабль медленно снижался на подготовленную площадку аэропорта. Паровой двигатель жил на последнем издыхании, лишь изредка выплёвывая облака пара. Помощник всё удивлялся тому, как дирижабль смог дотянуть до города, а Тритон чувствовал облегчение от того, что длинный путь наконец закончился. Вскорости гондола оказалась на земле, и бывший штурмовик первый спустился вниз по трапу. Попадая под яркие лучи солнца, что несколько закрывали обзор.

На площадке собралась весьма немаленькая группа встречающих, которая, казалось, предназначалась не для встречи, а для захвата особо опасных террористов. Около дирижабля стоял два двуножных, манёвренных паратрона класса «Драгун» и дюжина снаряжённых в паровую броню солдат на подобии того, кого застрелил Тритон на вокзале столицы. Посередине этого отряда стоял высокий, стройный человек в зелёной, пехотной форме с генеральскими погонами. Его овальное лицо было гладко выбрито, а в светлых воло-

сах виднелись залысины. На остром и узком носу сидели маленькие, искусно выделанные, круглые очки. Он стоял, смотря на вышедшего Тритон карими, тяжёлыми глазами.

Бывший штурмовик встал сбоку от трапа, рассматривая генерала Вознесенского. Тритон прекрасно понимал, что Вознесенский точно знал, что на борту дирижабля была княгиня. Она вышла последней, осторожно спускаясь по деревянным ступеням трапа, опираясь на вытянутую руку старика и опасливо смотря на военных.

– Княгиня, я так долго вас ждал! – Вознесенский улыбнулся уголками губ и широко расставил руки в приветствии, – Я собираю все верные вам войска и поверьте мне, скоро мы вернём корону вашему брату!

Молодая княгиня встала в ступоре, смотря в глаза Вознесенского, который продолжал улыбаться, дожидаясь слов наследницы престола. Пугач, держа заряженный пулемёт, смотрел на старика, который наверняка знал больше, чем все остальные.

– Генерал, я являюсь личным защитником княгини Анастасии, а потому считаю своей обязанностью защищать её даже здесь – в её нынешней столице.

– Конечно. – Вознесенский надел на голову фуражку, – Я не могу ничего сделать против личных слуг княгини, но настаиваю на том, чтобы мы отправились в дворец княгини, где сейчас её ожидает брат Пётр.

Глаза княгини загорелись пламенем радости, и она что-то

прошептала на ухо старику. Тот кивал, внимательно слушая нежный голос молодой княгини. Дослушав её речь, старик сказал, – Мы сейчас же отправляемся.

Генерал кивнул и развернувшись, последовал к стоящим в стороне от посадочной площадки паромобилиям. Старик с княгиней и генералами сели в первый автомобиль, а Тритон и Пугачёвское семейство в другой. Краем глаза Тритон успел заметить, как из дирижабля вытаскивают тела солдата и капитана воздушного судна.

Пара автомобилей быстро покатила по удивительно хорошо асфальтированной дороге. Такое было в новинку для многих людей, ведь не везде, даже в столице, дороги были покрыты асфальтом. Но, всё больше Тритона удивляла разношёрстность одежд местного населения. Помимо привычных для горожан курток, плащей и платьев, среди людей часто мелькали зелёные мундиры пехотных частей, чёрные ментики уланов, чёрные бушлаты морской пехоты, коричневые куртки пилотов паратронов и тёмно-синие мундиры артиллеристов. Солдатская одежда показывалась настолько часто, что становилось понятно, что генерал смог собрать множество войск под свои знамёна. Эти войска, если генерал ударит прямо сейчас, вполне могут прийти и до столицы. Смотря на полные товарами магазины, бывший штурмовик пожалел о том, что не взял с собой свои деньги, ведь потратить их можно было много где. Помимо асфальта, удивляли высокие, больше пяти этажей, дома, непривычные для

остальной страны. Где-то над домами маневрировали паровые самолёты, отлично вписываясь в шумиху торгового города, полного криков, гудения машин, гудение заводов и пения редких птиц.

Ехали они долго, порядка нескольких часов, маневрируя между серыми кораблями домов. Оказалось, что Виваевский в качестве своей резиденции выбрал дом губернатора, приватизировав его в добровольно-принудительном порядке. Сам дом был расположен практически в центре города окружённый двухметровым, сплошным железным забором. На крыше Тритон заметил стоящих стрелков. Машины въехали в открывшиеся ворота и все новоприбывшие вышли из транспорта.

У дверей стояли двое солдат из егерских полков, которые при приближении генерала, отдали тому честь и раскрыли тяжёлые, дубовые двери, пропуская людей внутрь резиденции. Пугачёвское семейство с Тритоном сразу определили в пару гостевых комнат огромного трёхэтажного дома. Вещей у Тритона на было, а потому он сразу ушёл в пристанище Пугача.

– Ну и что ты планируешь делать? – Тритон хрустнул шеей и сел на одну из кроватей.

– Воевать за корону. – Пугач повернулся к другу, смотря тому в глаза и, выждав пару мгновений, спросил, – А ты?

Тритон посмотрел в потолок и не ответил. В один момент мысли в его черепашке смешались, образуя странный, пол-

ный острых углов и противоречий, водоворот, где сложно было отыскать истинную мысль.

Бывший штурмовик закрыл глаза и откинувшись на кровать, ответил, – Нет. Это не моя война. Я вернусь в столицу и закончу свою миссию.

Неожиданно бородач рассмеялся. Громкий, басовитый, долгий его хохот заполнил всю комнату, напугав членов семейства и введя в ступор Тритона, который в непонимании уставился на старого друга.

– Ну ты, Андрей, выдал! – Пугач утирал своим толстым пальцы выступившие слёзы, продолжая посмеиваться, – Ты хочешь мне сказать, что просто застрелишь того чиновника и вернёшься в свою деревню садить репу с картошкой и заниматься пасекой, думая о том, что война обойдёт тебя стороной? – лицо бородача вновь посерьёзнело, – Не смей меня, дружище. Ты не из тех, кто просто прижмёт свою задницу и засунет в неё язык. Да, тебе плевать кто будет у власти, но я не поверю в то, что тебя не будет заботить, то царство Войны и Смерти, которое поглотит нашу Родину.

Тритон ничего не ответил. Он понимал, что слова Пугача имеют свою правду, но что-то внутри останавливало его от полного согласия с старым другом.

– Ладно, пойду пройдуся, а то мозги скрипят. – Тритон поднялся на ноги и, хлопнув здоровяка по плечу, вышел из комнаты.

Дом купца был большим. Даже огромным. Тритон как-то

слышал о нём и покопавшись в памяти, смог вспомнить его имя: Игнатий Жалов. Говорят, что своё состояние он поднял, переправляя на тот берег Великой реки оружие, насыщая запасы военачальников Срединного царства, и вывозя оттуда дурман-траву, которая пользовались особенным спросом у подрастающей аристократии. Немудрено, что этот дом, полный лепнины, золота и дорогой, импортной мебели, был конфискован в пользу царской семьи.

Тритон шёл по коридору, часто останавливаясь и вглядываясь в развешанные по стенам квартиры. Ухом он уловил стук, но не успел повернуть голову в сторону источника, как в его плечо кто-то врезался. Тритон хотел было высказать пару ласковых этому человеку, но что-то заставило его передумать. Невысокий мужчина, стуча по полу каблуками сапог, быстро шёл по коридору в артиллерийском мундире, неся какой-то чемодан в механической руке. Тритон мысленно махнул на это рукой и вновь вернулся к рассматриванию картины. Однако, долго созерцать искусство ему не дали.

– Андрей Вратов, вас вызывает к себе генерал Виваевский! – молодой, запыхавшийся адъютант подбежал к бывшему штурмовику, – Прошу вас пройти за мной!

Тритон кивнул и поправив кобуру, последовал за адъютантом. Они быстро поднялись на второй этаж и вскоре оказались у массивной двери. Адъютант встал подле неё, а Тритон, минуя нормы приличия, без стука вошёл внутрь. Генерал сидел за широким столом, рассматривая разложенную

карту.

– Андрей? – генерал поднял взгляд на вошедшего капитана и свернул карту, после чего убрал её в ящик стола, – Проходи, садись. У меня к тебе разговор. – дождавшись, пока Тритон сядет напротив, Виваевский продолжил, – Не думал, что встречу знаменитого капитана, но это очень неплохо. Без лишних прелюдий хочу предложить присоединиться ко мне. Уверен, что многие пойдут за стол опытным военачальником.

– Я ожидал такого предложения. Виваевский, ты уверен, что за мной пойдут. В последнем бою из всего моего полка осталось полтора десятка человек. Такая себе слава.

– Я знаю, что тогда было. Если бы вам выделили артиллерию и парочку паратронов, то всё вышло намного легче и с меньшими потерями. – Виваевский протёр очки и сложив их, налил в стакан из стоящей рядом бутылки коньяка, – Я дам тебе сразу майора и полк со всеми дополнительными средствами. Задачи будут старые и тебе привычные. Корона точно не забудет тебе твои подвиги. – ожидая ответа, он отпил из стакана.

– Генерал, ты видимо меня совсем не знаешь. – Тритон помотал головой, двигая раненым плечом, – Ты же со мной на одних и тех же фронтах воевал, да побольше моего. Сколько побед мы одержали? Много ведь, но всё это были враги Родины. А сейчас ты что предлагаешь? Своих же валить?

Виваевский залпом допил янтарное содержимое стакана

и испытующе посмотрел в уставшие глаза Тритона, – Я ожидал чего-то подобного, а потому приглашаю тебя на провозглашение Императора по случаю прибытия княгини. В этом ты мне не откажешь, а, капитан?

Бывший штурмовик кивнул и вышел из кабинета, слыша, как сзади зашуршал бумагами генерал. Тритон медленно шёл по коридорам вниз, раздумывая о Виваевском. Он ни разу не воевал под его руководством, но, судя по ходившим вокруг фигуры него слухам, генерал был довольно рискованным и изобретательным рубакой. Тритон знал, что именно Виваевский был первым человеком, который додумался осуществить десант паратроников прямо в тыл врага. Это внесло такую сумятицу в стан врага, что обернулось потом серьёзным котлом с последующим блицкригом на столицу противника. Однако генерал не был тем идеальным полководцем, о котором мечтал каждый солдат. Генерал был жесток и никогда не потерпел бы отказа от своих предложений.

Из резиденции Тритону удалось выбраться довольно легко. Он обратился было к солдатам, охраняющим периметр, но те просто махнули рукой, говоря, что запомнили его в лицо, а потому может ходить без проблем. Тритон пожал плечами и вышел на улицу. Бывший штурмовик не привык к таким высоким домам, а потому чувствовал себя муравьём, зажатым между огромными бетонными стенами зданий. Повертев головой в поисках нужного направления, он уверенно зашагал по улице, всунув ладони в карманы куртки. В Жел-

тоозёрске он не был ни разу, а потому его удивляла эта странная архитектура и неожиданную оживлённость. Складывалось ощущение, что население города совсем не беспокоила общая апатия, которая постепенно поглощала остальные земли Империи. Магазины были полны различных товаров, по дорогам гоняли паромобили, а лица горожан наполнены радостью. Было ли это заслугой Виваевского или нет Тритон не знал, но надеялся, что со временем и остальные территории вернуться в нормальное состояние. Бывший штурмовик шарил взглядом по ярким вывескам, которыми были полны широкие улочки города. Взгляд зацепился за вывеску в виде раскрытой книги и надписью «Суваевская печать». Это вполне подходило под нужды Тритона, а потому он, толкнув ладонью лёгкую дверь, вошёл в магазин. Хотя, магазином назвать это было сложно. Это было княжество, царство, империя книг! Десятки, сотни, тысячи переплётов сияли на полках и стеллажах магазина. Детективы, справочники, романы, энциклопедии, учебники, сказки – всё это было здесь и всё это можно было купить. На несколько минут Тритон даже забыл зачем он зашёл в этот магазин. Бывший штурмовик любил книги и провёл множество вечеров за их чтением, вливая в свой пропитанный порохом мозг знания. Он ходил между стеллажей, рассматривая переплёты и иной раз раскрывая книги, читая их содержания. Это было интересно, и Тритон думал выкупить парочку заинтересовавших его томов, но старый, с приятной хрипотцой, голос вовремя про-

будил его.

– Молодой человек, вас заинтересовала книга? – между стеллажей прошёл суховатый старичок в брюках и клетчатой рубашке. Он поправил толстые очки на носу и посмотрел на обложку книги, – Очень рекомендую. Хороший, но тяжёлый роман с философской ноткой над которой придётся подумать.

– А вы ценитель? – Тритон вернул книгу на полку и посмотрел в малахитовые глаза старичка.

– Без любви к книгам продавать их – кощунство. – мужчина развёл руками и скосил взгляд на торчащую из-под куртки рукоять пистолета, – Вы военный?

– Бывший. – бывший штурмовик скрыл пистолет полами куртки, – У вас есть карта города?

– В наше время бывших военных не бывает. – старичок пошёл между стеллажей и по пути, не глядя на полки, вытянул небольшой журнал. Подойдя к кассе, он положил журнальчик и произнёс, – Все думают, что пуля выигрывает войну, но победу в такой войне можно добыть лишь словом. С вас половину серебряного.

Тритон промолчал и вытянул серебряную монету. Положив её на столешницу, он забрал журнал и кивнув в благодарность, вышел из магазина. Отойдя от этого царства книг, он опёрся спиной о стену и раскрыл карту. Карта была поделена на несколько частей, соответствующих районам города. Найдя искомое здание, Тритон свернул журнал в трубочку и

зашагал дальше по асфальту.

Искомым зданием оказался отлично выбеленный, кирпичный дом высотой в три этажа. Зайдя в пустой двор, единственной примечательностью которого являлась наваленная в углу гора природного асфальта. Вход в подвал был ничем не примечателен, но Тритон проследовал туда. Толкнув решетчатую дверь ногой, он оказался в уютно оборудованной пивной. Время ещё не настало, а потому зал был полупустым, с далеко не самым привлекательным контингентом. Бывший штурмовик ощутил чувство дежавю, но всё же прошёл к барной стойкой, за которой стоял хозяин пивной, который, казалось, был срисован прямиком с страниц сатирических журналов. Это был большой, толстый, гладко выбритый мужик в фиолетовой рубашке и надетой поверх неё рубашке. Он смерил пришедшего Тритона взглядом и прохрипел.

– Чего тут воякам делать? Баров тут много, а ты решил к нам заявиться? Ну ты, гоблин, точно бажбан.

– Я от Весёлого. Он сказал, что ты мне должен посылку передать.

Бармен поднял правую бровь вверх, но отставив кружку, которую вертел в руках, ушёл в зашторенный проход за своей спиной. Тритон посмотрел на ассортимент разнокалиберного алкоголя, понимая, что Пугач бы раскритиковал бутылки с самогоном. Сзади хлопнула дверь, ведущая в помещение пивнухи. Тритон глянул на него. Обычный мужчина в

шерстяном пальто с кепкой-восьмиклинкой на голове. В зубах вошедший держал «козью ногу», дополняя аромат витающего в заведении дыма ещё одним запахом. Он сел в углу заведения и тут же заказал один из сортов предложенного перечня кислого пива.

– Давно этот товарищ у вас? – спросил у бармена Тритон, глазами указывая на сидящего мужчину.

Бармен положил принесённый свёрток на стойку и глянул на вошедшего человека. Смотрел он несколько секунд, изучая каждый миллиметр его образа. Он остановил подошедшую официантку и что-то выспросил у неё.

– Не, залётный какой-то. Из ваших? – прохрипел бармен.

– Если бы из моих, то я бы не спрашивал. – Тритон, закрыл спиной обзор пришедшему человеку и развернул свёрток.

В большую тряпку был уложен странного вида пистолет. Всё было привычным: рукоять, затвор, магазин, но кое-что выбивалось из общего образа – широкий и круглый ствол. Тритон выщелкнул магазин и посмотрел на узкие и остроносые патроны. Вставив магазин обратно в рукоять и передёрнул затвор, загоняя патрон в патронник. Сграбастав со стойки два плоских магазина с отверстиями, он положил их во внутренний карман куртки.

– Вы где такое чудо нашли? – бывший штурмовик повертел в руках пистолет и заткнул его за пазуху, – Я такого даже у разведчиков не видел.

– У нас свои каналы. – бармен усмехнулся и кивнул в сторону странного пришельца, – Мне его замаслить?

– Не стоит. Придержу на пару минут, чтобы я смыться успел.

Бармен сделал какое-то странное движение рукой и несколько из сидящих посетителей поднялись со своих мест, не переставая непринуждённо болтать о чём-то своём. Несколько этих верзил, вооружённых бутылками и киями, окружили человека, задавая ему провокационные вопросы, а Тритон расслабленно вышел из заведения, надеясь на то, что запах крепкого сигаретного дыма и кислого пива рано или поздно выветрится из его одежды. Остановившись на выходе, он увидел, как кий обрушивается на голову пришельца с треском разлетаясь щепками в разные стороны. Тритон улыбнулся и вышел из здания пивной.

До ночи был ещё много времени, а потому бывший штурмовик, посмотрев на имеющуюся карту пошёл в сторону набережной. Она оказалась с отличной отделкой из тёсаного камня, которым была выложена вся длинная набережная. Тритон сел на скамейку, смотря на широкую, в пару километров реку. По ней ходили большие сухогрузы и шныряли туда-сюда боевые катера, охраняющие протяжённую границу с Срединным царством. Множество людей прогуливались по мостовой, совсем не беспокоясь о происходящем. Тритон посматривал на другой берег, думая о том, что всего в нескольких десятках километрах шла война и умирали лю-

ди, а здесь было на удивление спокойно и безмятежно настолько, что бывший штурмовик решил сделать то, чего не делал многие года или даже десятилетия – купить мороженное.

Тритон практически забыл о том, насколько гениален и прекрасен этот десерт в хрустящем, вафельном стаканчике. Он не ел его очень давно, а потому испытал гастрономический оргазм, откинувшись на спинку скамейки. Поедая мороженное, Тритон почувствовал, что неожиданно быстро привык к большому количеству окружающих его военных и даже почувствовал себя спокойнее. Он наблюдал ходящих по набережной сотен солдат, напоминая Тритону о славном ратном прошлом. Тритон просидел там до позднего вечера, поглотив не один вафельный рожок, но чувство усталости от прожитого дня всё же взяло своё и он пошёл обратно к резиденции, оставив карту на деревянном сидении скамьи.

Ночью охрана у резиденции усилилась во много раз. Тритон ещё на подходе заметил в окнах рядом стоящих домов нескольких стрелков, которые особо и не прятались, демонстрируя себя во всей красе. Перед самым зданием стояли два «носорога» – приземистых паратронов, выглядящих как две больших стальных коробки с пулемётами сверху и короткой автопушкой на носу паратрона, за что и получил своё название. Помимо них стояли, казалось бы, обычные солдаты в стандартных мундирах, но красные полосы на рукавах и глубокие капюшоны, закрывающие лица на-

мекали на принадлежность к магическому корпусу. Когда-то они господствовали на полях сражения, способные быстро разбить целые орды солдат одними только заклинаниями, но развитие порохового оружия и дороговизна их обучения свели важность магов на поле боя практически к нулю. Теперь они занимали роль пережитков прошлого, и лишь немногие военачальники продолжали их использовать.

На воротах стояли знакомые солдаты, которые уже не переговаривались, скучающим и усталым взглядом осматривая окрестности через прутья забора. Узнав подходящего штурмовика, они приободрились и спокойно пропустили внутрь, даже не удосужившись обыскать. Тритон почувствовал облегчение, но внутренне осудил такую безалаберность солдат.

В резиденции никто не спал. По коридорам до сих пор носились слуги и адъютанты, таская в своих руках вещи и кипы бумаг. Тритон, смотря строго вперёд, делая вид что всё в порядке. Добравшись до собственной комнаты, он закинул второй пистолет под матрас и сам лёг сверху, поглаживая простреленный бок. Рана не кровоточила, но постоянный надавал, мешая расслабиться. Хотя, как тут расслабиться, когда даже в окружении лояльных солдат ты находишься под постоянной слежкой? Тем не менее, Тритон понимал Виваевского, который, как никто другой, обязан был держать всё под строгим надзором, не допуская к власти любых нелояльных ему элементов. А мог ли быть строптивый, прославленный офицер таким элементом? Вполне. Вот генерал и сле-

дил за Тритоном, готовясь нейтрализовать такого человека. Бывший штурмовик оглядел стену на предмет «глаз», но никаких, даже малейших признаков, обнаружить не сумел. Однако, расслаблять не стоит, ведь в этих толстых стенах вполне мог затесаться какой-то особо худой шпион. Тритон повесил куртку на край кровати, положил основной пистолет под подушку, и отвернулся к стене, закрывая глаза и мгновенно выключаясь.

Проснулся он от шороха открываемой двери. Глаза ещё не раскрылись, а пистолет, рукоять которого удобно легла в ладонь, уже был направлен в сторону источника шума. Сам источник замер и Тритон раскрыл глаза, смотря на вошедшего в комнату Пугача.

– Слушай, ты какой-то нервный. Тебе может чайку налить?

Бородач стоял в серо-зелёной форме штурмовиков, идеально подогнанной по телу. Гимнастёрка, ремень, широкие штаны «галифе», удобные штурмовые ботинки, кобура с пистолетом и даже воронённый значок-символ в виде росомахи – всё было подобрано идеально. Тритону показалось, что на мгновение он вернулся в своё бытие штурмовика. Сунув пистолет в карман висящей куртки, бывший штурмовик протёр глаза.

– Пугач, откуда вещички? – Тритон свесил ноги с кровати и похлопал по матрасу ладонью, там, где виднелся бугорок от лежавшего пистолета.

– Из лесу вестимо. – хихикнул Пугач, снимая с предплечья принесённую одежду и ставя перед другом ботинки, – Виваевский подогрел. Как будто прямо из того времени, да?

Тритон быстро оделся, практически впрыгнув в своё снаряжение. Встав на ноги, он огладил форму и навесил кобуру. Размер был подобран просто прекрасно, и форма легла как вторая кожа.

– Удобно, чёрт его дери! – улыбнулся Тритон.

– А то! Оделся? Давай тогда за мной!

– Секунду. Подожди в коридоре.

Бородатый кивнул и вышел в коридор. Тритон перепроверил пистолет и вышел за своим другом. Вместе с Пугачом они спустились вниз, где во дворе резиденции уже стояла машина, источавшая из себя облака пара. Друзья сели на заднее сидение и водитель, резко стартовав, повёз их по улицам города. По широким улицам они ехали долго, но затем, через час вдыхания дорожной пыли, они оказались около здорovenного собора. Большое, этажей в десять, здание, с сверкающими золотом куполами и начисто выбеленными стенами. У собора были десятки, если не сотни маленьких и больших корпусов с сотнями витражей и окон. Её окружало множество высоких башен, которые были увенчаны большими золотыми кольцами, в которые мог пролететь целый самолёт.

Машина припарковалась, и Тритон вышел из машины. Он поднял голову вверх, пытаясь отыскать верхушку куполов собора. Тень от этого величественного здания покрывала да-

леко не одну сотню метров. Хоть Тритон никогда не верил ни в одного бога, но это здание внушало какое-то благоговение и внутренний трепет. Изнутри доносилось завывание какой-то религиозной песни, приводя задумавшегося Тритона в транс.

– Не тормози! – бородач хлопнул друга по плечу, – Нас ждут.

Тритон несколько раз моргнул, возвращаясь в сознание и зашагал к дверям. Внутри собора было великое множество людей. Это были и зажиточные горожане, и купцы, промышленники и чиновники, религиозные деятели и крайне много офицеров. Мундиров было настолько много, что Тритону казалось, будто он попал в военную часть, а не в религиозное здание. Прямиком по центру, у задней стены помещения собора было ступенчатое возвышение, вокруг которого и столпились все пришедшие люди. Там, сидя в свете от огня ламп, на величественном троне из чистейшего золота, восседал маленький мальчик с интересом разглядывающий пришедших людей. Прищурившись, Тритон понял, что это единственный выживший мужской потомок почившего императора – Пётр. Рядом, по правую руку от маленького князя, на троне меньше, сидела княгиня Анастасия в царском одеянии. Где-то снизу стоял какой-то старый священник, на котором было золота больше, чем заработал Тритон за годы усердной службы на благо Родины. Неожиданно для всех, висящий под потолком колокол резко зазвучал, оглу-

шая своим звоном всех находящихся внутри. Все разговоры моментально прекратились и взгляды гостей обратились к возвышению, на которое, медленно передвигая большими ногами, поднимался священник, нёсший в сморщенных руках корону. Корона эта сияла множеством филигранно обработанных бриллиантов. Выполнена она из белого золота и из-за камней казалась не короной, а очень звездой, сияющей на императорской голове и затмевающий любого, кто хотел бы посягнуть на столь же бесконечную власть.

Старик встал перед присутствующими людьми, загораживая своей сутулой спиной маленькое тельце Петра. Он воздел руки вверх, поднимая корону над своей головой и неожиданно мощным, крепким голосом заговорил.

– Бог наш, Араким, хранит нашу святую землю! Демоны, захватившие столицу и раскинувшие свои склизкие щупальца, не смогли пресечь нашу святую династию! Ангелы-благодетели защитили своими телами царевича Петра и княгини Анастасии, дав им шанс возродить нашу великую Империю, что сотнями лет правила этими землями! Здесь, в божественном граде Желтоозёрск, собралось священное воинство, готовое изгнать демонов с земель нашей Родины! Властью, данной мне Богом, я провозглашаю Святым Императором Петра Дмитриевича из рода Светлоярских!

С этими словами, громом проходящими под сводами собора, священник возложил корону на голову маленького Императора. В момент, как корона коснулась его медных волос,

то зал взорвался аплодисментами. Хлопали все: мужчины и женщины, дети и взрослые, аристократы и купцы, военные и промышленники. Все глаза были обращены на новоиспечённого правителя Империи и все они были полны священного трепета и готовности подчиняться. Военные были полны готовности воевать прямо сейчас и казалось, могли в момент отбить столицу.

Тритон тоже хлопал для приличия, но смотрел в глаза молодой княгини. Они были не счастливые, как у её младшего брата, не спокойные, как у спускающего священника, и не хитрые, как у генерала Виваевского, затесавшегося среди толпы. Глаза княгини были скорее серьёзными и очень задумчивыми. Это выглядело очень странным на её молодом лице и было совсем не присуще это девушке. За то недолгое время, пока Тритон был рядом с княгиней, он привык видеть на её лице испуг, заинтересованность и непонимание, но никак не серьёзность. Княгиня сильно сжала челюсти и было понятно, что ситуация её сильно напрягала. Но почему? Это из-за принятия титула княгини-регента? Или из-за Виваевского?

Тритон терялся в догадках, продолжая хлопать, не задумываясь. Он продолжал пристально смотреть на княгиню, пытаясь считать каждое движение на её лице, распознать каждый импульс на её бледном лице. Княгиня смотрела в одну точку, которая была где-то в толпе. Тритон, с высоты своего не самого великого роста, пытался высмотреть объект

интереса княгини, но тут грохнуло.

Выстрел прозвучало неожиданно и звук множество раз отразился от стен собора. Люди посыпались в стороны, поднимая испуганный крик, не давая обнаружить стрелка. Тритон перевёл взгляд на возвышенность, надеясь не увидеть худшего. На синем платье княгини, в области живота, расплывалось кровавое пятно. Княгиня широко раскрыла глаза, поражённо смотря на своё ранение. Она медленно повалилась вбок, стремительно теряя сознание. Гвардейцы тут же окружили брата с сестрой, закрывая их своими телами.

Ворота собора распахнулись и люди повалили оттуда, стараясь спасти свою жизнь. На глаза Тритону попал бегущий мужчину, рука которого отблёскивала металлом. Тело среагировало быстрее мозга, и Тритон погнался за ним, на бегу вытягивая из кобуры пистолет. Множество людей бежали из собора, унося свои сердца как можно дальше от опасности, Пугач куда-то подевался, но Тритон сконцентрировал свой взгляд на этом бегущем человеке. Можно было позавидовать скорости и проворности железнорукого, который рысью ворвался в черту города.

Бывший штурмовик побежал за ним, пытаясь на ходу подстрелить железнорукого. Пули свистели рядом, как будто облетая его невысокую фигуру. Железнурук сходу ворвался в один из старых домов, и Тритон через несколько мгновений запрыгнул за ним, оказываясь в тёмных катакомбах. Старая привычка с закрытием одного глаза, помогла тут

и бывший штурмовик мало-мальски мог ориентироваться в сумраке старых катакомб. Он увидел ускользающие ботинки, уходящие в темноту. Стараясь услышать каждый шорох, Тритон рванул за железноруким. Стрелок носился по катакомбам, как будто не смущаясь непроглядного сумрака, царившего в подземельях. Тритон такой способностью не обладал и постоянно прикасался ладонью к стене, чувствуя, как свежий бетон сменяется поросшими зеленью кирпичами, а потом и вовсе каменной кладкой. В один момент стена резко расширилась, и бывший штурмовик вслух выругался. На удивление, ухо Тритона слышало свой же отражающийся голос. До рези в глазах он вгляделся в темноту и увидел силуэт второго этажа. Оказалось, что это был какой-то зал в подземельях под городом. Где-то сбоку послышался шорох, и Тритон сразу же отпрыгнул в сторону, спасая от вжикнувшей по камню пуле. Распластавшись на полу, он два раза выстрелил в сторону, где только что была вспышка от выстрела. Пуля ударила во что-то металлическое и раздалось громкое шипение. Тритон вспрыгнул на ноги рванул в сторону стрелка. Шипение было всё сильнее, и бывший штурмовик выпрыгнул из-за колонны, направляя пистолет на стрелка. Однако нужды в этом не было, ведь железнорукий лежал у стены, пытаясь справиться с обезумевшей рукой. Тритон подобрал его отлетевший в сторону револьвер и поднял стрелявшего на ноги. Заткнув револьвер за пояс, он ударил рукоятью стрелка между лопаток.

– Попался, урод!

– Нихрена ты не понимаешь, штурмовик. Я ради нашей Родины стараюсь! – железнорукий сплюнул на пол.

– Сработали уже так одни. Вот и погрузилась наша страна в анархию.

– Капитан, образумься. Если будут жива старая монархия, то начнётся война. Ты же лучше меня должен знать, что будет, если Виваевский получит контроль над монархом. Мы потеряем малейший шанс на свободу! Опомнись пока не поздно и отпусти меня! Скоро ты всё поймёшь, но уже будет поздно...

Железнорукий хотел было сказать что-то ещё, но ещё раз получил рукоятью между лопаток. Тритон чиркнул зажигалкой и по пламени стал выбираться из подземелий. Потребовалось не менее получаса, чтобы вернуться на поверхность. Приходилось часто подбадривать железнорукого тычками пистолета в спину. На поверхности к тому времени солнце уже встало в зенит, и Тритон выволок стрелка на улицу. Тащить его было тяжело, и бывший штурмовик не нашёл ничего более логично, чем выстрелить в воздух. Буквально через несколько минут и к нему подбежало несколько бойцов, взявших бывшего штурмовика на прицел.

– Опустим ствол!

– Это глава штурмовиков, придурки. – из-за спин бойцов показалась здоровая фигура Пугача, который растолкал молодых офицеров, подходя к другу, – Поймал?

– Да. Этот чёрт во тьме видит, как мы с тобою днём.

Рыжебородый сел на коротки перед замолкшим стрелком и долго рассматривал его в упор, – Да он аугментированный.

Тритон убрал пистолет в кобуру и тоже присмотрелся. Его железная рука была обвита различными трубками, которые шли в прикреплённой к стальному плечу плоский болон. Одна из таких трубок и была перебита пулей Тритона. Один из глаз парня был с ярко выраженной фиолетовой радужкой и смахивал больше на кошачий. Капитан поднял правую руку стрелка и оттянув рукав его зелёного мундира, он увидел несколько коротких шрамов, оплетающих его предплечье. Тритон быстро обшарил карманы и быстро обнаружил какую-то ампулу. Достав её из внутреннего кармана мундира, он потряс колбу. Внутри был мелкий, похожий на маленькие кристаллы, голубой порошок.

– Далит. – Тритон ещё раз встряхнул колбу, показав её Пугачу, – Чистый, как родниковая вода.

Из-за спин бойцов показался ещё несколько человек. Чистая, опрятная чёрная форма выдавала в них солдат Охранки, которые занимались предателями и революционерами в рядах Империи. Тритон, под непонимающий взгляд бородача закинул в карман ампулу и посмотрел в глаза стрелка.

– Феникс.

Железнодорожник, прошептав слово, сделал быстрый жест ладонью и на его руке вспыхнуло пламя. Длинные языки огня поползли вверх по его руке, поглощая в себе тело стрелка,

который улыбался уголками губ, сжимая челюсти до скрипа. Температура была настолько высокой, что Тритон отпрыгнул назад, чувствуя, как опалились его брови. Бывший штурмовик смотрел за тем, как быстро сгорал стрелок, обращаясь в чёрную кучу пепла, не издавая ни единого звука боли. Огонь пожирал его кожу, уничтожал кожу и мясо. Пламя добралось до железной руки и притороченный к ней баллон взорвался, развеивая оставшийся от стрелка пепел.

Тритон поднялся на ноги и посмотрел на белую стену дома, на которой остался силуэт только что сидевшего там человека. Бывший штурмовик никогда не видел такой силы магии. Да, маги огня могли испускать струи пламени из своих рук, призывать дождь из огненных камней или создавать полноценные огненные волны, проходящие многие сотни метров и выжигая всех на своём пути, но их пламя никогда не могло стать таким, что люди в считанные мгновения превращались в простые кучки пепла.

– Чёрт бы его побрал... – сбоку поднялся Пугач, тоже подошедший к стене дома, – Пламя как из самой преисподни... – бородач снял фуражку и приложил её к груди.

Неожиданно из-за спин оцепеневших в удивлении бойцов показались люди в чёрной униформе. Они подошли к месту самосожжения, отогнав ошарашенных штурмовиков и попытались что-то отыскать.

Друзья же, остановив проезжающего гражданина, заставили, под предлогом помощи императорской армии, доста-

вить их к резиденции этого самого императора. Сама резиденция с каждым днём всё больше и больше превращалась в одну из крепостей, которыми был полон город. Пройти туда удалось лишь из-за одного проходящего рядом офицера пехоты, который заметил бывших штурмовиков на коронации. Уже там, внутри стен резиденции они узнал о том, что княгиня находится далеко не в лучшем состоянии. Пуля ныне мёртвого стрелка вошла в живот княгини-регента и пробив лёгкое, навывлет вышла из её спины. Лучшие врачи были вызваны к Анастасии, но пока что они не смогли вытянуть княгиню из комы, в которую она впала практически сразу после покушения. Больше информации врачи выдать не смогли, и друзья разошлись по своим комнатам, осознавая происходящее.

Тритон, не снимая своих крепких ботинок, рухнул на кровать и уставился в потолок, пытаясь развязать клубок мыслей в своей голове. Кто был этот убийца? Треугольный? Нет. Эти ребята просто ненавидят любого рода магов, даже тех, кто использует свои способности с помощью пересадок. Кто тогда? Сектант? Всё же Пугач правильно подметил то, что пламя было настолько горячим, будто шёл из самой Преисподни. Но зачем тогда железнорукий произнёс «Феникс», да и далит такой чистоты не может получить простой солдат. Виваевский? Он хочет прибрать всю власть к своим рукам? Тогда и налетевший на них самолёт вписывается в теорию, но зачем, если есть возможность просто взять всю их ком-

панию в плен ещё на пункте Лома. Во всяком случае, стоит быть осторожнее к этому генералу.

Не успел Тритон сесть на своей кровати, как в комнату ворвались чёрные мундиры гвардии. Их было пять человек и их обнажённые пистолеты в руках намекали на далеко не дружелюбные намерения. Бывший штурмовик не успел выхватить револьвер, но двинул плечом, ощущая покалывания на кончиках пальцев. Он посмотрел в уверенные лица гвардейцев, которые явно не ожидают сопротивления.

Главный из них, отличавшийся от своих бойцов лишь воронённым затвором своего полуавтоматического пистолета, выступил вперёд.

– Вратов Андрей, вы обвиняетесь в покушении на княгиню-регента. Сдавайтесь и вам будет сохранена жизнь.

Тритон стоял, пытаясь быстро найти выход из ситуации. Было непонятно, кто мог подумать над тем, что бывший штурмовик мог стать убийцей монаршей семьи, но кому-то это было выгодно. Тем более, что истинный убийца замёл все следы своей смертью. Хотя, Тритон сейчас мог стать простой пешкой на большой шахматной доске, где ведётся баталия за жизнь Империи.

– Капитан Вратов является почётным ветераном. Он не только воевал за нашу Родину, но и спас княгиню из рук кровожадного мясника. После его подвига вы хотите его арестовать? – позади чёрных солдат показалась высокая фигура генерала в сопровождении большого Пугача.

Гвардия выступает против генерала? Получается, что его власть далеко не такая крепкая, как Тритон представлял до этого? Или же это коротенькое театральное представление, для переманивания оставшихся штурмовиков на сторону лояльных короне сил.

– Это личный приказ майора Бактарова. – гвардеец повернулся к Генералу, пока Тритон тихо вытаскивает из кармана своё оружие.

Командир отряда гвардейцев ослабился, но вернул пистолет в кобуру и весь отряд вышел из комнаты, бросив злой взгляд на Тритона, который вернул поудобнее перехватился за рукоятку пистолета, понимая, что стрельбы удалось миновать.

– Капитан, мне нужно с вами переговорить. – генерал оправил свои одежды и вышел из комнаты.

Тритон переглянулся с другом и вышел за Виваевским. Они проследовали во всё тот же кабинет, где его в первый раз принял генерал. Сев за стол, генерал налил в стакан янтарного напитка и посмотрел в глаза сидящему напротив Тритону.

– Капитан, ты не растерял хватки. Как ты поймал его в подземельях?

– Старый приём штурмовиков. Этот стрелок явно знал подземелья под городом, да и глаз у него был не родной. – Тритон медленно потянулся ладонью к бедру, – Генерал, я видел его здесь – в резиденции. Откуда он мог здесь быть?

– Здесь? – генерал сощурился, – Среди солдат?

– Да. Я столкнулся с ним вечера. Неужели вы так безалаберно отнеслись к достойным посещения резиденции? У вас точно должны быть списки всех тех, кто имеет малейшие аугментации.

– По словам вашего друга у него была паромеханическая рука, заменена по предплечье левая рука, а также глаз. Всё верно?

– Да. Думаю, что оттиск на руке должен был сохраниться и вы сможете отыскать мастера.

Едва Тритон успел закончить свою фразу, как в кабинет вбежал запыхавшийся адъютант, глубоко вдохнув, он вытянулся по стойке "смирно" и приложив ладонь к фуражке, выпалил, – Господин генерал, в двух сотнях километров вниз по течению Великой реки был замечен бандитский отряд из Срединного Царства численностью в четыре сотни кавалеристов. Они переправились на самодельных понтонах и уже сейчас на нашей территории. Пограничный отряд выступил им на встречу, но был разбит. Налётчики разделились на несколько отрядов и самый большой из них закрепился в деревне Краснолесье. Что прикажете предпринять?

– Это не могли без меня решить?! – генерал сжал кулак, смотря на вбежавшего солдата, но затем расслабился и перевёл взгляд на Тритона, – Штурм же по твоей части? Поможешь?

Прелая листва и редкие веточки хрустели под подошвами крепких штурмовых ботинок. Тритон медленно шёл сквозь лес, стараясь как можно быстрее подобраться к окраине зелёной зоны, окружающей захваченную деревню. Жаркое солнце припекало, но бывший штурмовик не ощущал этого, чувствуя себя прекрасно за счёт надетого на себя снаряжения. Тяжёлый шлем с опущенным забралом, что сильно сужало обзор, латные наручи, закрывающие руки от плеч до самых кистей, толстая кираса и стальные щитки, прикрывающие голени. Весило всё это снаряжение далеко не один килограмм, но нагрузка была привычной, а потому практически не чувствовалась. Руки, затянутые в кожаные перчатки, сжимали совершенно новый полуавтоматический карабин, который ему достали прямым с резервных складов пограничных крепостей.

За спиной бывшего штурмовика шло отделение в десяток человек. Каждый из бойцов был снаряжён в серую форму штурмовиков и в привычное Тритону снаряжение. Бывший штурмовик удивился, когда на складе получил броню, но тут же проскочила мысль о том, что Виваевский явно рассчитывал возродить этот особый полк.

Глава 6

До места они добрались на небольших дирижаблях, высадившись в нескольких километрах от захваченного поселения, рассчитывая на то, что неискушённые войной с профессиональными армиями бандиты, не догадаются выставить дозоры. Уже там, выделенная Тритону рота, была разделена на множество отделений, которым был отдан приказ на окружение деревни. Правда, один из офицеров предлагал взять Краснолесье с наскока, но увидев злой взгляд командира, отступил.

На протяжении всего пути Тритон пытался понять, зачем налётчики решили закрепиться за рекой в этой деревне, а не продолжали совершать налёты на окрестные поселения? Наверяд-ли хоть кто-то из военачальников Срединного Царства настолько окреп, что попытался вторгнуться на земли хоть и ослабшей, но готовой биться восток Империи? Таких дураков там не водилось.

В один момент Тритон присел на колено, вздымая вверх сжатую в кулак ладонь. Прищурившись, он заметил, как под одним из кустов лежал боец, смотрящий куда-то в обратную сторону. Тритон повернулся к своим бойцам и приложил указательный палец к губам. Закинув карабин за спину, он вытянул из ножен свой клинок и перехватившись поудобнее, медленно зашагал к солдату, внимательно находя место

куда поставить ногу в беспросветной ночи леса.

Так он двигался долго, стараясь слиться с шумом ветра и оказался в паре шагов от солдата. В один прыжок оказавшись сверху, он приставил нож к шее солдата, слегка надрезая кожу на горле. Развернув его лицом кверху, он осмотрел напуганного бойца, выронившего оружие. Широкие, карие глаза, светлые, короткостриженные волосы, завившиеся усы и клиновидная бородка. Одет он был в привычный степнякам халат и кожаную шапку.

– Твоё имя?! – достаточно громко шепнул Тритон, – Сколько в деревне бойцов?! Какие у них позиции?!

– Je ne comprends pas ta langue! – залепетал пленённый солдат, поднимая ладони в защитном жесте, – Je vais tout vous dire, mais ne me tuez pas!

– Бонарит?! Какого чёрта вы тут делаете?! – яростно прошептал Тритон, сильнее нажимая ножом на горло пленника. Подняв того на ноги, он повёл светловолосого к оставленному отряду, который успел рассредоточиться, покрывая все сектора вокруг себя. Бросив его в листву и направив на него ствол пистолета, Тритон обратился к молодому и вёрткому бойцу, которого взял к себе в отделение, – Мотылёк, ты же в Республике обучался? Бонаритский знаешь? – дождавшись одобрительного кивка, он приказал, – Допросить!

Тритон присел на колени, продолжая целиться между глаз пленного из своего пистолета. Мотылёк быстро говорил с ним, явно общаясь на одном языке с светловолосым, кото-

рый не пытался скрывать информацию, с испугом косясь на зятянутого в серую броню штурмовика. Пленный попытался было подняться на ноги, но получив рукоятку пистолета в лоб, вновь рухнул на листву.

– Сотня бойцов. Остальные двинулись на Запад, но он не знает зачем. Весь отряд расквартировался по домам. У них есть винтовки, пистолеты и пара лёгких пулемётов.

– Он один с Запада?

Тритон посмотрел в сторону деревни. Где-то там было сто налётчиков и ещё полторы сотни мирных жителей. Бонаристы были далеко не лучшими бойцами, но опыта в войнах у них было достаточно, тем более что дисциплина у них была на порядок лучше, чем у любого из налётчиков Срединного царства.

– Восемь человек. Все из них офицеры.

– А почему он в разведке?

– Вызвался добровольцем. Надеялся сбежать. Их позиции тут, тут и тут.

Палец молодого бойца гулял по небольшой карте, которую разложил перед ним Тритон. Получив всю нужную ему информацию, он скомандовал отряду выдвигаться, оставив пленника на Мотылька. В голове Тритон представлял, как вокруг деревни сжимается кольцо из их роты. Оказавшись на краю леса, Тритон посмотрел в сторону деревни. Несколько человек, держа винтовки в руках, ходили из стороны в сторону, патрулируя или хотя бы пытаясь это делать. Обернув-

шись к одному из бойцов, он кивнул и тут же по лесу раздались крик совы. Выждав несколько секунд, отделение Тритона ринулось к деревне. Подбегая к дому, один из бойцов встал на колени, оперившись спиной на стену и сцепив пальцы в замок. Тритон с разбегу поставил ногу и его подкинули на второй этаж большого дома, стоящего на краю деревни. Штурмовик оказался на втором этаже и насколько это возможно тихо, толкнул дверь, ведущую с балкона.

– Qui es-tu? – в тёмной комнате оказался один из офицеров-бонаристов, спешно пытающийся чиркнуть зажигалкой, но так и оставшийся с сигаретой в зубах.

Тритон, стиснув зубы, успел ударить его прикладом в челюсть, сбивая офицера с ног и слыша отчётливый хруст. Бонарист упал, но перекатнувшись в бок, вытянул из сапога свой нож. Тритон понимал, что нельзя поднимать шумиху и выхватил клинок из ножен, прыгая вперёд. Бонарист ударил наотмаш, но его нож проскрежетал по защите руки, уйдя в сторону. Бонарист ударил ногой Тритона в живот, из-за чего рана прострелила сознание. Тритон рухнул на землю, но кувыркнувшись назад, вспрыгнул на ноги, уворачиваясь от очередного удара, нацеленного прямоком в щель забрала. Нож врезался в щель между досками пола и офицер не стал пытаться освободить его, а просто схватил отлетевший в сторону карабин и передёрнул затвор, направляя его в сторону Тритона.

– Н-н-на, мразь! – раздался звонкий удар чего-то твёрдого

О железо.

Бонарист рухнул на пол, выронив оружие, а в проникающем в комнату свете, показался невысокий мужчина в широких трусах и сковородкой в руке. Он почесал затылок, косясь на лежащий карабин, но оказавшийся в руках Тритона пистолет резко переубедил человека браться за оружие и тот медленно опустил сковороду, после чего поднял руки вверх.

– В доме ещё есть налётчики? Где пулемёты?

– Он был один. Один пулемётчик на мельнице у реки, а второй лежит на складе для брёвен.

– Держи его на прицеле.

Рукоятью вперёд Тритон передал пистолет мужичку и закинув за спину карабин, залез на двускатную крышу, устраиваясь удобнее. Приложив бинокль к глазам, Тритон посмотрел сначала на мельницу, где стоящий в полный рост пулемётчик был отлично виден даже в свете луны. Пулемётчик был намного более профессиональным и смог замаскироваться в куче налетевшей туда листвы. Выдал его новенький, отполированный ствол пулемёта, блеснувший в свете луны.

Тритон присел на колено, стараясь удержаться на покато́й крыше и прижал приклад к плечу, мысленно ругая себя за то, что не додумался установить на карабин увеличительную линзу. Штурмовик медленно выдохнул и прицелился в пулемётчика, понимая, что бонристы очень грамотно расставили пулемётчиков на возвышенностях, ставя желающих вторгнуться в деревню под перекрестный огонь, не давая и шан-

са на выживание. Тритон плавно нажал на спуск и в ночной тишине грохнуло. Вспышка на момент ослепила штурмовика, огненным шаром, вырвавшимся из короткого ствола карабина, но он был почти уверен, что тяжелая пуля вошла в его грудь, прорывая мясо и мышцы, дробя рёбра и пронзая сердце, выходя из спины вместе с фонтаном крови.

Выстрел послужил сигналом к начавшейся атаке, и рота штурмовиков открыла огонь по позициям налётчиков, прижимая к земле и быстро продвигаясь к близлежащим домам. Тритон, скользя по уложенной черепицей крыше, перебрался на второй скат, пытаясь выцелить второго пулемётчика, который успел переместиться на другой край и штурмовик с удивлением отметил, что пулемётчик был одет в так называемый костюм «леший». Упиравшись ногами в крышу, Тритон прицелился и открыл огонь по всполохам, идущим из ствола пулемёта. Штурмовик не знал убил ли он пулемётчика или нет, но стрелок заткнулся, позволяя всем силам наконец войти в окружённую деревню. Закончив свой магазин, он перезарядился и спрыгнул на балкон, а затем мягко приземлился на землю, где его дожидалось отделение.

Идти в бой Тритон дальше не решился. Он был командиром роты и как бы ему не хотелось помочь своим бойцам, понимал, что недавние ранения очень сильно снизили его боевые качества, а потому отдал командование одному из бойцов и вернулся наверх, где до сих пор стоял тот же самый полный мужчина, держащий на прицеле лежащего на полу

бонариста. Как только Тритон появился в проходе, то в кирасу ударила пуля, сбившая штурмовика с ног. Тритон покатился по лестнице, кувыркаясь по ступенькам. Рухнув на первом этаже, он резво встал на ноги, благодаря придумавших сидящем на нём шлем. Со второго этажа, перепрыгнув перила, спустился ещё один бонарист, ударивший стальными ногами по полу. Он поднял взгляд вверх и улыбнулся уголками губ. Из его предплечий выскользнули узкие и прямые клинки, напоминающие клинки шпаг. Тритон выхватил из кобуры пистолет и несколько раз быстро выстрелил в корпус бонариста. Пули со свистом уходили в стороны, вонзаясь в деревянные стены дома и Тритон попытался выстрелить в лицо напавшему, но тот прыгнул вперёд, пытаясь достать клинком в незащищённое горло штурмовика. Тритон закрылся рукой, отскакивая в сторону и опустошая магазин пистолета в полёте. Бонарист на своих стальных ногах скакал по стенам, вцепляясь в стены и уворачиваясь от пуль. Пистолет опустошился быстро, но ни одна пуля так и не попала в механизированного солдата, улетая в стороны. Бонарист бешеным прыжком оказался рядом с Тритоном, яростно вонзая клинки в то место, где секунду назад был штурмовик. Сам же Тритон перекатился, гремя бронёй по дереву и за ремень подхватил свой карабин, сразу же открывая огонь. Тяжёлые пули карабина дробили стены в мелкую щепку, преследуя бонариста, который пауком прыгал по стенам, уворачиваясь от лишней дозы свинца в собственном организме.

Видимо, в один момент бонаристу это надоело, и он выстрелил одно из своих лезвий, что устремилось в лицо Тритону. Штурмовик практически слышал, как смерть погладила косою его сердце. Лезвие звенело, стремительно подлитая в шею штурмовика и тот понимал, что не успевает закрыться и чувствуя, как сердце останавливается.

Видимо, удача вновь улыбнулась вояке и лезвие ударило в шею сбоку, не задев артерий. Однако разлёживаться на полу Тритон не мог, ведь бонарист прыгнул сверху, молниеносно атакуя штурмовика. Он свистел своими лезвиями, словно бестия, прорезая воздух и лишь немного не достигая тела Тритона. Штурмовик двигался всем телом, уворачиваясь от заточенной до уровня зеркала стали. Боль медленно поглощала тело Тритона, а рана на шее и не собиралась затягиваться, продолжая кровоточить. Времени перезарядиться не было, и Тритон использовал свой карабин словно щит, отбивая удары, но ситуация для штурмовика медленно ухудшалась, ведь биологическое тело Тритона начинало уставать от постоянных уклонений в отличии от механического бонариста. Тритону пришлось что-то делать.

Множества вариантов у него не было. Тритон постарался сосредоточиться, продолжая уклоняться от смертоносных ударов, чувствуя, как в кончиках пальцев начинается покалывание. Поднырнув под укол бонариста, Тритон ударил его в челюсть своим ножом, который он вытянул из ножен, отбросив опустевший карабин, но механизированный боец

успел отвернуть голову в прыжке, пытаясь пробить горло штурмовика.

– Хрен тебе! – Тритон прижал левую ладонь к груди бонариста, закрывая лицо второй рукой и мощным толчком перевёл энергию из всего тела в ладонь.

Белёсый импульс ударил в грудь механизированного воина, отправляя его тело к потолку дома, позволяя Тритону, пересиливая боль, подобрать карабин и перезарядить его. Бонарист тяжело рухнул вниз, звеня конечностями о деревянный пол. Механизированный солдат тяжело дышал, пытаясь подняться на ноги, но Тритон, держащий карабин одной рукой, встал на его спину и вдавил спусковой крючок. Пуля карабина влетела в закрытый капюшоном затылок бонариста, взрывая его голову. Смесь из крови, мозга и костей залила деревянный пол, а тритон всё продолжал жать на спуск, даже после того, как затвор щёлкнул в холостую.

В дом вбежал напряжённый Пугач, прицеливающийся в тело обезглавленного бонариста, – Живой?

Тритон несколько раз моргнул, возвращаясь в этот мир и закрывая рану ладонью. Вытянув из подсумка на поясе бинт, он приложил его к шее, останавливая кровь. Закинув за спину карабин, он пнул железную ногу обезглавленного бонариста, – Задача выполнена?

– Да. Среди гражданских потерь нет. Мы потеряли двоих двухсотыми и одного... – бородач посмотрел на друга, – двоих трёхсотыми. Потери противника мы ещё подсчитыва-

ем, но семерых мы взяли пленными: шестеро из срединного царства и один иностранец, предположительно из Республики Бонар.

– Значит их уже трое. – Тритон перезарядил свой пистолет, шипя от боли в руке, покрытой паутиной чёрных вен, – Пойдём наверх. Там есть ещё один пленник.

– Сиди давай. Ты ранен. – Пугач хлопнул друга по плечу и держа наготове свой карабин, поднялся наверх, но стрельбы не последовало, и вскоре бородатый здоровяк спустился вниз, ведя перед собой маленького мужичка и неся за пояс ещё одного офицера-бонариста.

За это время Тритон успел нормально заткнуть свою рану и присел подле обезглавленного трупа бонариста. Тритон достал поднял свой нож с пола и с усилием перевернув его тело, после чего разрезал довольно плотный серо-голубой плащ. Раздвинув в стороны его края, он осмотрел конечности бонариста, поражаясь мастерству, с которым они были выполнены. Тонкие газовые трубки и гидравлические мышцы переплетались между собой, образуя отличные конечности с широкими пальцами. В ножнах на предплечье у него были задвинутые клинки, а из центра ладони торчало сопло. Колени на ногах бойца были вывернуты в обратную сторону, что позволяли ему прыгать на огромные расстояния.

– Второй имплантант за двое суток. Совпадение? – Пугач толкнул мужичка на истерзанный клинками диван, закинув туда и тело уроженца запада.

– Похоже на то. – Тритон кивнул, поднимаясь на ноги и поворачиваясь в сторону Пугача, – О, ты же тот мужик с позеда! – штурмовик снял с головы шлем, утирая пот со лба тыльной стороной ладони.

– Барин, вы нас спасли! – мужичок попытался было встать с дивана, широко расставив руки, но его остановила огромная ладонь Пугача, вжавшаяся в его толстую грудь, – Я думал, что вы тогда погибли!

– Нам нужно возвращаться.

Тритон, через раскрытую Пугачом дверь, вышел наружу и вытянул из-за пояса широкую трубку. Подняв её в небо, дёрнул за шнур и землю освятило зелёным светом от удаляющейся вверх ракеты. Этот сигнал должны были увидеть за многие десятки километров и вскоре за ними придёт транспорт. Штурмовики собрали своих павших и раненных, после чего снесли всё добытое в бою оружие в одну кучу. Тритон подошёл к ней и поднял одну из винтовок, рассматривая её ложе, созданное из ясеня. На нём было выжжено клеймо в виде цветов тюльпана выложенных на манер ромба. Это было клеймо республиканского оружейного дома имени первого президента республики Поля Дюран. Тритон перебрал ещё несколько винтовок и один пулемёт. Везде было выжжено одно и то же клеймо из четырёх цветков. Если наличие бонаристов в рядах налётчиков ещё можно было объяснить желанием заработать денег наёмничеством, то вооружение явно показывало интерес республики к происходящему в Им-

перии.

– Где Мотылёк? – Тритон, не поднимаясь, повернулся к стоящему рядом бородачу.

Рыжебородый выругался и с места рванул в лес, снимая с плеча карабин. Тритон побежал за ним, сетуя на свою глупость. Лес принял их ночной тишиной, не пропуская ни одного звука. Здоровяк бежал первым, пробивая путь вперёд сквозь плотное переплетённое ветвей и шурша травой под ногами. Тритон хорошо ориентировался в лесах и хорошо понимал, что через несколько минут они оказались на нужной поляне, но там не было никого. Абсолютно никого. Тритон вытащил из разгрузки химический факел и свернул крышку, освещая поляну жёлтым светом. Капитан сел у дерева, где только недавно сидел пленный бонарист. Под ним было только пятно крови, расплзающееся по корням дерева, вылезшем из-под земли.

– Мать его... – выругался бородач, всплёскивая руками, – Куда они могли деться?

Тритон не ответил сразу. Он сканировал поляну, надеясь на то, что его отряд не затоптал все следы, что могли дать ответ на вопрос стоящего позади здоровяка. Химический факел давал достаточно света, позволив Тритону отыскать липкие капли крови, дорожкой идущие в глубину леса.

– Двигай к роте. – Тритон поправил ремень карабина и перепроверил свой доспех, – Возвращайтесь в город, а я отправлюсь за Мотыльком.

– У тебя ран больше, чем полосок на зебре! – Пугач помогал головой, – Я возьму отделение и отправимся за мальцом.

Тритон кивнул, и Бородач рысью понёсся в сторону деревни. Капитан дождался, пока здоровяк уйдёт и отправился по следам, до рези в глазах пытаясь отыскать следы в непроглядной темноте густого леса. Поляна оказалась в нескольких километрах, но Тритон всё ещё шёл по следам еле видимых в траве капель крови. Он поднимался по холму, цепляясь руками за молодые деревья и сетуя на боль в боку. Взобравшись на верхушку холма, Тритон заметил, как в низине перед ним, что-то поблёскивает. Приложив окуляры бинокля к глазам, штурмовик понял, что в низине встал небольшой домик, из окна которого и мигал свет.

Тритон по холму обошёл дом с той стороны, где не было окон и только потом стал спускаться по пологому склону, стараясь не шуметь в ночной темноте, хотя и понимал, что в лесу это практически невозможно сделать. Подступив к окну, он осторожно заглянул туда, пытаясь увидеть хоть что-то разглядеть. Оказалось, что свет исходил от плохо работающего газового фонаря, что освещал сидящую у стены чёрную фигуру. Тритон выхватил из кобуры пистолет и осторожно потянул дверь на себя. Она со скрипом открылась, и штурмовик кинул внутрь подобранный тут же камень. Ни взрыва, ни крика, ни стрельбы не послышалось, и Тритон вошёл внутрь, рассматривая дом сквозь прицел пистолета. Из горницы он проник в жилую комнату, а затем и в кухню, но ни-

чего кроме пустоты и забвения он найти там не смог. Штурмовик присел подле сидящего в доспехе тела и под прицелом пистолета снял с головы человека шлем. Молодое, чисто ещё от шрамов и ран лицо и светлые, вьющиеся волосы даже в темноте давали понять, что это Мотылёк. На его бедре была глубокая рана, нанесённая узким клинком. Что-то подсказывало Тритону, что она была нанесена таким же оружием, что использовал убитый им бонарист. Тритон вытащил из подсумка бинт и разрезав штаны Мотылька, перевязал до сих пор кровоточащую рану. Подняв фонарь, капитан увидел, что лицо молодого штурмовика сильно побледнело от вытекшей крови. Тритон быстро снял с него тяжёлую броню и вскинул его молчаливое тело на плечи. Капитан быстро побежал по знакомому лесу, стараясь как можно быстрее доставить Мотылька. Силы медленно покидали капитана, но тот продолжал тащить тело практически в беспамятстве, не разбирая дороги в поглощающей тьме, заливающей глаза. Последнее, что он увидел, это то, как к нему подходят несколько человек, держащие штурмовиков на прицеле...

Глава 7

Тритон очнулся от громкого рычания, уже представляя, как к нему крадётся огромная зелёная рысь, водящаяся в этих лесах и уже, распрощался со всеми. Но раскрыв глаза, он увидел столпившихся над ним штурмовиков. С трудом повернув голову, капитан увидел, что лежит в медицинской палате и что к его руке присоединён катетер, через которую вливалась кров из пакета.

Штурмовик вдохнул и прохрипел пересохшим горлом, – Мотылёк жив?

– Жив, куда ему деваться. – Пугач огладил свою бороду, присев на рядом стоящий стул, – Крови он, конечно, потерял прилично. Молодец, что не послушал меня.

– А ты сомневался в командире? – Тритон принял от стоящего рядом бойца стакан и залпом осушил его.

Рыжебородый усмехнулся и медленно помотал головой. Тритон вытащил из руки катетер, через который в его кровь вливалась какая-то странная жёлтая жидкость, и свесив ноги, ступил на холодный, выложенный белой плиткой, пол. Хрустнув позвоночником, он размотал обожжённую кисть и убедившись, что от ожога не осталось и следа, откинул бинт на койку, где только что лежал и обратился к стоящему Пугачу.

– Где он?

– В коридор и налево через две двери. Мы внизу будем. – даже не пытаясь противостоять командиру, бородач отошёл вбок, пропуская Тритона вперёд.

Капитан проверил стоящую рядом тумбочку и быстро натянул на себя привычную форму. Оружия рядом не было, а Пугач с бойцами уже ушёл, потому пришлось идти к Мотыльку без него, чувствуя себя голым. Тритон быстро прошёл по коридору, встречая удивлённые взгляды медсестёр и оказался в палате Мотылька. Молодой штурмовик лежал на кушетке и медленно моргал, пока старый доктор ощупывал его бедро. Услышав открывающуюся дверь, доктор вскочил со стула и повернулся к входящему капитану, взмахивая руками.

– Вы зачем встали?! Вы должны лежать!

Седой медик, постарался вытолкнуть капитана из комнаты, но тот лишь отодвинул его к стене одной рукой, подходя к кушетке и садится на стул, сложив руки на его спинке. Он всмотрелся в чёрные круги на глазах Мотылька и заговорил, – Ну как ты?

– Нормально, командир... – молодой штурмовик, поднял ослабшую руку вверх, вытянув большой палец, – Сказали, что вы меня спасли. Спасибо, командир!

– Ты лучше лежи и просто отвечай на мои вопросы. – Тритон пару секунд помолчал, дожидаясь пока доктор выйдет из комнаты, – Куда делся тот бонарист с которым тебя оставили?

– Он резко вонзил мне меч в ногу и вырубил. Очнулся я в каком-то доме, а он надо мной стоит с каким-то шприцом. Я сразу взбодрился, почувствовал, как энергия потекла по венам и думал, что разорвусь от её переизбытка. У меня начали гореть конечности и казалось, что я стал огнём, хотя никогда не владел магией. Злость поглощала меня, и я готов был сжечь этого урода! Но боль поглотила меня, и я отключился.

– Шприц... – Тритон поражённо вздохнул и потёр ладонями лицо, прошептав, – Неужели далит? – капитан сильно моргнул и посмотрел на уставшее лицо молодого бойца, – Ты не увидел, куда он потом пошёл?

Получив отрицательный ответ, Тритон похлопал подчинённого по плечу и пожелав удачи, вышел из палаты, сразу спускаясь по бетонным ступеням вниз. Оказавшись на крыльце, он сел на ступени, подставляя лицо слабому ветерку. Тут же стоял Пугач, дымящий пахучей сигаретой.

– Чего ты такой смурной? – бородач протянул другу пачку.

Тритон принял пачку и сноровисто выщелкнул из неё белый цилиндрик сигареты, поймав её губами. Чиркнув газовой зажигалкой, Тритон затянулся и отдал сигареты другу. Выпустив облако забористого дыма, капитан сказал, – Что-то не так. Какой вменяемый командир пустит половину полка на самоубийственную операцию, не объявляя войны? Неужели Республика Бонар решила объявить нам войну? Но даже так эта операция остаётся глупой. – Тритон в несколько

глубоких затяжек докурил сигарету и потушив её о подошву ботинка, – Надо добраться до резиденции. Есть у меня пара мыслишек.

– Какие проблемы, командир?! – бородач ухмыльнулся, – Давай за мной!

Друзья дошли до парковки за чугунными пиками забора госпиталя. Пугач подошёл к длинной машине и быстро зажёл газовую горелку, нагревая паровой котёл под капотом машины. Тритон сел на переднее пассажирское сиденье и рядом за широкий руль автомобиля рухнул Бородач, демонстративно нажимая на педаль газа. Пар заполнил котёл и двигатель зарычал тигром, делая и так широкую улыбку бородача ещё шире.

– Ты когда успел машину раздобыть? – улыбнулся Тритон, удобнее располагаясь в глубоком кожаном кресле.

– Андрей, ты два дня в отключке валялся. Кто-то же должен ротой был управлять, пока командир поправляется, вот Виваевский и подогнал транспорт! – рыжебородый похлопал ладонью по «торпед» и выжал газ, поднимая пыль из-под колёс.

Машина, рыча двигателем и сделав круг, вырвалась с парковки госпиталя и рванула по лесной дороге, оставляя за собой жёлтую от пыли стену. Тритон смотрел на счастливого друга, который резво ввёл машину, явно наслаждаясь развитой скоростью. Раньше, такой детской любви за этим здоровьем замечено не было и потому капитан удивлялся, смотря

на стрелку спидометра, которая быстро приближалась к семидесяти километрам в час. Дорога была пустой и ехать было можно, но Тритон чувствовал дискомфорт, слыша свист шин. Тритон не остановился, даже когда нормальная асфальтированная дорога сменилась на, не самого лучшего качества, грунтовое покрытие, ведущее в расположение генерала.

Пугач, вместо самого Желтоозёрска, привёз Тритона в одну из военных частей, расположенных подле города. Она вся была окружена по периметру высокой, в три человеческих роста, бетонной стеной по всей длине которой стояли четырёхугольные вышки с пулемётчиками. По верхушке стены зубьями стояли бойницы в которых показывались ходящие по периметру стены солдаты. Дорога, ведущая к стальным воротам, была увенчана стальными ежами, заставляющими вилы. Подъехав к воротам, Тритон почувствовал несколько взглядов на себе, идущих сквозь прицелы винтовок. Подошедший офицер, заглянул в кабину и сразу узнав рыжебородого, пропустил машину внутрь. Пугач проехал в часть и припарковался между военных грузовиков. Выйдя из машины, капитан осмотрелся. По части туда-сюда сновали бойцы с оружием наперевес, пыхтели своими парогенераторами машины, перевозя грузы по территории части, а паратроники угрожающе смотрели в небо своими стволами. Тритон двинулся за рыжебородым, что привёл его в большую, обтянутую маскировочной сеткой, штабную палатку.

Штабом эту палатку назвать было можно с сильной натяжкой. Складные столы были уставлены приказами и отчётами, а по краям палатки были поставлены треноги с картами. Тритон, входя в палатку, быстро посмотрел на них и с удивлением обнаружил на одной из треног карту города Владиморье – главного порта востока Империи. Сам генерал Виваевский стоял у одной из карт, не обращая на сновавших тут и там младших офицеров, однако обратил внимание на входящего капитана.

– О, Андрей, вы пришли в себя? Хочу отметить, что вы провели блестящую операцию. – Виваевский пожал протянутую штурмовиком ладонь и подошёл к растянутой карте Владиморья.

– Спасибо. – Тритон кивнул, – Вы допросили пленённых налётчиков?

– Нет. Сейчас у нас есть более насущные проблемы. – генерал ткнул пальцем на край карты, – Империя Белых Островов вывела из портов свой флот и тот встал на рейде у наших морских границ. Ни один корабль не пересёк её, и они хранят молчание. На всякий случай я выслал им наперерез наш флот, но стоит быть до конца уверенным. Посмотри свои взглядом, есть ли у них шансы взять город.

Тритон присмотрелся к карте. Империя всегда дорожила этим своим оплотом на Востоке, а потому насколько это можно, укрепили всю береговую линию, хотя бы мало-мальски пригодную для высадки. Однако, это было больше полу-

века назад, а за это время умение убивать друг друга у людей многократно возросло. Всего шестьдесят лет назад, люди ходили друг на друга в плотных линиях, паля в себе подобных из фузей, заволакивая поля боёв белой пеленой порохового дыма с редкими прогалинами магических заклинаний. Ныне же, артиллерия могла бить на многие километры, кроша в пыль бетонные укрепления и разрывая на мелкие кусочки из крови и мяса. Хотя, воевать в старых укреплениях всё лучше, чем в голом поле, тем более, судя по карте, Виваевский смог подтянуть туда дальнобойные орудия, которые смогут перебить наступающих ещё на подходе. Миномёты, пулемёты, гаубицы, паратроники – всё было в наличии у гарнизона города.

– Будет нелегко, но я бы высадился на севере. Там слишком близко жилая застройка и в случае того, если они смогут преодолеть полторы сотни метров по пляжу, которые отделяют их от зданий и закрепятся там, то выбить их оттуда будет очень проблематично.

– Хорошая мысль. Приму её к сведению. – генерал взял со стола карандаш и начертил несколько линий на карте, после чего снял её с треноги и передал ту одному из молодых офицеров, после чего повернулся к стоящим штурмовикам, – Вы хотите сами допросить пленных?

– Да. Сделаем это быстро. – капитан утвердительно кивнул.

– Хорошо. – генерал что-то чиркнул на куске бумаги и

передал его в руки Тритону, – Все инструменты вам в руки. После подготовьте свою роту – она нам скоро понадобится.

Штурмовики вышли из палатки и вскоре погрузились в машину. Пугач вырулил из военной части и погнал в сторону стоящей поодаль от города тюрьме. Титанического размера тюрьма стояла здесь не так давно, но успела передержать в своих толстых застенках немало самых опасных преступников Империи. Проехав несколько стен из проволочной сетки и крепких, клёпанных ворот, они оказались в небольшом дворике, где пришлось бросить свой автомобиль. Один из надсмотрщиков принял от капитана бумагу и быстро повёл штурмовиков в застенки, толщина которых была не меньше метра. Два серых бойца в сопровождении надзирателя спустились в подземелье, пройдя через несколько постов с вбитыми в бетон стальными дверями. Если в верхней части содержаться более или менее вменяемые преступники, то внизу, в довольно развитой системе подземелий, отбывали свои пожизненные сроки самые отпетые уроды: террористы, военные преступники, маньяки и другая шваль. Именно здесь и была камера с пленённым бонаристом. Доведя друзей до нужной камеры, надзиратель отпер гермодверь, пропуская их внутрь.

В камере, практически под самым потолком висел оглушённый бонарист. Оружие из его конечностей было удалено, но даже так он был смертельно опасен. У одной из стен стоял столик с различного вида предметами. Пугач встал в

углу, вытащив из кобуры свой пистолет и упёрся взглядом в бездвижное тело бонариста.

Тритон взял со столика широкий шприц, наполненный мутноватой зелёной жидкостью. Пощёлкав пальцем, по колбе, он нажал на поршень, выпуская оттуда весь воздух, ведь ему нужен был живой, а не мёртвый бонарист. Капитан аккуратно ввёл иглу шприца в шею и нажал на поршень, вводя в его кровь боевой коктейль из смеси разных наркотиков. Жёлтая жидкость медленно втекла в кровь заключённого. Он резко распахнул веки, бешено вращая глазами с просто огромными зрачками. Он задёргал конечностями, пытаясь высвободиться из оков цепей. Тритон отошёл на шаг, дожидаясь, когда шок от боевого коктейля пройдёт и организм полностью примет себя в всю химию.

– Очнулся, скотина? – ухмыльнулся Тритон, смотря в медленно сужающиеся зрачки висящего бонариста, – Говорить будешь или подождём?

– Быстрый ты, зараза... – оставив родной язык, пленник облизал пересохшие губы, осматривая цепи, на которых и был подвешен, – Думал, что так расправлюсь...

– Ты гляди на него. По-нашему лабает, как мы с тобой! – Тритон повернулся к другу, удивлённо покачав головой, – Значит беседа пойдёт несколько быстрее. – капитан поставил перед собой стул и сел на него, сложив руки на его спинке, – Нахрена вас направили на такую миссию?! То, что ты наёмник, даже не пытайся говорить. Не в первый год живу.

Пленник дёрнулся от пробежавшей по телу дрожи, что свидетельствовало о том, что организм полностью усвоил влитый в него состав, – А кто же мы тогда? – бонарист непроизвольно задёргался.

– Республика готовит вторжение?

– Так я тебе и сказал! – бонарист сплюнул на пол перед Тритоном.

Капитан покивал и подошёл к столику, выискивая нужный инструмент. Перед ним бы разложен целый арсенал, который использовался на допросах. Проведя пальцами по инструментам, он подхватил молоток, подкидывая его и примериваясь к тяжести. Удовлетворённо кивнув, капитан вернулся к пленнику и с размаху опустил его на вполне себе человеческую грудь бонариста. Раздался хруст костей и Тритон почувствовал, как сломалась пара рёбер у пленника, который, в свою очередь, лишь прошипел от боли. Поняв, что рёбра не сильно беспокоят бонариста, Тритон откинул молоток и поднял скальпель. Крутанув его в пальцах, капитан начал медленно вырезать слово на груди пленного. Тонкое, заточенное лезвие скальпеля без каких-либо проблем проходило сквозь мясо, разрезая мясо и жилы. Алая кровь струилась по торсу пленного, капая с него и звонко разбиваясь о бетонный пол. Руда жизни медленно исходила из тела пленника, создавая своим звоном симфонию смерти. Пленник мычал и стонал, не размыкая губ, пока Тритон, ни чувствуя ни капельки сожаления, довырезал «Ад» на животе пленника. Тот сокру-

шённо ослаб, свесив голову и тяжело дыша, продолжая подрагивать от бушующего внутри крови коктейля.

– Зачем вас послали?! – Тритон приподнял голову пленника, смотря ему напрямиком в глаза.

– Я ничего тебе не скажу... – одними губами прошептал бонарист.

Капитан забрал у Пугача пистолет и навскидку выстрелил в колено пленного. Тот заорал нечеловеческим голосом, чувствуя, как раздробилась на мириады осколков его коленная чашечка. Лужа крови под бонаристом быстро увеличивалась, а штурмовик медленно ввёл в рану скальпель, проворачивая его в ноге. Крик сменился воем. Настолько древним и первобытным, полным истинного ужаса, что стоящий в углу здоровяк почувствовал, как по его спине пробежала целая дивизия мурашек.

– Отвечай! – Тритон с размаху ударил пленника снизу-вверх, лишь чуть не ломая челюсть, – Нет. Ты не умрёшь. Будешь мучиться у меня здесь до падения небес, но скажешь правду.

Капитан штурмовиков откинул в сторону скальпель и взялся за грубо сложенные плоскогубцы. Он обхватил губами инструмента и резко нажал на ручки. Хруст, крошащегося зуба заполнил комнату, а крик сменился скулением побитой собаки. Бонарист сжался, наполненными страхом глазами, смотря на Тритона и боясь пошевелиться. Капитан же, подошёл к столику и аккуратно взял прозрачную стеклянную

ную банку, которая была наполнена отблёскивающими медью нитями. Он подошёл к пленнику и дал ему посмотреть на банку.

– Знаешь, что это такое? – он постучал пальцем по стеклу, – Ты точно знаешь. Живая проволока. Да, это именно она. Она не кормлена практически неделю, и ты помнишь, что тогда будет? Она учует кровь и вонзится в твоё тело. Она будет пробивать твоё мясо и оплетать органы, медленно отравляя их и заставляя их гнить. Ты умрёшь, но будет это медленно и мучительно. Ты будешь умолять меня застрелить тебя, но я буду лишь смотреть за твоими страданиями...

– Мы... Мы отвлекали войска... – бонарист шмыгнул, трясаясь от обуздавшего его ужаса, – Мы смертники... Каждый из нас смертельно болен... Мой мозг отравлен и медленно умираю, но вам нужно искать агентов...

Больше он ничего сказать не успел, содрагаясь в сильнейшей дрожи, после чего отключился. Тритон вытер руки о лежащее на столике полотенце, подзывая к себе стоящего за дверью надсмотрщика. Он открыл дверь и посмотрел на штурмовиков напуганными глазами.

– Он в отключке. Перевяжите его – он ещё может пригодиться.

Быстро приняв приказ, надсмотрщик подозвал к себе местного медика, пока пара штурмовиков вышла наружу из душных подземелий тюрьмы. Тритон то и дело ловил на себе осуждающий взгляд Пугача, который внешне до сих пор

выглядел спокойным.

– Не я пришёл на их землю, а они на мою. – отметил капитан, смотря в сверкающее на небе солнце.

Глава 8

Пленный бонарист не обманул. В Желтоозёрск, пользуясь общей суматохой, проникли десятки агентов из республики Бонар, который упорно принялись развивать там свою шпионскую сеть. Личная гвардия молодого Императора быстро и эффективно провела несколько операций, один за другим, арестовывая агентов, предотвращая беды для восточного остатка Империи. Флот Империи Белых Островов, стоящий на рейде на границах, развернулся и ушёл, видимо не решаясь нападать на хорошо укреплённый порт. В бывшей столице, треугольные пытались разрешить продовольственный кризис, не обращая внимания на отколовшуюся провинцию в которой происходила своя игра. Потоки новобранцев за всё время сильно сократилась, превратившись из бурной реки в скудный ручеёк. Однако Виваевский почему-то медлил, не пытаясь вернуть оставшуюся часть страны, но явно заботила его не вероятная смерть соотечественников.

Тритон всё же вступил в армию, приняв звание майора. Сразу же, по вступлению, он принялся за муштру своей роты, а затем занялся вычищением окрестных лесов от расплодившихся бандитов и изредка отбивали нападения из Среднего царства. Престиж и влияние штурмовой роты росло в геометрической прогрессии и это не могло не отражаться на самой личности их командира – Тритоне.

После одной из тренировок, когда Тритон сидел на скамейке и тяжело дышал, сложив руки локтями на покатые бока шлема, к нему подошёл какой-то боец, в форме которого сочетались гражданские и военные элементы одежды. Солнце пекло нещадно, но майор даже и не думал делать поблажки для своей роты, понимая, что к ней быстро возвращается слава одного из элитнейших отрядов на континенте.

– Вы майор Вратов? – боец подошёл вплотную, осматривая вспотевшего офицера.

– Так точно. – Тритон утёр выступивший на лбу пот тыльной стороны ладони, – А кто интересуется?

– Господин Купецкий. Он приглашает вас на личную аудиенцию сегодня. Если вам будет удобно, то я могу вас привезти туда прямо сейчас.

Незаметно рядом оказались огромный Пугач и светловолосый Мотылёк, а Тритон посмотрел на прибывшего бойца. Он был серьёзен, а множество шрамов, покрывающих его лицо, указывали на то, что он больше привык посылать во врага пули, чем переносить письма, словно гонец.

– Я прибуду сам. Передайте мне письмо и скажите Купецкому, что я прибуду в течении дня.

Тритон отправился в душ, смывая с себя пот вместе с усталостью. Рыжебородый пугач был оставлен в части для управления ротой, а молодой Мотылёк отправился вместе с командиром в качестве поддержки. Не смотря на ранение, светловолосый боец смог быстро восстановиться и вернуться в

строй роты. Дворянское происхождение и воспитание сделали из него прекрасного воина, сила которого ограничивалась лишь отсутствием опыта.

Именно с Мотыльком, переодевшись в повседневную форму, они, на борту внедорожника, поехали на написанный на письме адрес. Тритон сидел на пассажирском сиденье, поправляя кобуру с трубчатым пистолетом. Через несколько часов они оказались перед производственным зданием высотой в шесть этажей. Мотылёк заглушил мотор, и Тритон выпрыгнул из машины. Перед входом из стеклянных дверей, стояли двое бойцов в странной форме и с короткими карабинами в руках. Это было удивительно, ведь после покушения на княгиню простым гражданским было запрещено носить при себе любое оружие, а привратники не были похожи на бойцов регулярной армии, а для ополчения были слишком хорошо вооружены.

– Мы прибыли к господину Купецкому по его личному приглашению. – Тритон протянул охраннику письмо.

Боец с натянутой на лицо маской, быстро пробежался по длинным строкам письма. Затем, просканировав взглядом лицо майора, он безмолвно пропускает штурмовиков внутрь здания. Военные прошли внутрь, где на мягком стуле их ждал тот самый боец, который и передал письмо майору. Он махнул рукой, и они вошли в лифт на паровой тяге, который быстро поднял их на шестой этаж. Тритон, слушая шелест тянущих их вверх тросов. Боец был серьёзным, и Три-

тон опасался входить с ним в небольшое помещенные, но понимал, что простой человек не осмелился бы просить аудиенции у главы штурмовиков.

Они оказались на шестом этаже и, выйдя из дверей лифта, оказались в коридорчике перед небольшим кабинетом. Перед дубовыми дверьми стоял один из охранников, который держал в руках помповый дробовик. Сопровождающий их шрамированный боец кивком отдал команду, и другой охранник отпер дверь, пропуская штурмовиков внутрь. Там, в богато уставленном иностранной мебелью кабинете, за дубовым столом сидел мужчина.

Он был лет сорока от роду и имел не сильно высокий рост. На треугольном, увенчанном седеющими чёрными волосами, были посажены зелёно-голубые глаза, один из которых был закрыт моноклем. Он поднял своё начинающее стареть лицо, а затем и поднялся сам, показывая свой отлично сшитый синий шерстяной костюм в редкую и узкую белую полосу. Жестом руки он выгнул бойца из своего кабинета и подошёл к ожидающему майору.

– Я долго ждал нашей встречи! – Купецкий наклонился и двумя руками пожал протянутую Тритоном ладонь, – Не думал, что, когда ни будь встречусь с столь влиятельным командиром.

– Давайте ближе к делу. – Тритон ответил на рукопожатие, не проявляя ни единой эмоции.

– Да-да конечно. – Купецкий вернулся на своё место и

предложил штурмовикам сесть, что они и сделали, – Предполагаю, что вам нужны ответы зачем я вас сюда пригласил. – мужчина постучал пальцами по столешнице, – За последний месяц, вы, Майор, получили народное призвание и немалый авторитет среди лояльных короне сил. Конечно, это не остаётся без внимания генерала Виваевского, но кто вы для него? Враг или союзник?

Тритон не стал мгновенно отвечать. Он давно понял, что в нынешней ситуации не один офицер не может остаться в стороне от происходящего внутри лоялистов. Он смотрел в сосредоточенные глаза Купецкого, вспоминая всю добытую на него информацию. О его рождении достоверной информации не было, но многие в городе судачили о том, что Купецкий происходил из простой семьи, работающей в поле. В будущем, тяготясь своим происхождением, на скопленные средства смог подкупить одного из имперских чиновников, который переписал ему документы, присвоив младший дворянский статус, открывая молодому парню многие дороги. Тогда на страницах истории он и появился, как Купецкий. Позже, он стал одним из чиновников своего земства, а затем карьера пошла в гору, из-за чего тот не шёл по ступенькам, а спокойно ехал на лифте благополучия. За год до убийства Императора, Купецкий стоял на посту министра хозяйства Восточного Края, в котором он и встретил клику Виваевского, стремительно закрепившись в его правительстве. Но что он хотел сейчас?

– Я полагаю, вы мне предлагаете союз? – Тритон достал пачку сигарет из нагрудного кармана и закурил, чувствуя исходящее от Мотылька напряжение, – И на каких условиях.

– Люблю военных. Вы быстро говорите и делаете это по делу. – Купецкий тоже закурил, но вместо белой сигареты, министр держал в зубах толстую, импортную сигару, – Да, именно это я и предполагаю. Нужна мне от вас защита. Да, у меня есть небольшой отряд для моей собственной защиты, но по сравнению с армией это плюнуть и растереть. Вы же, авторитетный и опытный командир, который сможет помочь мне в случае конфликта.

Тритон не ответил, но быстро встал из-за стола, мгновенно выхватывая из кобуры свой пистолет. Мотылёк понял всё сразу и успел взять на прицел охраняющего бойца, заставив поднять того руки и не позволяя поднять дробовик. Сам же командир штурмовиков медленно подошёл к испуганному Купецкому, который от страха сжал пальцы на столешнице и не размыкал их.

– Вы вздумали тут детский сад разводить, когда наша Родина раздирается гражданской войной? Когда брат стоит против брата, а отец против сына?! Неужели, ты один из тех паразитов, которые кормятся за счёт простого народа, стараясь загрести под себя всё больше и больше власти?! – холодный ствол пистолета вжался в лоб Купецкого.

– Нет-нет! Я не это имел ввиду! – Купецкий медленно разжал пальцы, – Я всего лишь хочу, чтобы наши с вами жизни

были в безопасности.

– Если я узнаю, что хоть кто-то из вас попытается подмять власть под себя, то лично всажу пулю напрямик из этого пистолета.

Тритон вернул оружие обратно в кобуру и вместе с Мотыльком вышел из здания, ощущая между лопаток испепеляющие взгляды бойцов Купецкого. Тритон пытался унять злость внутри себя, но лишь распался всё сильнее и сильнее. Уже в лифте он ударил кулаком по металлической стенке, оставив там вмятину.

– Командир, можно вопрос? – Мотылёк посмотрел в глаза Тритону.

– Дерзай.

– Почему вы его так не возлюбили? Он даёт вам дельное предложение. Вы предполагаете, что будет, если генерал снимет с вас свою милость?

– Мотылёк, дружище, – командир положил ему руку на плечо, выйдя из дверей, – ты, благодаря своему происхождению и образованию, лучше меня в политике разбираешься, но за прошлый месяц должен понять, что с чиновниками у меня в принципе взаимная нелюбовь. Готовы мы друг другу пасти рвать.

Вернувшись в свою часть, Тритон засел в арсенале, самолично пересобирая и прочищая всё имеющееся там оружие. Это монотонное занятие всегда восстанавливало спокойствие в его голове, структурируя мысли. Вышел он из ар-

сенала уже под вечер в специально созданном там подкопе. Оказавшись за сетчатым забором части, Тритон проверил своё снаряжение и через лес двинулся в сторону города. Там, в нескольких километрах, у одного из притоков стоял элитный во всех его проявлениях посёлок. Густые сады, искусные заборы, крепкие и красивые сады, охранники из числа частных военных формирований, защищающих местных богачей.

Тритон, спустя несколько часов прямого хождения через лес, смог обогнуть город и сел на опушке леса, рассматривая посёлок сквозь окуляры бинокля. Вдоль посёлка патрулировали вооружённые солдаты, а жители, судя по отсутствию света в окнах, уже крепко спали. Тритон вернул бинокль в подсумок и быстрой перебежкой оказался у высокой бетонной стены посёлка. Штурмовик размотал крюк-кошку и перекинул её через забор. Потянув за верёвку пару раз, командир полез по ней вверх и вскоре перемахнул через стену, оказавшись внутри посёлка. Свет стоящих фонарей, показал его тёмную фигуру на улице, и он рванул к нужному дому, перемахнув через невысокую ограду. Гараж был пристроен к дому и Тритон, подпрыгнув, зацепился руками за край крыши и подтянувшись, оказался наверху, скрываясь в тени. Аккуратно забравшись на крышу второго этажа, он как можно тише пошёл по крыше, подходя к слуховому окну. Неожиданно, тёмные облака изверглись ливнем, обрушивая тонны воды на землю. Тритон поскользнулся на крыше и чуть не

рухнул вниз. Зацепившись за раму слухового окна, он встал на колени и вытащил из сахарной сумки ручную дрель. Радуясь дождю и матерясь при этом, он аккуратно высверлил держащие раму винты и держа её маленьким весом на одной руке, забрался на чердак дома. Медленно положив крашенную в белый раму окна, он вернул инструмент на место и подполз к люку. Он оказался не заперт и потянув за кожаную петлю, Тритон открыл себе путь вниз. Зацепившись руками за край, он тихо спрыгнул вниз, упав на мягкий, узорчатый ковёр, который покрывал весь коридор на втором этаже. Ментально в руках штурмовика оказался трубчатый пистолет и длинный нож с треугольным лезвием, напоминавшим лист ивы. Самодельную карту дома, полученную от бармена, он помнил наизусть, а потому медленной поступью пошёл по тёмному коридору. В конце него была красивая, резная дверь из красного дерева и Тритон, положив ладонь на руку, провернул её, отпирая дверь.

Внутри комнаты с зелёными стенами, за столом, уваленным множеством бумаг, спал дородного вида мужчина в белой рубашке, пошедевшей пятнами из-за обильно выступившего пота. Тритон медленно запер дверь и обошёл стол по кругу, держа храпящего мужика на прицеле своего пистолета. Помимо бумаг, на столе стояла ажурная стеклянная бутылка, на донце которой до сих пор была янтарного вида жидкость. Тритон схватил мужика за его редкие, приглаженные волосёнки и оттянул назад голову, приставив клинок ножа к шее.

– Ч-что... – пьяный мужчина с усердием проснулся, еле открыв глаза, – Ты кто *ик* такой?

– Смерть твоя. – Тритон чуть сильнее надавил ножом на шею, подрезая верхний слой кожи, от чего тоненькая струйка крови потекла по жирной шее мужчины, – Где документы, о отправке оружия налево?

– Ты знаешь кто я такой?! – он попытался было встать, но получив рукоятку ножа в затылок, быстро обмяк, – Тебе чего *ик* надо?

– Книга учёта о отгрузке оружия срединникам. Быстро!

– Ты же отсюда не уйдёшь... Тут охраны целая рота... – мужчина качался, пытаясь прийти в сознание, протягивая руку к бутылке, – Будешь как кролик после охоты...

Тритон вздохнул и одним движением впихнул галстук в рот мужчины, после чего перехватил пистолет и с размаху резко ударил им по пальцам мужчины, слушая, как хрустят фаланги под рукоятку пистолета. Жирный мужчина хотел было завизжать, но инородные предмет в его рту не дал ему этого сделать.

– У тебя есть два варианта: либо ты быстро отдаёшь мне документы и получаешь свинцовое избавление, либо, – Тритон вытащил из нагрудного кармана пузырьёк с кристалликами далита, – я всыплю тебе весь этот пузырьёк и больше часа ты будешь испытывать адские муки, желая, чтобы я тебя пристрелил.

При виде пузырька в руках штурмовика, мужчина съё-

жился и мелко закивал. Тритон отпустил его волосы, и пьяный мужчина заковылял к одному из углов комнаты. С трудом отодвинув стоящий там комод, он потянул за одну из досок и открыл подпол. Он несколько секунд там копался и резко повернулся к Тритону. Он увидел, как в руках мужчины в свете лампы блеснул воронённый ствол пистолета и сам вскинул своё оружие. Хоть пистолет в его руках имел детище оружейного гения – интегрированный глушитель, но даже так хлопок оказался весьма громким. Медленная пуля влетела в голову пьяного и повернувшись там, вылетела с частью мозга, забрызгав зелёные стены. Мужчина рухнул на пол, а Тритон подошёл к проёму в полу. Там в углублении лежала забрызганная кровью папка. Подняв её, он оттер страницы от крови висящем на стуле пиджаком и убедившись в том, что это нужный ему документ, он быстро выбежал в коридор.

– Вы кто такой?! – закричала высокая и худая, уже не такая молодая женщина, вставшая посередине коридора.

Не найдя ничего лучшего, Тритон ударом ноги в живот отправил женщину в полёт, и та упала посередине коридора. Штурмовик перешагнул не подающее признаков жизни тело и вновь зацепившись за край потолка, подтянулся и оказался на чердаке. Выбравшись из дома, Тритон услышал, как за стеной лает собака и пригнувшись, побежал вдоль забора. До сих пор льющийся ливень скрывал шаги штурмовика, но тот, матерясь про себя, вышел напрямиком к единственному

входу в посёлок – военному КПП. Стянув маску с лица, он вышел на свет.

– Стоять! Кто идёт?! – послышалось со стороны КПП и в свете газового фонаря, штурмовик заметил, как в него целиться из винтовки.

– Солдат, ты совсем охренел на офицера оружие наставлять?! – взревел Тритон, широко шагая в сторону бойца.

– А, это вы, ваше благодродие... – солдат вернул винтовку обратно на плечо, испуганно смотря на стоящего перед ним штурмовика и вытянувшись в струнку, – Не признал, господин майор!

– Вольно! – скомандовал офицер и спокойным шагом прошёл рядом с солдатом.

– ВашбрODE, вы пойдёте пешком в такую погоду?

Тритон не ответил и пошёл по прямой дороге, натянув на голову капюшон. Выйдя из поля зрения стоящего на въезде бойца, он свернул в лес и как можно быстрее двинулся обратно в сторону своей военной части. Через несколько часов, уже глубокой ночью он вернулся в своё жилище и спрятав журнал между матрасов, быстро вырубился.

На следующее утро его разбудил вошедший в его комнату здоровяк Пугач. Он принёс в руке письмо с указаниями, которое майор и раскрыл, протерев пред тем свои заспанные глаза:

«Майор Андрей Вратов, ваша рота должна немедленно выступить на Запад в квадрат М-78. Силы революционеров

пошли в наступление и, прорвав фронт, захватили станцию снабжения «Буркино». Вы должны вернуть её под контроль в кратчайшие сроки и удержать до поступления подкрепления.»

Тритон покивал и отдал приказ на сборы войска. Сам же, натянув походную форму, двинулся на склад продовольствия его части. Пока рота штурмовиков собиралась, он всунул журнал в подмеченный ящик из-под овощей, после чего вышел к бойцам. Рота была собрана за несколько минут и на грузовиках отправилась в аэропорт. В аэростаты за считанные минуты были погружены все нужные припасы и три цепелина с ротой на борту, поднялись в воздух. Высадиться пришлось в нескольких километрах от нужной точки, ведь в густом лесу было довольно сложно найти место для приземления. Голая пехота выдвинулась в лес.

Тритон, вместе с Мотыльком выдвинулись на разведку. Центр снабжения был и вправду огромен и майор, осмотрев её в бинокль с дерева, длинно и витиевато выругался, понимая, что людей под его командованием слишком мало. Даже во время их разведки он рассчитал, как минимум пол сотни вооружённых человек, которые усиленно готовились к обороне, а сколько находится среди множества складов – вопрос самый сложный. По всем правилам войны, атаковать он должен был как минимум с трёхкратным численным преимуществом в живой силе. Однако, по всей видимости, командование это опять не беспокоило.

– Что будем делать, командир? – спросил лежащий среди травы Мотылёк, оторвав взгляд от окуляров бинокля.

– Чёрт его знает. Из миномётов нам бить сейчас точно нельзя, а иначе у нас вместо склада будет огромная воронка. В лоб идти на пулемёты будет глупо. – Тритон потирал бритый подбородок, пытаясь придумать план, но потом посмотрел на лежащих недалеко – Парни, вы оставайтесь и следите за ситуацией. При малейшем поползновении сразу пошлите посыльного.

Тритон с Мотыльком оттянулись обратно в своеобразный штаб, где пока что воеводил Пугач. Тритон достал полученную от командования карту узла и растянул её на земле. Узел состоял из пяти больших складов к каждому из которых тянулась железная дорога и депо, где временно должны были стоять перевозящие грузы паровозы. Сотни бойцов было слишком мало, но приказ есть приказ, а потому придётся его выполнять. Однако гнать своих бойцов на убой Тритон не собирался, а потому решил не брать точку сходу, рискуя нарваться в будущем на укреплённые позиции прогрессивистов. Атаку назначили на пять часов утра, когда измотанные после перехода и боя треугольные будут клевать носом. Для окружения точки бойцов было маловато, а потому штурм был назначен с северного направления.

В назначенное время Тритон сидел на окраине окружающего базу леса, поражаясь глупости руководящего треугольными командира. Он не догадался выставить ни одного сол-

дата в лесу, что могло бы предупредить его о подходе вражеских сил.

Все солдаты Тритона были готовы к бою, и он уже было хотел скомандовать штурм, но в этот момент к нему примчался один из его разведчиков, высланных дальше на запад по железной дороге. Там она шла меж нескольких холмов, червяком изгибаясь между их монолитными телами.

– Там бронепаровоз едет. – тяжело дыша сказал разведчик, опираясь руками о колени, – Три пушки, миномёты и пара паратроников. Если мы их пропустим, то хана нашему штурму.

В голове майора быстро сложился план и он, подхватив за собой несколько человек, рванулся напрямик через лес, надеясь успеть быстрее, чем это сделает паровоз. Напрямки было в несколько раз быстрее, а потому человеческие ноги могли обогнать мощь паровой машины.

Они успели. Паровое облако было ещё в нескольких километрах, и Тритон не придумал ничего лучшего, чем раздеть догола Мотылька и косметически привязать его к рельсам так, чтобы в нужный момент он смог оперативно развязаться.

Тритон сидел на одном из холмов, смотря на выходящий из-за холмов поезд. Шумный паровоз дребезжал железом, но медленно останавливался, видимо заметив лежащего на рельсах штурмовика. Стальная машина встала в десятке метров от «привязанного» Мотылька. Тритон переместился

по лесу и увидел, как один из железнодорожника вышел из-за бронированного борта бронепаровоза и осторожно подошёл к брыкающемуся Мотыльку. Он быстро освободил светловолосого и привёл его к двери, ведущей в голову состава. Молодой штурмовик старательно изображал панику, но держался в стороне от прохода, позволяя Тритону всадить пулю в голову машиниста, что он моментально и сделал.

Тело машиниста упало внутрь, и Тритон сорвался с места, добираясь до стоящего внизу паровоза. Вскоре он ворвался внутрь, стуча подошвами по стальному полу. Внутри оказалась лишь немногочисленная команда, обслуживающая один только локомотив. Они было попытались обороняться, но быстро опустили своё оружие, увидев чёрную броню напавших. Майор быстро пробежался по стоящим за локомотивом вагонам, осматривая стоящие там орудия.

Под командованием Тритона было пять бойцов включая одевшегося Мотылька, а также нескольких членов экипажа бронепаровоза. Было решено рискнуть малой группой, и вскоре стальная махина вновь двинулась по дороге под своими колёсами. Ворота части были всё ближе и ближе, но Тритон взревел, – Не останавливаться! – сильнее сжимая ладони на рукоятках пулемёта, смотрящего сквозь прорези бойниц на улицу.

Локомотив ударился о преграждающее его путь стальные ворота и с лёгкостью разбил их, разметав створки на многие метры в стороны. Тритон нажал на гашетку и пулемёт забил-

ся в его руках, стараясь сорваться с треноги. Грозное оружие поливало сотнями пуль находящихся на точке солдат, разрывая их мощным калибром. Гром в ушах стреляющих бойцов сменился на писк, заглушающий хоть какие-то звуки, но барабанная дробь падающих на пол гильз чувствовалось самим скелетом. Короб пулемёта опустел, но Тритон продолжал жать на гашетку в адском неистовстве.

Придя в себя, он схватил оружие, на ходу открывая огонь в бегающих тут и там солдат. Своей выходкой, штурмовики посеяли панику внутри базы снабжения, рассеяв ряды треугольных и позволив остальному отряду ворваться на территорию. Тритон палил из вагона, чувствуя, как щёлкают по броне винтовочные пули, летящие в ответ. Остальные штурмовики тоже стреляли, но более сдержанно, чем их командир. Мотылёк старался каждый раз целиться, пытаясь как можно эффективнее использовать имеющиеся боеприпасы. Ярость застилала глаза и Тритон, израсходовав все наличествующие патроны, хотел было перезарядить пулемёт, но тут кто-то похлопал его по плечу. Майор чуть не ударил наотмашь прикладом карабина, но вовремя заметил, что позади него стоит бородатый Пугач. Тритон видел, что его друг что-то говорил, но майор ничего не слышал, видя лишь шевеления губ. Догадавшись, он жестом спросил: «Всё?» и получив краткий ответ «Да», вышел из вагона, потирая оглушённые уши.

Анд складами и депо висели белые флаги, указывающие

на капитуляцию, а перед бронепаровозом на коленях стояло двадцать семь пленных треугольных. Пленники с ужасом озирались на облачённых в чёрные доспехи бойцов, что в некоторых были запятнаны кровью. Майор достал из кармана часы и понял, что бой занял чуть больше часу, которые прошли просто мгновенно.

– Скольких мы потеряли? – спросил командир штурмовиков, чувствуя, как к нему возвращается слух.

– Двоих трёхсотыми. – Пугач указал пальцем на санитаров, шевелящихся вдали, что перевязывали раненных бойцов.

– Хорошие трофеи, командир! – радостный от выигранного боя Мотылёк, похлопал по испещрённому пулями борту бронепаровоза.

– Раненных обработать, пленных в депо под охрану, а остальным по позициям.

Пленников разместили на полу в депо, заставив замолчать, но не применяя силы. Через несколько минут поступил отчёт. Треугольные в ходе боя потеряла семьдесят человек убитыми, и тридцать пять пленными, среди которых было восемь раненных, оставленных под надзором санитаров роты. Операция оказалась сверх удачной, но Тритон понимал, что помогли ему случай и глупость командира треугольных, который, стоит отметить, погиб в бою. Ещё через пару часов, в расположение штурмовиков прибыло отделение во главе с полковником Середцовым. Это был низкий, чернявый му-

жичок с очень противным голосом. Полковник старался зачесать свои волосёнки назад, пытаясь скрыть проплешину на затылке. Даже так, он прибыл на точку не в военной форме, а в парадном кителе, не снимая с груди медали и ордена. Полковник по-хозяйски прошёл в депо, сложив руки за спиной и оглядывая стоящих на коленях пленников.

– Хорошая операция, майор! – своим гнусавым голосом воскликнул полковник, подходя ближе к сидящему на ящике и снаряжающему магазин своего карабина, – Ещё и бронепаровоз захватили! Красота!

– Это был твой приказ слать мою роту на штурм в одиночку? – добив патроны в магазин, он вщёлкнул его в гнездо и передёрнул затвор карабина, положив его себе на колени.

– Да, но вы же справились! – самовлюблённо хмыкнул полковник и вновь повернулся к пленным, – А они почему до сих пор живы.

Тритон поднял на полковника тяжёлый взгляд, направляя ствол своего оружия прямоком тому в грудь. Сопровождающие его солдаты вскинули оружие, целясь в Тритона, но находящиеся в депо штурмовики не подвели своего командира, взяв на прицел отделение во главе с полковником.

– А с какого хрена я должен их мочить, а, полковник?! – Тритон спрыгнул с ящика, медленно подходя к ничего не понимающему полковнику, – Это ты, крыса штабская, что-ли их в плен взял?

– Как ты смеешь говорить с вышестоящим по званию?! –

выкрикнул полковник, потрясая руками в левой из которых он держал пистолет.

Майор кивнул своим бойцам и те быстро разоружили сопровождающих полковника солдат, отобрав у них абсолютно всё наличествующие оружие. Тритон подошёл вплотную и недовольно выдохнув, без размаха ударил того кулаком в челюсть. Полковник отлетел на полтора метра и упал на бетонный пол. Он бешено вращал в испуге зрачками, пытаясь перестать ловить звёздочки в глазах. Середцов постарался поднять свой пистолет, но майор наступил ему на ногу своим тяжёлым ботинком и поднимая пистолет. Проверив патрон в патроннике, он вдавил ствол пистолета в высокий лоб полковника.

– Вот из-за таких как ты, я в армию возвращаться и не хотел. Знаешь почему? – не дождавшись ответа, Тритон продолжил, – Ты даже не заботишься о том, чтобы сохранить солдатам жизнь. Ты мог выделить ещё пару рот и не подставлять моих бойцов под пулемёты. Я лишь чудом не потерял ни одного бойца. – майор сорвал с груди полковника несколько орденов и запустил их в темноту депо, где они и звякнули, – А что насчёт них, – Тритон мотнул головой в сторону поражённых происходящим пленников, – то они для меня такие же люди, как и мои бойцы. Усёк?

Тритон фактически чувствовал на себе множество поражённых взглядов, но продолжал смотреть в глаза испуганного и одновременно удивлённого полковника. Стрелять он всё

же не стал и просто заткнул за ремень пистолет, после чего за грудки поднял полковника на ноги.

– Я тебя под трибунал отдам! – взвизгнул Середцов, – За нападение на вышестоящего офицера!

– Ага. Газуй отсюда, пока я тебя на тот свет не отправил.

Полковник, не рискуя конфликтовать с странным майором, быстро ретировался, захватив с собой своих обезоруженных бойцов. Штурмовики же, сидели на базе ещё три дня, приводя в порядок всю оборону точки. Пленных треугольных использовали в качестве свободной и главное бесплатной рабочей силы, но по личному приказу Тритона особого насилия к ним не применяли, да и харчей было решено не экономить.

По истечению трёх дней в пункт снабжения прибыли войска в количестве двух рот обычной пехоты. Тритон передал командование и вместе с конвоем отправил треугольных в лагерь военнопленных. Самих же штурмовиков отправили дальше на запад, а их командира отправили в столицу. Тритон по прибытию сразу оказался в палатке Виваевского в одной из деревень, где располагалась ставка генерала.

– Майор, вы меня искренне поражаете. Такая удивительная и эффективная операция. Вы не потеряли ни одного бойца, но захватили большие трофеи. Казалось бы, спокойно держите точку, но нет, вам надо ударить вышестоящего офицера! – Виваевский с каждым словом всё сильнее и сильнее повышал голос, – Вы думаете, что если вы ветеран и спасли

княгиню, то вам всё можно?!

– Из него офицер, как из дерьма пуля. – спокойно ответил майор, щёлкая костяшками пальцев, – С такими полковниками вы точно проиграете.

– Молчать! – генерал с размаху ударяет кулаком по столу, – Не забывайтесь! Он из древнего рода и с самого детства учился командовать!

– Видимо плохо учился.

Виваевский постарался ударить Тритона кулаком в лицо, но тот резко отклонился в сторону, уклоняясь от удара. Вспрыгнув на ноги, он перехватил руку генерала и заломив ту, прижал Виваевского к столу, выхватывая из кобуры пистолет. Один из охранников попытался было обезвредить штурмовика, но тот приставил пистолет к виску генерала.

– Отошли все! Иначе завалю его!

Охранники генерала отошли в стороны, направляя на штурмовика свои пистолеты. Тритон лихорадочно соображал, пытаясь выдумать план. Реальных возможностей вырваться ему в голову не приходила, а потому пришлось действовать по наитию.

Тритон двинулся из дома, где был штаб генерала, продолжая вжимать ствол пистолета в висок генерала. На улице были сотни солдат, которые, увидев взятого в заложники генерала, направили на штурмовика своё оружие. Он буквально чувствовал, как его тело за доли секунд наспиговываются десятками и даже сотнями свинцовых убийц. Спасало его

только то, что калибр у винтовок, коими были оснащены солдаты, был слишком мощным, способным пробить навывлет не только тело Тритона, но и тушку захваченного генерала. Тритон торопился, пытаясь уйти с территории деревни и скрыться в местных лесах.

– Майор, ты лучше отпусти меня. Ты же всё равно не сможешь отсюда живым выбраться! – шептал генерал, подняв руки вверх и медленно пятился за своим пленителем.

Тритон держал генерала на прицеле, медленно пятясь к спасительному лесу. До неё было метров сто – плёвая обычно дистанция, но сейчас быстро идти он не мог, ведь любое неосторожное движение могло привести его к смерти. Он всё пятился к «зелёнке», вертя головой во все стороны, а за ним, всё продолжали идти солдаты, медленно окружая штурмовика. Тритон выстрелил в сторону, не стараясь попасть. Пуля выбила фонтанчик земли из-под ног одного из бойцов, и они отшатнулись в стороны. До леса было пятьдесят, тридцать метров и штурмовик уже чувствовал запах спасительных елей, как вдруг над его головой просвистела пуля. Майор инстинктивно дёрнулся в сторону, чем непременно воспользовался генерал. Он ударил Тритон локтем в живот, от чего тот загнулся и попытался выстрелить, но не успел поднять голову вверх, как в челюсть ему угодил подкованный нос генеральского сапога, и майор мгновенно потерял сознание.

Глава 9

Очнулся он уже в бетонных застенках. Было неизвестно, сколько минуло минут, часов, дней или недель, но сутки тянулись одинаково раз за разом. Никто не посещал Тритона в этих четырёх застенках с одним единственным выходом в виде крепкой стальной двери, вбитой посреди одной из бетонных стен. Спёртый воздух, запах пота и одиночество были единственными спутниками Тритона, который пытался хоть как-то развлечь. Он, насколько позволяла скудная кормёжка, пытался поддерживать свою форму, отжимаясь, приседая и подтягиваясь на выступающей части двери. Его даже не вызывали на допрос и единственное, что ему оставалось, это распутывать клубок мыслей в своей голове. Тритон лежал на своей кровати, коря себя о том, что был недостаточно внимательным по отношению к генералу, но что теперь делать? Остаётся только ждать.

В один из дней, в очередной раз в дверь постучали и Тритон, напивая марш штурмовиков, подошёл к ней, ожидая как маленькую прорезь протолкнут алюминиевую тарелку, полной какой-то грязно-коричневой баланды. Он получил свою миску и ложку, после чего сел на койку и начал работать ложкой, закидывая тёплую массу себе в рот, стараясь не думать о том, из чего она была сварена. Поглотив всё содержимое тарелки, он хотел было отбросит её в сторону, но

взгляд зацепился, за одну из глубоких царапин на её донце. Тритон вновь схватился за ложку и быстро отскрёб закрывающие царапины, что сначала сложились в буквы, а потом в слова. Очистив миску, он прочитал получившиеся слово. «ФЕНИКС» было написано на дне, и Тритон откинул тару и посмотрел на закрытую дверь. Что означало это послание? Неужели они смогут до него добраться в тюремных застенках карцера? Тритон не мог дать ответа на свои же вопросы, ведь за всё время не смог найти ни строчки информации о этом странном человеке? Движении? Организации? После нападения на княгиню, Феникс исчез и никак не проявлял себя, а Тритон было решил, что это бы единичный акт терроризма, но теперь совсем не был в этом уверен.

Он провёл ещё какое-то время взаперти. Тритон пытался считать время по тому, как ему подают пищу. Происходило это, примерно, раз в десять часов и по грубым примеркам майора прошла ещё неделя, хотя и в этом он сомневался, ведь ослабевший о одиночества и тишины мозг, работал из рук вон плохо.

В очередной раз, получив от безмолвного охранника свою похлёбку, он скучающе попытался ей насытиться, погружая алюминиевую ложку в серое нечто, называющееся здесь едой. В очередной раз воткнув её в харчи, он почувствовал, как она уткнулась во что-то твёрдое, стукнувшее под металлом ложки. Тритон подцепил это и вытянул на свет. Оказалось, что это был пузырёк, подобный тому, что майор отнял

у террориста, тем более, что и наполнение было точно таким же. Далит. Чистейший порошок, дающий не только привыкание, но и позволяющий прочувствовать всю ту скрытую энергию, что текла по человеческим венам.

Тритон держал пузырёк на ладони и смотрел на стальную дверь. Что же хотел этим сказать загадочный Феникс? Хотя, вариантов было тут не так много: либо он даёт ему шанс погубить себя убойной долей далита, либо шанс на спасение. Первое было далеко не в стиле Тритона, ведь тот не привык сдаваться, пока бьётся его сердце, да и уходить в одиночку ему совсем не хотелось.

Майор встал на ноги и подошёл к двери, ощупывая её стальное тело пальцами. Металл в некоторых местах стал покрываться ржавчиной, но это не очень сильно мешало монолитности конструкции. Тритон метался в сомнениях, смотря то на свою левую руку, то на стальное тело единственной преграды. Насколько он знал, подобные двери вгрызались в бетон шестью штырями толщиной в его большой палец, а выбить их было практически невозможно. Тритон вновь посмотрел на свою конечность и задумался. Сможет ли его ослабленное тело собрать всю энергию и одним ударом освободиться? Он этого не знал, а потому помотал головой, сгоняя глупые мысли и большим пальцем отщёлкнул пробку. Он всыпал себе в рот всё содержимое бутылка и одним глотком всё поглотил.

Чистая, непорочная энергия потекла по его телу, проры-

ваясь по капиллярам и венам. Он чувствовал, как всё его естество размывалось в воздухе, пытаясь слиться с окружающим миром. Майор пытался совладать, крупица за крупицей собирая рассеивающееся сознание. Наконец, ему это удалось, и Тритон почувствовал, как его порочное тело вновь собралось, стягиваясь из частичек витавшей в воздухе энергии. Он рухнул на колени, смотря на свою руку, которую обвили паутинки чёрных, быстро пульсирующих вен. Тритон, прорываясь через обуздавшую тело боль, поднялся на колени и направил ладонь левой руки на дверь. Энергия, ждавшая своего часа, вырвалась из ладони белёсым лучом, пронзившим естество реальности и ударил в дверь. Послышался адский скрип стали и хруст рассыпающегося в прах бетона. Боль. Острая, тупая, ноющая, пульсирующая боль разрывала тело Тритон, расплавляя его тело.

Грохот упавшей двери, ударил по ушам, а вибрация прошла по полу, заставляя майора раскрыть свинцовые веки и подняться с промёрзшего пола. Его пошатывало, но рука была на месте, а вот дверь нет. Тритон, пытаясь совладать с помутневшим сознанием, зашагал к раскуроченному проходу, где в коридоре валялась стальная дверь. Под ней, даже через стену поднявшейся пыли, была видна торчащая рука с зажатым в ней пистолетом. Тритон инстинктивно поднял пистолет и проверив патрон в патроннике, засунул тот за пояс.

Пошатываясь, он брёл по толстой бетонной кишке коридора, опираясь о её стенки. Рука должна была адски болеть,

но она просто обвисла, не слушаясь ни одной команды из мозга. Сознание плыло, но он продолжал шевелить ногами, стараясь добраться до спасительного окончания коридора. Усталость взяла своё и Тритон прислонился к стене, медленно спуская вниз.

– О, ты очнулся!

Тритон открыл глаза, чувствуя, как содрогаются его многострадальные конечности. Повсюду был мрак, но он явно ощущал, как пол под ним явно движется. Потерев лицо ладонью, он присел, пытаясь разглядеть своего собеседника. В темноте были видны лишь очертания сидящего напротив человека. Судя по громоздким очертаниям и резкому голосу, это был мужчина, облачённый в военное снаряжение. Тритон потянулся за пояс, где должен был быть пистолет, но, как и ожидалось, его там не было.

– Слушай, майор, ты такой живучий, что оставлять тебе ствол было бы равноценно смерти. – хмыкнул сидящий у стены мужчина, – Удивлён, что ты рискнул принять такую огромную дозу и не откинуть копыта.

– Ты кто вообще такой и куда везёшь?! – Тритон потёр левую руку, которая состояла сейчас из сплошной ноющей боли.

– Ну, моё имя мало тебе скажет, но меня послал за тобой Курпатов. Думаю, что тебе от этого будет несколько легче, ну а едем мы на базу Феникса.

– Чёт я нихера не понимаю... – Тритон нащупал приби-

тую к стенке багажника полку и рывком сел на неё, – Курпатов, тюрьма, Феникс. Что вообще к чему? Башка и так раскалывается...

– Всё поймёшь чуть позже.

Дальше они ехали в полном молчании под звуками тарыхтящего двигателя машины. Дорога была не самой ровной, и машина тряслась, доставляя немалый дискомфорт израненному телу штурмовика. Дорога была длинной, и машина остановилась лишь через несколько часов. Мужчина отпер дверь изнутри, выпуская уставшего Тритона на волю. Он, пригибаясь, выпрыгнул из багажника и обомлел, раскрывая глаза.

Он стоял на склоне горы в окружении таких же каменных гигантов, покрытых зеленью трав и маковками растущих там, ветвистых деревьев. Таких каменистых громадин были десятки и сотни, если не тысячи и все они своими станами создавали причудливый узор на земле. Воздух был здесь чист и свободен от задымления заводов. Это место было прекрасно своим воздухом, видом и птицами, кружащими между титанами гор. Тритон стоял и просто дышал, понимая то, что если бы Эдем существовал, то был бы именно здесь.

– Красота? – встал кто-то позади.

– Да. – Тритон повернулся, – Может объяснишь мне, что тут вообще происходит?

– Неважно ты выглядишь, капитан... или может майор? – Курпатов поправил темно-зелёную кепи и махнул рукой, призывая следовать за собой.

Тритон последовал за полковником, оглядывая его нынешнее прибежище. Оно было высечено прямым в скале, на склоне которой он сказал. Монолитные, казавшиеся нерушимыми, стальные ворота разошлись, пропуская офицеров внутрь утробы скалы. Тритон шёл, осматриваясь и поражаясь помпезности этого странного строения. Широкие коридоры, выдолбленные в камне, позволяли разойтись не одному паротрону, а множество коридоров и ответвлений, давали ощущение того, что это было нечто иное, как вены скалы. Тут и там ходили военные в полном облачении, странно смотрящие на двух офицеров. Многие из них были снаряжены довольно странным оружием с барабанными магазинами, расположенными позади спускового крючка, но поражало даже не это, а то, какое количество стальных машин паротронов встречалось Тритону в коридорах. Они были разные: лёгкие, не больше двух человеческих ростов и большие, вплоть до десяти метров в высоту, которые при своём исполинском росте не задевали верхушками сводов рукотворных пещер. Были вооружённые пулеметами, пушками, миномётами и огнемётами. Были на колёсах, гусеницах и ногах. Их было такое величественное множество, что захватывало дух и одновременно вводило в недоумение. Зачем держать такой стальной кулак в очень неудобном для их использования ландшафте – горах? Зачем вообще полковнику такая сила? Почему здесь нет ни одного флага и что это за место? Полковник завёл его в один из закутков, где за стальными дверь-

ми оказался небольшой кабинет, убранство которого ограничивалось двумя железными столами, прямоугольным столом из того же материала и шкафом с документами.

– Интересная у тебя база, полковник... – Тритон сел на стул, сложив исхудавшие руки на холодную столешницу, – Откуда такое богатство?

– Если тебе именно это интересно в первую очередь, то я конечно отвечу. – Курпатов сел на против, сняв с головы свою кепи, – Это один из последних проектов павшей империи. Тут планировалась база испытания нового оружия, но не, как ты видишь, не особо успели. Благо, я успел сжечь всю документацию и пока никто нас не смог найти.

– Ладно, это не суть важно. – Тритон вытянулся, щёлкая позвонками, – Что вообще происходит?

– Думаю, что ты уже успел осознать, что из рядов треугольных я вышел сам. Не по пути мне с ними. – Курпатов вытянул из нагрудного кармана сложенный листок и разложил его перед штурмовиком, – Читай.

Тритон вперился глазами в белый прямоугольник. На листке хорошими чернилами был отпечатан «Кодекс Феникса».

– Ты у нас что ли Феникс?

– Не совсем. Читай дальше.

Тритон кивнул и продолжил читать чёрные строчки «Мы, верные сыны и дочери Рогозии, клянёмся своими сердцами, телами и душами, верно служить нашей Родине, не жалея

своих сил и жизнью. Клянёмся вернуть её величие, не взирая на внешних и внутренних врагов! Не остановимся, пока не возродится звезда нашей Родины! Положим же все силы для счастья нашего великого народа! Да восстанем из пепла, словно Феникс!»

– Феникс значит? И кто вы теперь? Левые или правые?

– Ни те и не те. Нам не нужна власть. – Курпатов покачал головой, – Главное, чтобы мир вернулся быстрее и на это всё меньше и меньше времени. Во многом благодаря тебе.

– Значит тот хреновый стрелок был из твоих?

– Да. Это мой просчёт, но возможно это будет и к лучшему. – увидев непонимание в глазах собеседника, он пояснил, – Княгиня до сих пор является регентом и будет на этом месте ещё довольно долго. Возможно, именно она есть ключ к остановке этой бессмысленной бойни.

– Почему? Она же из царской семьи, а ты не особо-то и похож роялиста.

– Ты не совсем понимаешь идеи нашего движения. Княгиня Анастасия имеет большое влияние среди сил лояльных короне. Скажу честно, меня удивило то, что она сумела не попасть под влияние Виваевского и не стала «говорящей головой». Она, в отличии от своего деда и отца, готова идти на уступки народу и именно она сможет нам помочь.

– Полковник, скажи мне прямо. Я хрен знает сколько был в одиночке и как-то очень туго соображаю. Давай прямо и по-военному. – Тритон сжал веки и сильно моргнул, собирая

остатки мозгов в кучку, – Пока вы похожи на кучку гномов, запершихся в скале.

– Ладно. Я предлагаю совершить встречу главных треугольных и княгини. У нас есть шанс, но мало времени.

– Встреча под покровительством Феникса? – штурмовик потёр короткостриженный затылок пятернёй, – Допустим, что по старым контактам ты сможешь как-то достучаться до «треугольных», но каким раком мы достанем Анастасию?!

– На это у нас есть ты.

Тритон резко перестал тереть свой затылок и резко вскинул голову, смотря напрямик в спокойные глаза Курпатов. Он пытался понять, какую же игру проводит полковник. Не так давно они были союзниками, но в отличии от генерала, Курпатов точно знал больше других. Всего два человека знали о том, что Тритон обладал способностям к магии, но теперь это стало достоянием общественности. Искренны ли его слова?

– Пугачёв за решёткой. – сказал полковник, почёсывая усы.

– Почему?! – Тритон вскочил со стула, ударив ладонями о стальную столешницу.

– Рота восстала, после обвинения тебя в измене и попытке убийства генерала. Часть из штурмовиков убили во время восстания, а часть сейчас в заточении. Хочешь их спасти?

– Да. – не задумываясь рыкнул майор, видя, как согласно кивает Курпатов.

11111111111111

Дорога была долгой. Очень долгой. Самолёт, паровоз, по-возка, конь, ноги. До Желтоозёрска Тритон добирался всеми возможными путями, стараясь запутать и очистить любые следы, что могли привести к нему разведку Виваевского. В том, что она была, майор не сомневался, ведь известия о том, что он сбежал, должны были очень быстро добраться до ушей генерала. Тритон шёл по степям и горам, болотам и лесам, но даже так не смог спастись.

Он лежал под разлапистым кустом, унимая бушующее в груди дыхание и сканируя взглядом окрестности. Четвёртые сутки штурмовик пробирался по таким родным и таким опасным густым зарослям восточных лесов. Передвигался он медленно, стараясь не пересекаться с истинными хозяевами этих земель. Это было не только опасно, но и преступно для тех, кто является здесь только гостем. Днём он как можно быстрее передвигался по зарослям, а ночью забирался на деревья, где, обмотавшись верёвкой, засыпал на ветвях. В один из дней, он перебирался вброд через мелкую, но крайне быструю реку. Перейдя её, Тритон уселся на противоположном берегу, переводя дух. Он сидел на пологом берегу, выжимая зелёные штаны и посматривал на светлое, доброе, приветливое солнце, ласкающее своими нежными лучами кожу сидящего штурмовика. Спокойствие поглотило сознание Тритона, заставляя его прилечь на тёплую траву и немного отдохнуть. Да, остановка могла означать смерть

множества его сограждан, но Тритон не успел восстановить-ся после своего пребывания в тюрьме, а потому ему сложно было совершать свой долгий марш-бросок. Именно поэтому он не сразу заметил, как в лесу на противоположном берегу реки, откуда он только что прибыл, ходят тёмные фигуры меж деревьев. Заметив какой-то отблеск в глубинах леса, он сорвался в кусты за своей спиной, подхватив лежащий рядом карабин. Улёгшись под одним из кустов, он стал рассматривать выходящих из леса людей, надеясь на то, что его не заметили.

Людей было трое и все они своим снаряжением смахивали на обычных охотников, бродящих среди деревьев в поисках дичи. Вообще, удачливые охотники имели немалый заработок от продажи, шкур, рогов, мяса и всего того, что могла отдать мать-природа. Но именно эти люди его напрягали в крайней степени. Хотя, это вполне могла быть обычная паранойя.

Тритон следил за ними через прицел и увидел, как троица всполошился, заметив лежащие на траве штаны, оставленные там майором. Все они сразу схватили оружие, шаря по противоположному берегу взглядами. Тритон прицелился одному из «охотников» в грудь и снял с предохранителя, не решаясь стрелять первым. Всё же, убивать без особой на то причины, ему не хотелось. Он продолжал следить и палец всё сильнее и сильнее сжимался на спусковом крючке, по мере того, как он наблюдал за тем, как двигаются эти лю-

ди. Они шли, прикрывая каждый свой сектор, просматривая окрестные леса на предмет возможных противников. Должны так двигаться охотники, не пытаясь соблюдать тишины? Наверное, нет, но и шуметь было бы опасно. Если эти люди хорошо подготовлены, то первым же выстрелом Тритон может выдать себя и тогда всё будет намного хуже. Но что делать тогда? Бежать по лесу всё в том же направлении? Без штанов делать это было опасно, ведь нельзя было быть уверенным в том, что его не укусит какая-нибудь змеюка, притаившаяся в траве. Выйти к ним с распростёртыми объятиями? Опасно – вдруг кто-то дёрнется, и Тритон так просто потеряет свою жизнь, а этого ему ой-как не хочется. Всё же выстрелить? С каждой секундой это решение казалось всё более и более логичным. Тритон выжидал, дожидаясь того, как они перейдёт реку, а то что они это сделают, майор был полностью уверен. Один за одним они переходили через реку, прикрывая друг друга, а штурмовик всё лежал на шрамированный всё лежал на траве в тени куста, сопровождая их фигуры прицелом своего карабина. Последний вышел на берег, и Тритон выдохнул, мягко нажимая на спуск карабина. Бить на поражение он не хотел, а потому пуля ударила одному из стрелков в плечо. Она прошла навывлет, заставляя залечь остальных на берегу. Позиция Тритона была удачной, и он видел остальных, а потому выстрелил второй раз, разбивая приклад одного из преследующих в щепки. Третий попытался убежать в кусты, где лежал Тритон, видимо не по-

нимая происходящего, а потому быстро получил пулю в голень, упав на песок и.

– Руки в гору, уроды! Иначе всех тут порешаем! – крикнул Тритон, держа единственного целого бойца, который пытался подтянуть за ремень лежащую рядом винтовку своего раненного в плечо товарища. Майор выстрелил, уложив пулю в песок рядом с головой, заставив того заложить руки за голову. Штурмовик вышел из кустов, готовясь в любой момент выстрелить. Все трое, лежащие на песке берега, с удивлением и злостью смотрели на ходящего над ними Тритона, который осматривал оружие преследователей. Все они были вооружены точно такими же, как и он, стандартными карабинами, калибр которых был слишком велик для охоты, – Кто такие?!

– Охотники мы! – крикнул раненный в ногу, наблюдая за тем, как Тритон собирает разбросанные по берегу карабины.

– Охотники, конечно-же... – хмыкнул Тритон, – Вы с такими гаубицами на белок здешних решили охотиться?

Тритон, собрав все пригодные патроны, с размаху закинул всё оружие в реку и повернулся к пленным преследователям. Под прицелом своего карабина, он обыскал пленников и вынул у раненного в ногу, лист с его портретом и приказам срочно ликвидировать.

– Охотники? А это что? – он кинул листок к голове одного из них, направляя на пленников карабин, – А это что? – щёлкнув предохранителем, он продолжил, – Лучше просто

валите на тот берег, а затем туда, откуда припёрлись. Думаю, ваше командование поймёт, что я способен вас разоружить. Чего ждём?! Побежали!

Бойцы ушли за реку, и Тритон рванул в зелёнку. Он сомневался, что это был единственный из отправленных по его душу отрядов, но самым везучим или не везучим – как посмотреть. В любом случае надо было двигаться, ведь в любой момент его голова могла получить лишнюю дозу свинца, смертельной для его похода.

Через несколько часов он подходил к одной из потерянных в лесах деревень. Напрямую входить туда он не стал, обогнув поселение сбоку. По прикидкам шрамированного, он до сих пор находился на территории треугольных. За прошедшие полтора месяца битвы в лесах кипели сильные, но даже так линия соприкосновения где-то сдвигалась на восток, а где-то на запад. Общая ситуация, однако, сильно не изменилась. Всё же, из-за не таких больших людских резервов, Виваевский не мог действовать стремительно, а нехватка офицеров у треугольных тоже не давала стратегического преимущества. Тем не менее, военачальники с обеих сторон понимали, что текущий паритет не устраивал никого, только пожирая ресурсы и волнуя население.

Тритон сидел в кустах, наблюдая за тем, как деревня готовится ко сну. Сенокос был в самом разгаре, а потому ложились поздно, полностью выкладывая свои силы. Вставали люди рано, а ложились поздно, из-за чего спали крепко.

Деревня была не самой бедной и из-за стен загонов слышалось блеяние, мычание и ржание. Слыша эти звуки, сердце его радовалось и сразу захотелось вернуться в свою деревню, где его ждало хозяйство, оставленное на соседа. Но сейчас она была не территории Виваевского и туда ему вход была заказан.

Войск внутри деревни замечено не было, и он медленно пошёл в сторону деревни, обходя поля по кругу. Подойдя к одному из домов, Тритон поправил ремень карабина на плече и постучал кулаком по отлично сбитой двери.

Кто-то, громко ругаясь, подошёл к двери и отпер щеколду, открывая проход, – Ты кто такой?!

– Путник я. Пустите переночевать? У меня есть, чем отплатить. – шрамированный достаёт из-за пазухи небольшой мешочек и трясёт им, издавая металлический звон.

– Заходи. Для всех место найдётся!

Тритон благодарственно кивнул и вошёл внутрь, пропускаемый хозяином. Сняв ботинки, он прошёл в главную комнату и сел на пустую лавку, стягивая с плеч куртку и оставляя к стене карабин. Мужчина-хозяин садится за стол напротив штурмовика, поднимая с деревянной столешницы нож и обстругивая отлично выделанный деревянный кинжал.

– Как у вас хоть дела? – штурмовик вытянул из мешочка серебряную монету и катнул её к угрюмому хозяину.

– А какая может быть крестьянская доля? – не проявляя никаких эмоций и продолжая точить игрушку, вопросом на

вопрос ответил мужчина, – Тяжело.

– Под треугольными как? – Тритон закурил и предложил сигарету хозяину, которую тот принял и закурил.

– Оброк ломают, как черти. Зерна и картошки им столько подавай, сколько земля наша выдать не может! Но, а что мне делать? Брать ружьё и в лес уходить? А что тогда с семьёй будет? Детки у меня, так что приходится жить.

– Тебе может патронов отсыпать? У меня лишние найдутся, а медведи залютовать могут.

– Не. Хватит у меня. – помотал головой мужчина и дотесав свою игрушку, отложил нож, – Ты спать собираешься?

Тритон кивнул и положил свой рюкзак на скамью. Уложив тот себе под голову, он лёг на скамью и закрывшись курткой, отвернулся к стене, быстро засыпая. Ночь была спокойной, а вот утром он очнулся прямо перед рассветом, от чувства того, что к деревне приближается рота кавалеристов. Сев на скамейке, он быстро вставил ноги в ботинки и поднял со стены карабин. Хозяина внутри дома он не обнаружил, а потому встал рядом с окном, осторожно выглядывая на улицу. На главную и единственную улицу деревни выехала конная сотня. Всадники спустились с своих коней и небольшими вооружёнными отрядами стали подходить к домам. О том, чтобы вступать с ними в бой и мысли не проскакивало, но и бежать из дома было сложно. Отряд из троих бойцов подошёл к его дому и Тритон щёлкнул предохранителем.

– Хозяин, открывай! – раздались удары кулаком по двери.

Поставив у дверей карабин, Тритон открыл дверь, – Что надо?

– Ты хозяин? Зерно приготовил?!

Тритон на секунду замолчал, выдумывая версию. Стоящий впереди мужчина не сильно смахивал на чистокровного офицера и был больше похож на деревенского пьянчугу. Чёрный треугольник на форме у его сердца, чёрно-красных элементов снаряжения и остроконечные шапки намекали на сторону конфликта, которую они заняли.

– Да. Подождите тут.

Прикрыв дверь, он быстро сконцентрировал всю силу в кончиках пальцев. Невидимый поток энергии ударил в дверь, снося её с петель. Деревянное полотно врезалась в стоящую за ней троицу, сбивая её с ног. Трито выбежал из дома и вытягивая из истощённого тела все силы. Лес был всё ближе, а стрельба за спиной уже разгоралась. Шрамированный прыгнул в ещё не убранную пшеницу, видя, как пули сшибают золотистые колоски. Он пополз по земле, спасаясь от смерти. Он ворвался в лес и тут в ногу прилетела пуля. Пройдя она по касательной, чудом не пробив бедренную артерию, что точно означала бы смерть. Всадники не входили в лес, но стрельба в деревне разгоралась, но пули практически не долетали в его сторону.

Кровь била из бедра, но Тритон продолжал двигаться по лесу, понимая, что остановка означает смерть. Силы кончались, и штурмовик оказался на поляне, садясь у ствола

дерева, опираясь о ствол винтовки. Вытащив бинт из кармана рюкзака, он стал перевязывать ногу, подняв голову к небу. Там, в стороне, покинутой им деревни, поднимались несколько столбов чёрного дыма. Штурмовик выругался, понимая, что не смог избежать жертв, подставив из-за себя простых людей. Чертыхнувшись, он поднялся на ноги и захромал в сторону нужной ему реки.

Нужная ему переправа была в нескольких километрах от его местоположения. На любом виде транспорта он растягивался на десятки километров из-за крайне сложного ландшафта, но человеческими ногами можно было пройти через секретные тропки, которые не числились ни на одной карте, оставаясь лишь в головах местных жителей. Своё оружие пришлось оставить глубоко в лесу, меж еловых ветвей, а потому плечи оттягивала кобура с верным револьвером.

Множество людей пытались перебраться через бурное течение реки, а потому огромной кучей столпились на одном из берегов реки, дожидаясь медленно ползущего по полотну реки парома. Людей было много – несколько сотен, бегущие с своих земель. Поправив свой рюкзак, Тритон вышел из леса и заковылял к переправе, надеясь на то, что местные бойцы его не узнают.

Казалось бы, зачем соваться напрямик в осиное гнездо, опасаясь получить пуля напрямик в лоб. Однако найти какую-либо возможную переправу было сложно, ведь глухие леса Востока, были не сказать, чтобы легко найти нужного

вида транспорт, а потому приходилось рисковать.

С каждой минутой напряжение у людей всё нарастало, из-за чего Тритон потянулся к кобуре, делая вид, что просто потирает раненное бедро. Началось всё с обычного бубнежа и немногочисленных озлобленных шёпотов, а потом кто-то яростно закричал, вздымая кулаки вверх и требуя быстрее перегнать паром на эту сторону.

– Заткнись! – рявкнул один из офицеров, поднимая винтовку, – Мы и так тут вас за бесплатно спасаем, а ты ещё что-то просить вздумал?! Давно плёткой по хребтине не получал?! – Офицер на минуту замолкнул, прищурившись и рассматривая стоящих на берегу людей, – С этого момента из-за вашего неповиновения, за переправу будет взиматься налог!

Тритон чертыхнулся, ощущая, что начинает закипать. Отдавать своё имущество он не хотел, но понимал, что не сможет победить в этом неравном сражении. Всё же, только на этом берегу он видел уже полтора десятка бойцов, да и на том берегу явно скрывался далеко не один роялист. Но что будет, если кто-то из солдат узнает его в лицо? Пуля в затылок – вот и всё.

Средь народа послышалось недовольное бурчание. Голосов были десятки и большинство из них принадлежали мужчинам, из-за чего численный перевес складывался не в сторону роялистов. Послышались щелчки затворов, и Тритон понял, что отступать поздно. Паром практически пристал к

берегу, но никто их крестьян, так и не собирався отдавать нажитый потом и кровью скарб.

– Последнее предупреждение! Отдайте свои вещи, а иначе разойдитесь! – крикнул офицер, пытаясь заглушить шум толпы.

– Вы грабители! – крикнул какой-то бородатый, доброго вида дедушка из толпы

Буквально через несколько мгновений Тритон услышал, как что-то щёлкнуло, и он тут же ничком пал на землю, в падении вытягивая револьвер. Раздался грохот пулемёта, выпускавшего из своей ленты десятки и сотни патронов. Свинцовые жала вырывались, сопровождаемые огненными цветками, выскальзывающимися из его ствола. Они рвали мясо и мышцы, дробили хрящи и кости, превращая не ожидавшую толпу в кроваво-костяную кашу. Оторванные конечности и обезглавленные тела, дополняли картину кровавой жатвы. Это смертельное оружие, способное убить сотни и тысячи человек за минуту, когда-то должно было прекратить все войны, но сейчас обратилось против простого народа.

Тритон лежал на земле, уткнувшись носом в ползущую по земле ярко-рубиновую. Сильнейший запах железа бил в нос, но шрамированный лежал и не двигался. Револьвер оказался прижат под трупом какой-то женщине, которой пули разворотили грудь. Бойцы не двигались, но где-то внутри Тритон ощущал, что если двинется хоть на миллиметр, то тут же схлопатает меж лопаток свинцовый подарок от щедрых

роялистов.

– Степаныч, ты совсем кукухой поехал?! – крикнул какой-то из солдат, – Нас Ломов на плахе вздёрнет!

Лом. Значит здешними пограничниками командует именно этот лысый офицер. Значит живым даваться ему точно нельзя, а потому приходилось лихорадочно размышлять, стараясь придумать план. Стрелять? Не успеет, да и за один барабан не справиться. Притвориться мёртвым? Возможно, но слишком рискованно. Он услышал шаги сапог рядом и почувствовал, как его тянут за ноги. Отпустив револьвер, Трифон услышал слова над своей головой.

– Оттащите их и в лесочке сложите штабелями. Я на тот берег поплыву. – послышался голос командира, палившего из пулемёта.

Его потащили. Солдаты, крехтя под весом нелёгкого Трифона. Несли его лицом вниз, а потому он видел, как его медленно несли к зелёному лесу. Его положили в небольшой яме, а затем уже на нём оказался ещё один труп, а потом ещё и ещё. Переноску тел закончили больше чем через час, но штурмовик продолжал лежать на холодной земле, продолжая дожидаться темноты. Тело болело под тяжестью тел, но лишь когда солнце начало опускаться за горизонт, тяжело выбрался из ямы и с облегчением лёг на землю, поднимая взгляд в небо.

Где-то со стороны переправы слышались приглушённые лесом голоса, бодро выстраивающие диалог. Деталей слыш-

но не было, но по наличию женских голосов, стало понятно, что новая партия крестьян прибыла к переправе. Тритон выругался, хлопая по своей голени. Из оружия у него остался лишь узкий клинок стилета, который он и вытащил, качая им по руке. Всё полезное снаряжения с его тела сняли, оставив лишь стилет.

Спустившись к реке, шрамированный отёр лицо от бурой, сухой крови. Сидеть на месте было бессмысленно, ведь задание не выполнено, а путь предстоит не близкий. Пригибаясь и стараясь слиться с землёй, штурмовик шёл по побережью, скрываясь во тьме. Практически ничего не было видно, но кучку людей, медленно входящих на баркас, заметить было довольно легко. Под звуком топающий по деревянному настилу баркаса, Тритон зацепился за борт, вставив в расщелину между досками нож. Баркас двинулся, в сам шрамированный вцепился в доски. Отцепись он и это означало бы верную смерть. Те пять минут, пока баркас двигался через реку, Тритон до побеления сжимал пальцы, мученически дожидаясь того, как паром удариться своим бортом о песочный берег.

Наконец борт пристал к берегу, и штурмовик отцепился, уставши отползая в глубину леса. Шрамированный насквозь промок, да и силы покинули его, а потому в лесу он сел у дерева, пытаясь восстановить силы. Без огня он навряд-ли сможет пережить эту ночь. Да, люди довольно рядом и дикие звери не нападут, но без огня он не сможет просохнуть и

подорванные иммунитет может не справиться. Однако разводить пламя было нельзя, ведь даже дымок от небольшого костра можно было заметить без особых проблем.

Переведя дух, мужчина вышел к границе леса в ночи рассматривая лагерь, откуда уже в ночи ушли все прибывшие к реке люди. В свете газовых ламп и лагерных костров, он насчитал пятерых бойцов, находящихся на улице. Конечно, ещё кто-то мог быть в кирпичной казарме, но это было исключительно предположением.

На берегу стоял пулемёт, за которым сидел клевавший носом боец, а позади него стояло двуствольное зенитное орудие, стволы которого были направлены напрямиком в борт баркаса. В голове промелькнула идея того, что это интересная идея. Такое орудие могло выдавать до двух с половиной десятков выстрелов восьмидесяти пяти миллиметровых снарядов. В случае чего, такое орудие в паре с пулемётом могло бы быстро потопить судно и отогнать атакующих на многие сотни метров.

Через несколько минут наблюдений, Тритон увидел, как бойцы группой двинулись в сторону казармы, оставив одинокого пулемётчика наблюдать за противоположным берегом. Перехватившись удобнее за клинок, шрамированный босыми ногами вошёл через в лагерь. Осторожно подойдя по песку к пулемётчику сзади, он зажал рот молодого бойца ладонью и подставил к его тонкой шее клинок.

– Только пикни! – шикнул Тритон, сильнее надавливая

ножом.

Уже в лесу майор забрал у молодого бойца сапоги, поясную кобуру с револьвером и ножны с пехотной шашкой. Сам рядовой с ужасом смотрел на Тритона, который примерял сапоги, направив заряженный револьвер в его сторону.

– Сколькой людей в казарме? – взведя курок, штурмовик прижал его длинный ствол ко лбу рядового.

– Д-д-десять... – икнув ответил тот и торопливо продолжил, – Один старший лейтенант и девять рядовых. Завтра должен Ломов на проверку прибыть.

– Всё таки Лом здесь командует... – Тритон почесал раненную щёку, – Всё лучше, чем я думал.

Штурмовик взялся за широкий ствол револьвера и с размаху ударил бойца в висок, вырубая того рукоятью. Сняв с него телогрейку, он завязал рядовому руки и ноги, обвязав вокруг молодой берёзы и ушёл обратно в сторону лагеря.

Из казармы слышался звон стаканов и пьяные разговоры. Тритон вошёл в лагерь и обнаружил оставленные на местах пехотные карабины. Шрамированный чертыхался, не понимая, как можно было быть таким безалаберным, оставляя оружие на местах, учитывая, что противники всего в нескольких десятках километров и передовые отряды могли прорваться за несколько часов, с наскоку взяв новые территории.

Тритон подхватил один из карабинов, раскидав по карманам покрытой кровью куртки полные обоймы и представил,

как он выглядит внешне – уставший, худой, обмазанный со всех сторон засохшей кровью с оружием в руках. Немудрено, что заспанный рядовой испугался и заглох, не выговаривая ни единого слова до позволения.

Проверив патрон в патроннике, Тритон пошёл в сторону казармы. Оттуда послышался приказ пьяного, осипшего от жизни голоса: «Ещё водки!». Шрамированный вступил на порог казармы и лицом к лицу встретился с пьяным рядовым, который шатаясь, на ходу расстёгивал портки. Его лицо очень быстро столкнулось с деревянным прикладом карабина в руках штурмовика. Пьяница повалился на деревянный пол, зажимая кровоточащий нос.

– Хлебальниками в пол! – крикнул во всю глотку Тритон, ради острастки выстрелив в потолок. Стальная пуля с лёгкостью пробила шифер, уйдя в ночные небеса, а один из пьяных роялистов неуклюже попытался выхватить оружие из кобуры, но штурмовик всадил в его живот пулю. Кровь, брызнувшая из живота и грохот карабина, подействовали гораздо более убедительно, чем словесный приказ майора.

Пленники медленно, но верно легли на пол, положив ладони на затылки. Тритон усмехнулся и встал у стены, забрав и оттащив всё вооружение в угол. Никто и не смел пошевелиться, а майор лишь посматривал на отнятые у пьяного офицера часы. До рассвета оставалось пару часов, но усталость, после длинного перехода брала своё. Не смыкая глаз и продолжая держать пьяных пленников на прицеле, муж-

чина помассировал раковины ушей несколько минут, сгоняя навалившуюся усталость. Это работало и в сознание возвращалась ясность. Штурмовик не сидел просто так, а с помощью найденного крепкого шнура, завязал конечности пленникам. Раненный в живот довольно быстро затих и стал медленно остывать, давя на нервы пленников, алкоголь из тел которых, вышел довольно быстро. Старые навыки пригодились и из найденных в ящике снарядов, он быстро смог смастерить бомбу с пружинным таймером. Такая бомба могла бы разорвать эту казарму в пыль.

Он сидел на стуле в углу, раздумывая о том, как бы дольше убивать Ломова. Как он узнал от Курпатова, Лом стал именно тем офицером, что принялся за изничтожение штурмовиков. Тритон всегда считал этого одноногого человека своим другом, а тот оказался крысой, вцепившейся в спину при малейшем шансе.

В один момент, на грани слуха послышался шум работающих двигателей. Тритон был более, чем уверен, что это обещанный Лом. Штурмовик повесил карабин на грудь и нажал на кнопку бомбы, после чего вышел на улицу. Там стояло несколько правых грузовиков до отказа набитых бойцами в однотипной форме. Свет их газовых фонарей осветил оставленный блокпост и стоящего у стены Тритона, который держал руки на ложе карабина. В голове майора медленно тикал таймер и с каждой секундой сильнейший взрыв был всё ближе и ближе. Таймер был поставлен ровно на три ми-

нуты, но механизм был с подковыркой, способной привести к мгновенному подрыву.

– Положи ствол! – крикнул один из бойцов, выпрыгнувших из грузовиков.

– Кто такие вы?! – вскинув оружие, Тритон направил ствол своего карабина в сторону крикнувшего бойца.

Лагерь до сих пор был объят тьмой, из-за чего было непонятно сколько бойцов сейчас перед ним, но даже так по громадинам грузовиков было понятно, что перед ним могло предстать не менее сотни человек. Часть из них выпрыгнула из своего транспорта, направляя оружие на Тритона, который стоял и не двигался, понимая, что стоит слишком близко и не понимая, что шальной осколок может пробить его. С каждой секундой жизнь всё утекала, но в голове не было вариантов того, как нужно поступить.

– Где Ломов? – рыкнул Тритон, щёлкая предохранителем.

– Я здесь, Тритон! – топя металлической ногой по приотпанной земле, на свет от газовых фар вышел лысоватый мужчина в синей форме гвардейских частей, – Опустит ствол. Я тебе не враг!

– Конечно! Прощайся с жизнью, урод! – майор сжал палец, практически слыша, как внутри перемещаются механизмы, а ударник чуть не пробивает капсулю.

– Погоди-погоди! – из кузова грузовика выпрыгнул огромного размера боец и вышел на свет с поднятыми руками. Он был в чёрном облачении штурмовиков и выйдя к майору,

боец поднял забрало, обнажая рыжебородое лицо, – Всё в...

– Минуту! – Тритон закинул оружие за спину и рванул обратно в казарму.

Уже там, командир штурмовиков прыгнул к коробке и сбил пружину, одновременно с тем вытаскивая подрывной патрон. Выдохнув, мужчина поднялся на ноги, слыша звон прыгающей пружины. Поднявшись на ноги, штурмовик повернулся, поднимая на ноги. У порога стоял Пугач, удивлённо смотрящий на лежащий в углу роялистов.

– Пугач, твою налево! Что мать его происходит?! Мне сказали, что штурмовиков расстреляли к чертям собачим! – майор подошёл и, молодецки ухнув, приподнял его.

– Всё очень сложно. – в казарму вошёл Ломов, протирая свою лысую голову от проступившего пота.

– Дружище, лучше объясни мне почему эта зараза здесь! – Тритон вытянул револьвер из кобуры и щёлкнув курком, направил в живот инженера.

– Короче, не буду тянуть. – рыжебородый сел на ящик с боеприпасами и снял с головы шлем, положив свою стальную защиту на колени, – Ломов нас спас. Да, он согласился нас уничтожить и закопать где-то в канаве, но по итогу мы сидели в отдалённом остроге под присмотром его бойцов.

– Ясно, но нахрена вы сюда вообще приехали?! – шрамированный вернул оружие обратно в кобуру и облокотился на стену, – Аж три грузовика бойцов.

– Виваевский двинулся головой. – прошуршал Ломов, –

Он всех нелояльных офицеров попытался под шашку подвести. Видимо, опасается переворота. Попытался отравить княгиню, чтобы стать регентом, но гвардия её смогла защитить и вот мы тут.

– Княгиня здесь? Сколько бойцов? Какой план?

– Да. Три роты гвардии и полурота наших. План? Договориться.

Тритон на мгновение завис, пытаюсь осознать происходящее. Похоже, что генерал решил провести чистки, пытаюсь сконцентрировать власть в только своих руках. Этому мешала княгиня? Чем? Где её телохранитель? Неужели Анастасия смогла как-то ему противостоять? Опять были одни вопросы, на которые приходилось искать ответы.

– Может и мне задать вопрос? – хмыкнул бородач, потирая лицо ладонью, – Тебя же пленили. Я думал, что убили тебя. Ну и как ты здесь вообще оказался?!

– Мне помог некий полковник Курпатов и мне нужна княгиня для переговоров.

– Значит у нас цели общие.

Этот голос был слишком нежен для мужчин, прошедших не одну войну, а потому Тритон отвёл взгляд от пола, в который смотрел, пытаюсь отыскать ответы. В казарму вошла княгиня, поражающая своим видом. От её лёгкости и простодушности не осталось следа. Она была необычно серьёзной, а держалась прямо и уверенно. Одежда с императорских платьев сменилась на строгую синюю форму гвардей-

цев с артиллерийской шашкой на поясе. Она прошагала ближе к стоящему штурмовику, одним взглядом заставляя пленников выбежать из здания напрямик в лапы её небольшого воинства.

– Вы хотели провести переговоры с помощью меня? Но как вы договоритесь с треугольными? – девушку встала напротив шрамированного, смотря снизу-вверх в её глаза.

– У меня есть один вариант. – Тритон подошёл у своему вещмешку, что обнаружил здесь сразу по прибытию и раскрыв его, вытянул оттуда продолговатый предмет, завёрнутый в бумагу. Он пах серой и каими-то травами, а на донце был намалёван небольшой фиолетовый кружок, – Достаточно мне зажечь его, как через пару дней к нам придут дирижабли.

– Чего же мы медлим? – княгиня обернулась к сидящему позади неё Пугачу, – Я сомневаюсь, что у нас много времени.

Пугач кивнул и вышел на улицу, где в утренней тьме резко вознёсся дымный стол цвета аметиста. Его должно было быть видно на многие километры и по словам Курпатова, подобный сигнал должен будет виден на многие километры, а дальше он будет передаваться по принципу сообщения кострами. Уже после этого, подоспели остальные войска. Бывший командир гвардии пал во время их прорыва через позиции верных лично Виваевскому войск. Поэтому, командование на себя пришлось взять Тритону, как одному из наиболее опытных командиров.

Тритону пришлось принять тот факт, что у гвардейцев губа не дура. Помимо нескольких паровых грузовиков до верху набитых оружием и боеприпасами, они смогли забрать с собой несколько лёгких и быстрый двуногих «Улан», тяжёлых «Бизонов», вооружённых несколькими тяжёлыми пулемётами и «Тарантулов» с множеством тяжёлых миномётов, способных раскрошить в доли секунд любое укрепление.

Тритон быстро приказал занять противоположный берег с помощью всего того же парома. Роялисты не дали долгого боя, быстро позволив чёрным бойцам занять свои позиции. Гвардейцы же, пока была возможность, рубили лес, для того чтобы навести полноценную переправу. Инженерный опыт немногочисленных бойцов Ломова, очень помог, из-за чего чуть больше чем за день переправа была наведена. Это было важно, ведь лучше всегда стоит иметь для себя путь к отступлению. Дальше, силами всей его небольшой армии были созданы минимальные укрепления, которые ему позволял лес.

Всё это время княгиня не сменяла серьёзного выражения лица, постоянно следя за тем, как ведутся работы по укреплению позиций. Сам же шрамированный, руководящий всем процессом, ходил и гадал, пытаясь отыскать причину её такого состояния. Возможно, она скрывалась в судьбе самой княгини, которую было сложно назвать лёгкой.

Возможно, вояка просто ничего не понимал в девичьей голове. В один момент, Тритон сел на срубленное бревно,

подставляя торс солнцу и закурил. А может хватит воевать? Закончить здесь дела и всё! Баста! Снять чёрную броню, отложить её в ящик и просто зажечь для себя? Чёрт с этим чиновником! Слишком много смертей произошло за последние месяцы! Расширить хозяйство, найти себе барышню, сыграть свадьбу, нарожать детей и просто жить? Больше не брать в свои руки оружия. Звучит довольно неплохо и даже идеально.

– Дирижабль! – крикнул один из бойцов, выдергивая Тритона из мыслей.

Шрамированный вскочил на ноги, смотря в безоблачное небо и увидел, как там медленно ползёт овал дирижабля. Двигался он с Запада – откуда и должен был прибыть Курпатов вместе с главой треугольных. Майор медленно зашёл в казарму и достал ещё один продолговатый цилиндр осветительной ракеты, но уже с зелёной пометкой. Выйдя наружу, он понял, что дирижабль движется быстро, но спокойно дёрнул за шнур, выпуская дым вверх. Ракета пролетела вверх и стала медленно спускаться вниз, но ни через пять, ни через тридцать секунд ответа не последовало.

– Враг! – выплюнув окурок, он взобрался на орудие, остервенело крутя штурвал поворота.

Стволы его орудия двигались слишком медленно, позволяя дирижаблю приблизиться ближе. Со скрипом стволы орудия и он нажал на гашетку. Орудие затряслось, выплёвывая из двух стволов трассирующие снаряды, летящие в сторону

овала дирижабля с огромной скоростью. Каждый ствол снабжал по отдельному коробу в ленте которого содержалось по сорок снарядов, но даже так они закончились очень быстро. Водители паратроников не отставали, поливая небо из всех имеющихся стволов.

Тело дирижабля неожиданно покрылась огнём, и он стал медленно снижаться, щёлкая в небесах всполохами взрывов. За многоголосым криком множества различных стволов, практически ничего не было слышно, а всё внимание сосредоточено на небесном теле. Этим и преминули воспользоваться бойцы Виваевского. Они обошли первый дозор и волной накатили на скоросложенные укрепления. Тритон, чертыхаясь, схватил карабин и прыгнул в окоп, направляя ствол на бегущих цепью военных. Огненный вал карабинов и пулемётов, просто смели наступающих бойцов. Тритон не понимал, чем руководствуется их командир, посылая своих солдат во весь рост на огонь множества стволов.

За первой волной пошла вторая, а затем и третья. Майор вынуждал своих бойцов экономить патроны, ведь было непонятно, как долго им придётся сражаться на этом небольшом клочке земли. К тому же, шрамированный отлично понимал, что выбить его голой пехотой будет практически невозможно, но если подтянуться тяжёлые орудия, то их громовой огонь в один миг сможет разбить их в пух и прах, перемолов их вместе с прибрежной землёй.

К ночи пыл псевдорялистов утих, закончив четвёртый

по счёту штурм. Патронов и сил было потрачено изрядно, но сидеть на месте было нельзя. Взяв два десятка проверенных штурмовиков, Тритон повёл своих людей в контратаку. Чёрные бойцы штурмовиков были практически не видны в ночной темноте, а потому ворвались на весьма поредевшие позиции роялистов, словно черти из-под земли. Грохот выстрелов вновь разорвал только-что утихшую ночь, заставляя бежать всех, кто только завидел штурмовиков в ночи. Роялисты бежали, оставляя всё: провиант, боеприпасы, уголь, орудия, паратроники. Бой был непродолжительным, но кровавым и прибыльным. Позиции противника были отодвинуты назад, но возможностей держать эти позиции не было, а потому было решено взорвать всех паратроники, не имея обученных пилотов. Всё полезное было отвезено на паровых грузовиках в лагерь княгини, а затем подорваны паровые котлы, из-за чего было сложно протиснуться по дороге.

Но даже днём отдыха не было. Треугольные, до того просто выжидающие, тоже пошли в атаку, ограниченно используя миномёты. Штурмовики, при помощи гвардейцев отвечали огнём из своих орудий, но воевать на два фронта на небольшом пяточке земли было практически невозможно. С каждым часом, с каждым потраченным патроном майор всё больше отчаивался, чувствуя, как медленно, но неизбежно редуют ряды его войска. Тритон был очень благодарен княгине, которая, послушавшись приказа оставаться в тылу, пришла на передовую к усталым бойцам, держащим оборону,

подбадривая их боевой дух.

Минули третьи сутки их обороны – люди были измотаны, да и о потерях забывать не стоило. Личный состав за три дня боёв сократился на треть, отбив не одну десятку атак. В округе было много подбитых паратроников, трупов лошадей и людей. Из-за стремления сохранить княгиню, погибло уже несколько сотен человек, а покалечено и то больше. Видя десятки и сотни трупов, Тритон всё больше и больше уходил в отчаяние, силясь понять, стоит ли одна жизнь тысяч и тысяч других и способна ли она остановить братское кровопролитие. В один момент, он увидел летящий дирижабль со стороны треугольных и быстро сел за орудие, подцепив последний короб с боеприпасами. Прижав пальцы к гашетке, он хотел было пустить длинную очередь, но на момент остановился, помня о том, что патронов больше не будет. Любого рода авиация в нынешних условиях была роскошью, но даже так над их позициями пролетали самолёты, истребляя немногочисленный боезапас. На левом берегу до того гремел долгий бой, и гвардия с усилием сдерживала противников, но в один момент всё затихло, оставляя свинцовый звон в ушах. Тритон моргнул, видя, как от дирижабля исходит множество фиолетовых дымных полос.

Тритон продолжал держать рукоятки орудия, анализируя ситуацию. Могли ли это быть треугольные? Определённо да. Могут ли они сбросить на их головы центнеры взрывчатки? Да. Нужно ли стрелять? А хрен его знает...

Дирижабль стал медленно снижаться прямоиком на широкую площадку парома, что был пришвартован к правому берегу, где уже несколько часов не гремели бои. Стволы орудия сопровождали гондолу дирижабля на протяжении всего пути, пока тот снижался. Схватив карабин и поправив чёрный панцирь на груди, он подошёл к серой гондоле вместе с несколькими штурмовиками, направив взгляды на одну единственную дверь.

Через несколько секунд она открылась и из стальной гондолы вышел высокий, сухой человек, одетый в красную рубашку и классические чёрные брюки. Мужчина был не молод, и постаревшая кожа обтягивала его прямоугольный череп, показывая угловатые скулы. Сквозь круглые очки без дужек, на него смотрели тёмно-карие, умные и проницательные глаза, степенно изучающие всё вокруг. Он казался спокойным, словно смерть, но оставался полным жизни и власти. Выйдя из дирижабля, он без страха протянул раскрытую ладонь шрамированному, – Моя фамилия Салко. Глава прогрессистской партии Рогозии.

– Майор Вратов. Надеюсь на продуктивные переговоры.

После из гондолы вышел и Курпатов. Он сдержал своё обещание и началось перемирие. Вратов, Салко, Курпатов и княгиня прошли в единственное целое место – казарму. Уже там на дощатом столе начались переговоры. Шли они долго, каждая сторона была упёртой и не хотела отступать. Княгиня удивляла своей стойкостью не только Тритона, но

и треугольного. Часы тянулись смертельно медленно, но дело двигалось вперёд, пока сам шрамированный сидел на патронном ящике у входа в казарму. Ему уже было абсолютно плевать и в какой-то момент он просто отрубился, откинувшись на кирпичную стену.

– Спите? – послышался тонкий голос у уха шрамированного.

– Да. – честно ответил Тритон, потирая глаза почерневшим от пороха и грязи кулаком, – Вы закончили? Почему я не слышу праздничного салюта?

– Наше государство измениться, а я хочу сказать спасибо. Вы четыре раза спасали меня от смерти и за это время я сильно изменилась. Не хочу больше быть той наивной девушкой, той марионеткой, которой управляют тени или генералы. Теперь, когда столько раз я была на грани смерти, я буду настоящей. Спасибо... – девушка потянулась к щеке Тритона и нежно поцеловала того в щёку, – Я хочу, чтобы вы были моим личным телохранителем.

– А я не хочу больше никого убивать. Я хочу пчёл. – Тритон погладил щёку и улыбнулся, посмотрев ей в глаза.

ЭПИЛОГ

День подходил к концу, а небосвод окрасился ярко-малиновый цвет, успокаивая уставший взгляд сидящего на крыльце своего дома. На его коленях свою голову уложила пушистая собака с длинной серой шерстью. Мужчина маленькими глотками отпивал из жестяной кружки ароматный взвар, почёсывая голову смирно спящей собаки, смотря на стоящий напротив него строящийся сруб. Деревню мужчины во время войны сильно зацепило: взрывами разорвало на щепки несколько домов, огнём пожгло поля, а осколки снарядов пришлось выковыривать из земли. Все свои деньги мужчина тратил на восстановление поселения, желая вновь слышать весёлые разговоры людей, мычание скота и привычные звуки деревни. Ни нож, ни пистолет, ни кираса, ни карабин – абсолютно ничего не отягощало его тело и только теперь он понял, насколько же устал держать оружие в своих руках. Той империи, за которую он воевал больше не существует. Больше нет абсолютной власти монарха. Больше нет Блока магов. Император остался, но ныне немалую власть имел совет, да и на местах власть имели местные собрания, а посланники императора имели статус простых советников. Ныне солдаты не кричали «За Царя и Отечество!» или «Народ! Равенство! Прогресс!». Теперь на устах воинов был клич «За Царя и Советы!». Но теперь это было не дело мужчины. Родина

перестала проливать кровь своих детей и теперь он почувствовал, что теперь его сердце спокойно.